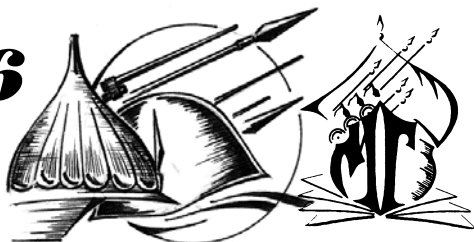

Россия, Русь! Храни себя, храни!

5-6
2019

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**
Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Лев КРИШТАПОВИЧ. Победа цивилизации, идеологии, человека	3
Игорь КАРПОВ. Без статуса Города-Героя	65
Владимир МИКОЯН. Забег вокруг Курил	128
Николай СОМИН. Советский социализм: взлёт и падение	134

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Герань в распахнутом окне. Роман. Окончание	15
Андрей НЕКЛЮДОВ. Два рассказа	74
Виктор МЕЛЬНИКОВ. Попутчики. Рассказ	141
Евгений КАЛАЧЁВ. Тувинский заяц. Рассказ	153

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН. Русские цветы. Стихи	57
Валерий АВДЕЕВ. Вышний свет. Стихи	116
Олег ИГНАТЬЕВ. На сквозняке земных сует. Стихи	123

Наталья РАДОСТЕВА. Без края и меры. Стихи	160
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. За лесами сизыми. Стихи	166
Светлана СУПРУНОВА. Поэтические пародии	204

ИСТОКИ

Людмила ТУРОВСКАЯ. История создания песни	171
--	-----

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Валерий ХАТЮШИН. Моя Пушкиниана. Стихи	180
---	-----

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

Валерий ГАБРУСЕНКО. Отрывки из прошлого	184
--	-----

СИМВОЛ ВЕРЫ

Ольга СОКУРОВА. Воспоминания об Иоанне Крестьянкине	213
Сергей ЧЕЧАНИЧЕВ. Народность или дух и вера?	222

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Владимир БОЛЬШАКОВ. Вызов века — национальный вопрос	228
Павел ЗАДОРЖНЫЙ. Избавимся от имен террористов!	235
Юрий ГИЛЕВ. Европейский геноцид в русских областях	242
Андрей СОШЕНКО. На фоне золотых слитков	244
Руслан ЛЯПИН. От русской весны к русской осени	247

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	251
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Михаил АНТОНОВ. Пушкин и ныне — наше всё. Окончание	257
Владимир ЮДИН. Грустит Катунь... К 90-летию со дня рождения В.М. Шукшина	272

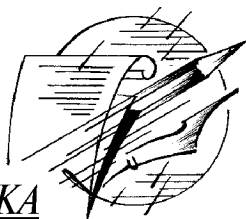
Лев КРИШТАПОВИЧ,
доктор философских наук, г. Минск

ПОБЕДА ЦИВИЛИЗАЦИИ, ИДЕОЛОГИИ, ЧЕЛОВЕКА

Цивилизационный смысл Победы

Одно из важнейших отличий Великой Отечественной войны от привычных традиционных войн заключается в том, что в этой войне шла битва между двумя несовместимыми принципами исторического общежития: советской цивилизацией и западным варварством. Важно понять, что на Западе во все времена была не цивилизация, но самое обыкновенное варварство, ибо под цивилизацией следует понимать не формальные признаки, такие как письменность, государство, разделение труда, частную собственность, а возвращение истории к своей человеческой природе. И такое понимание несколько не противоречит научной периодизации исторического процесса. Вот почему до Великой Отечественной войны битвы между государствами и народами никогда не сводились к такой исторической дилемме: цивилизация против варварства, варварство против цивилизации.

И хотя западные идеологи и политики свои колониальные захваты в Индии, Америке, Африке, Китае, Австралии всегда трактовали как приобщение незападных народов к цивилизации, как войны между цивилизацией и варвар-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ством, в действительности же так называемые цивилизационные войны западных государств против американских индейцев, китайцев, индусов, африканцев, австралийских аборигенов не выходили за границы обыкновенной варварской бойни. Различие было лишь в том, что западные варвары (англичане, французы, немцы, испанцы, португальцы, голландцы) в военно-техническом и организационном плане превосходили другие страны и народы, а поэтому победа практически всегда была на стороне западного варварства. Выдающийся индийский писатель и мыслитель Рабиндранат Тагор с горечью отмечал: «Подумай только, как раздобрела Англия на харчах голодающей Индии! А ведь многие в Англии считают, что вечно кормить их — великая миссия Индии! Какая беда, если ради процветания и возвышения Англии целый народ пребывает в рабстве. **Чужеземная цивилизация, если можно ее назвать цивилизацией** (выделено мной. — Л.К.), ограбила нас. Настанет день, когда, по воле судьбы, англичане вынуждены будут покинуть Индию, пока еще входящую в их империю. Какую Индию, какую ужасающую бедность оставят они после своего ухода, какое опустошение!»

В точном философско-историческом смысле Запад не выходил за пределы предистории человечества и в этом плане представлял собой не цивилизацию, а варварскую организацию исторического бытия. Нечто наподобие Киликийского пиратского государства в прошлом и террористического «Иггилла» в настоящее время. Именно при такой организации исторического бытия невозможно было состояться человеческому прогрессу. Прогресс касался лишь только вещественных (материальных) факторов производства, но в отношении человечества этот прогресс так и оставался варварством.

Скажут: а как же быть с Декларацией прав человека и гражданина? Ведь это продукт западного общества. Да, это продукт западного общества, но такой продукт, который стремился вырваться за пределы предистории человечества в социальное пространство цивилизации, но, уложенный в прокрустово ложе фарисейской юриспруденции, так и остался фиговым листком западного варварства. О чем красноречиво засвидетельствовали Мальтус, Карлейль, Ницше, Шпенглер и другие идеологи западного общества.

Показательным примером победы цивилизации над варварством является разгром немецко-фашистских войск в Сталинградском сражении. Немецкий полковник Вильгельм Адам в своих мемуарах писал: «Советские и немецкие солдаты, еще несколько часов стрелявшие друг в друга, во дворе мирно стояли рядом... Но как потрясающе разнился их вне-

шний облик! Немецкие солдаты — ободранные, худые, истощенные до полусмерти фигуры с запавшими, небритыми лицами. Солдаты Красной Армии — полные сил, в прекрасном зимнем обмундировании. Внешний облик солдат Красной Армии казался мне символичным — это был облик победителя. Глубоко взволнован был я и другим обстоятельством. наших солдат не били и тем более не расстреливали. Советские солдаты среди развалин своего разрушенного немцами города вытаскивали из карманов и предлагали немецким солдатам свой кусок хлеба, папиросы и махорку».

Вильгельм Адам даже не подозревает, что в ментальном отношении, несмотря на всю свою внешнюю цивилизованность, он так и остается варваром, поскольку никак не может понять естественных человеческих качеств наших красноармейцев и удивляется, почему это советские солдаты не бьют и не расстреливают военнопленных немцев, ведь немцы всегда били, морили голодом и расстреливали пленных красноармейцев. В свете символических свидетельств немецкого полковника Вильгельма Адама становится очевидным, что победа советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне была именно победой советской цивилизации над западным варварством.

Человеческий смысл Победы

Великая Отечественная война была не только всемирной битвой между цивилизацией и варварством, но и историческим сражением между двумя принципиально различными трактовками сущности человека. Кем является по своей природе человек? — так стоял вопрос в Великой Отечественной войне между советской цивилизацией и западным варварством.

Западные идеологи подходили к человеку с точки зрения сущности организации своей системы, в которой человек — средство, а не цель исторического процесса. Раз человек не цель исторического процесса, а средство извлечения дохода, прибыли, то в западной системе ценностей человек наделяется такими качествами, которые характерны для капиталистического производства — конкурентностью, индивидуализмом, эгоизмом, то есть человек рассматривается исключительно как машина для добывания денег. В западной системе ценностей человек по своей природе квалифицируется как греховное, злое, несправедливое существо. А какова действительная природа человека? По своей природе человек — доброе, разумное, справедливое существо.

Поэтому не случайно в Великой Отечественной войне столкнулись человек добрый, справедливый, с человеком недобрым, несправедливым. Но поскольку злой человек в самом своем определении отрицает свою человеческую природу, то в Великой Отечественной войне произошло не просто столкновение человека доброго с человеком недобрым, но в смертельной битве схватился человек с античеловеком. Вот почему в этой битве человека с античеловеком победа могла быть только на стороне человека, ибо такова сущность человеческого общества, не приемлющего зла, насилия, несправедливости. В этом заключается смысл самого исторического прогресса, который никогда бы не состоялся, если бы человек по своей природе был зол, несправедлив, эгоистичен. В этом выражается и сущность генезиса самого человека, который никогда бы не появился на свет, если бы он по своей природе был зол, греховен, несправедлив.

В этом и заключается изначальная предопределенность победы советского человека в Великой Отечественной войне над западным античеловеком, ибо тот порядок, который фашизм хотел навязать человеческому общежитию, был несовместим с самой природой человека. Вот почему советские люди, особенно молодое поколение, даже в первые, тяжелейшие дни и месяцы войны не сомневались, что победа будет за ними. Ибо сама природа человека восстала против фашистской бесчеловечности.

Илья Эренбург в книге «Война» (1942), написанной на основе писем убитых и взятых в плен немецких солдат и офицеров в материале «Варвар под Ленинградом» приводит письмо немки по имени Гильдегард из Дюссельдорфа к своему супругу Эйгену Кроненбергу: «Говорят, что русские стали крепко драться. Трудно себе представить, чтобы такой невоспитанный народ требовал от нас столько жертв! Но надо его раз и навсегда выкинуть из мировой истории — теперешние события это ясно показывают. Будь осторожен и держи ухо востро. Хорошо, что ты невысок ростом». Илья Эренбург сделал следующее справедливое заключение: «23 сентября (1941 г. — Л.К.) «невоспитанные» русские закончили земные труды фельдфебеля Эйгена Кроненберга. Я не хочу оскорблять горе его супруги, но она заслужила ответ: русский народ не выкинут из мировой истории, из жизни выкинут немецкий фельдфебель невысокого роста, Эйген Кроненберг».

Здесь надо иметь в виду, что СССР всем своим бытием воплощал в себе природу человека, а поэтому и воспринимался всем человечеством как сила справедливая, нравственная, которая ведет вселенскую битву с силой безнравственной,

человеконенавистнической. Поэтому СССР безоговорочно поддерживался всем человечеством в его священной войне с фашистской бесчеловечностью. Западные союзники (США и Англия), преследуя свои колониальные империалистические интересы, лишь фарисейски примазались к СССР в его битве с фашизмом, ибо по своей империалистической природе они ничем не отличались от гитлеровской Германии. Сталин совершенно правильно квалифицировал фултонскую речь Уинстона Черчилля:

«По сути дела, г. Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И г. Черчилль здесь не одинок — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки. Следует отметить, что г. Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира...

По сути дела, г. Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда всё будет в порядке, — в противном случае неизбежна война.

Но нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство гитлеров господством черчиллей. Вполне вероятно поэтому, что нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство».

Особенно важно подчеркнуть, что в Великую Отечественную войну вступило первое поколение советских людей, которые как раз были образованы и воспитаны в духе высочайшей человечности. В Великой Отечественной войне произошло мощное, резонансное наложение всей гуманной системы образования и воспитания в СССР на саму природу человека, ибо развитие личности было целью советского государства.

Несмотря на крайнюю необходимость концентрации сил и средств на экстренном решении труднейших экономических проблем, работа по развитию человека, приобщению народа к сокровищам художественной культуры не только не

была отложена на завтра, но поднялась на ещё более высокий уровень.

Лучшие театры в лучшем составе, лучшие артисты выступали по всей стране. Причём большинство их видело в этом не способ приработка, а, говоря словами Дмитрия Шостаковича, свой «вклад в могучую культурную стройку». В 1930 году был создан Центральный Дом работников искусств, одной из важнейших задач которого было приобщение людей к культуре. Народная артистка СССР балерина Ольга Лепешинская уже в постсоветское время рассказывала, что концертные бригады ЦДРИ объехали всю страну, выступали даже на дрейфующей станции «Северный полюс». При этом Ольга Васильевна подчеркнула, что «святой традицией» артистов были бесплатные выступления. Выдающийся певец Максим Михайлов, приехав на гастроли в Харьков, потребовал (именно потребовал), чтобы в его программу были включены бесплатные выступления перед рабочими заводов города, «иначе какой же я народный артист».

Огромными тиражами выпускались разнообразные серии маленьких книжек, которые стоили дешевле буханки хлеба. И вопреки утверждениям сегодняшних критиков СССР, их тематика определялась отнюдь не с «классовых», а с гуманистических позиций. Взять, к примеру, «Библиотечку журнала «Красноармеец». Казалось бы, уж где-где, но в ней приоритет должны иметь произведения в «классовом» духе. Однако вот несколько выпусков подряд 1946 года: новеллы Киплинга, сказы Бажова, рассказы Брет-Гарта, Станюковича, новеллы О'Генри, главы из «Швейка» Я.Гашека, рассказы А.П. Чехова.

Особое внимание уделялось литературе для детей. При издательстве «Молодая гвардия» работал сектор детской литературы, а при Государственном издательстве художественной литературы — школьный сектор. А в 1933 году по решению ЦК ВКП(б) в СССР было создано первое в мире специализированное издательство «Детская литература».

Но самое показательное: в разгар Великой Отечественной войны 26 марта 1943 года в Колонном зале Дома Союзов собрались дети — в первый день весенних каникул отмечались «Книжкины именины», литературный праздник, который инициировал замечательный советский детский писатель — в то время фронтовой корреспондент — Лев Кассиль. На празднике, который стал всесоюзным ежегодным литературным мероприятием, присутствовал цвет советской детской литературы: Агния Барто, Сергей Михалков, Михаил Пришвин, Самуил Маршак, Людмила Дубровина. Их гуманистичес-

кая детская литература вносила свой вклад в победу советской цивилизации над западным варварством.

На чрезвычайно высокий уровень поднялось советское образование. И его целью тоже было развитие подрастающего поколения. Школа давала ученикам не только необходимые знания, но учила мыслить, учила быть человеком.

Очень многое делалось для создания условий, способствующих раскрытию творческого потенциала людей. Была создана по всей стране и постоянно расширялась сеть подростковых научных и технических кружков, художественных студий, музыкальных школ, которые были в полном смысле общедоступны.

В 1937 году состоялась всемирная выставка в Париже, в которой впервые участвовал Советский Союз. Советская выставка собрала 270 наград, из них 95 — Гран-при, 70 золотых, 40 серебряных, 6 бронзовых медалей, более полусотни дипломов. Гран-при получили паровоз серии «Иосиф Сталин» и мягкий железнодорожный вагон, трактор Сталинградского завода и фильм «Чапаев», картина художника Герасимова «После дождя» и Дворец культуры им. Горького в Ленинграде, журнал «СССР на стройке» и станции метро «Сокольники» и «Кропоткинская» и многие другие экспонаты. Созданная для выставки скульптура «Рабочий и колхозница» оценивалась французской прессой как «величайшее произведение скульптуры XX века». Кто же создал всё это? Кто создал новые отрасли промышленности? Кто устанавливал новые рекорды, строил заводы и города, формировал блестящий инженерный корпус, создавал мировые научные школы? Именно миллионы советских людей — свободных, патриотичных, чувствующих ответственность за судьбу своей страны и гордящихся своей страной-цивилизацией.

Результаты всей этой гуманистической работы советского государства по раскрепощению природы человека заслуживают называться настоящим «советским чудом», что многократно увеличило силу духа советского общества и явилось решающим условием победы СССР над бездуховностью фашизма.

Можно сказать, что советская школа в самом широком смысле этого слова культивировавшая человеческие качества (доброта, разумность, великодушие) одержала победу над западной школой, которая внедряла в сознание молодого поколения ценности, совершенно противоположные человеческой природе (индивидуализм, расовое превосходство, конкуренция). Победил и советский школьный учитель, вос-

питавший поколение советских патриотов, проявивших массовый героизм на фронте и самоотверженный труд в тылу.

В этом и состоит человеческий смысл Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Идеологический смысл Победы

Победа СССР над фашизмом была также идеологической победой советскости над антисоветизмом, то есть победой советской идеологии как цивилизационной идеологии над западной идеологией как идеологии варварской. Чтобы скрыть этот идеологический смысл победы СССР над фашизмом, западные политологи применяют следующую аргументацию.

Она состоит в том, что разводятся понятия фашизм и нацизм, которые якобы не тождественны, и тем самым священную войну советского народа против западного фашизма подменяют только войной против немецкого нацизма. «Сейчас либералы стараются подменить это понятие (фашизм. — Л.К.) термином «нацизм», чтобы замаскировать сущность современного фашизма в разных странах, в том числе и в США» (Л.И. Олыштынский. Политическое просвещение. — 2018. № 1. С. 41—50). Кажущаяся безобидность подмены фашизма нацизмом преследует определенную антисоветскую цель — свести Вторую мировую войну, в том числе и Великую Отечественную войну, лишь к войне против нацизма как идеологии, якобы родственной советской, поскольку нацистская партия в Германии называлась «Национал-социалистической немецкой рабочей партией» (НСДАП). Тем самым западная идеология уводится от критики и вся вина за развязывание Второй мировой войны возлагается на Германию и СССР и, таким образом, доказывается, что между нацизмом и коммунизмом нет принципиальной разницы. Попытка западной идеологии поставить знак равенства между нацизмом и коммунизмом преследует цель оправдать расовую теорию англосаксов, что фактически и логически ведет к оправданию расовой теории нацизма и фашизма. Чем, кстати, и занимаются сейчас националисты в Прибалтике и Польше, а бандеровцы на Украине — эти, так сказать, передовые отряды западного варварства против Русского мира.

Подобная антисоветская трактовка призвана девальвировать и дискредитировать идеологический смысл победы СССР в Великой Отечественной войне над фашизмом как победы советской идеологии над идеологией антисоветской,

то есть западной буржуазной идеологией. Западные буржуазные идеологи и их приспешники на Украине, в Беларуси и России отрицают ту бесспорную истину, что именно западная система породила нацизм и фашизм, а поэтому она и несет всю вину за развязывание Второй мировой войны.

Необходимо помнить, что фашизм есть историческое явление, порождённое самой западной системой жизни, а нацизм есть лишь партийное выражение фашизма как буржуазного феномена, главным образом в Германии.

В других западных странах, например, в Англии фашистская партия первоначально называлась «Британский союз фашистов», а затем просто «Британский союз». Во Франции фашистская партия получила название «Французская народная партия», в Италии — «Национал-фашистская партия», в Испании — «Испанская фаланга», в США — «Американская нацистская партия».

Фашизм есть предельное выражение западной идеологии как антисоветской и расистской, а нацизм есть закономерный результат развития западной партийной системы как именно антигуманистической. Вот почему всякие попытки отделить фашизм и нацизм от западной идеологии, от западной буржуазной системы ценностей исторически ошибочны, теоретически несостоятельны и политически лживы. Это прекрасно понимали антисоветские политики и идеологи в межвоенный период, которые никогда не разделяли фашизм и нацизм и не отождествляли фашизм с коммунизмом. Вот как 25 сентября 1938 года накануне мюнхенского сговора Чемберлена, Даладьё, Гитлера и Муссолини польский посол в Париже Юзеф Лукасевич пафосно поучал посла США Уильяма Буллита насчет польской и германской политики: «Начинается религиозная война между фашизмом и большевизмом, и в случае оказания Советским Союзом помощи Чехословакии Польша готова к войне с СССР плечом к плечу с Германией. Польское правительство уверено в том, что в течение трех месяцев русские войска будут полностью разгромлены, и Россия не будет более представлять собой даже подобие государства». Религиозная война между фашизмом и большевизмом в устах польского шляхтича означала именно идеологическую войну между советской идеологией и западной, то есть антисоветской идеологией.

Что мы наблюдаем в современной Польше? Польше, которая возвратилась в лоно западных ценностей. Наблюдаем возрождение фашизма. Даже Европарламент и тот, несмотря на всё свое политическое фарисейство, вынужден был осудить «ксенофобский и фашистский марш», состоявшийся в

Варшаве 11 ноября 2017 года по случаю празднования 99-й годовщины независимости Польши. И это возрождение фашизма в Польше не случайно. Ибо главными «гарантами» польской независимости сегодня являются США, идеология и политика которых сводится к русофобии, поддержке террористических организаций, то есть к фашизму. Даже американские журналисты и те вынуждены признать, что «современная политика США, по сути своей, не сильно отличается от политики фашистских государств во время Второй мировой войны, одной из главных целей которой являлось разрушение России».

Говоря об идеологическом смысле победы СССР над фашизмом как победы советской идеологии над западной буржуазной идеологией, надо иметь в виду еще одно важное обстоятельство. Западная система — это не только капиталистическая экономика, это всё западное общество, в котором были достаточно широко обеспечены социальные гарантии трудящихся классов. Западное буржуазное общество в этом смысле являлось своеобразным *социалистическим обществом*. Но таким *социалистическим обществом*, которое основывалось на нещадной эксплуатации природных и трудовых ресурсов остальной планеты. В этом плане поучителен ответ Махатмы Ганди английским журналистам, которые предлагали лидеру индийского национально-освободительного движения взять за образец для независимой Индии английскую модель развития. На что мудрый Ганди ответил: «Британии потребовалась половина ресурсов планеты, чтобы достичь своего процветания. Сколько же планет потребуется Индии для развития?» В своем ответе Ганди посмеялся над английскими журналистами, которые не понимали (или делали вид, что не понимают), что всё благополучие их страны есть результат колониального грабежа Индии.

Западный *социализм* в основном формировался за счет колониальных владений западных государств. Это был, так сказать, *социализм* для своего населения и капитализм для колониальных народов. Поэтому все западные партии *социалистической* направленности (социал-демократы, социалисты, лейбористы) не случайно поддерживали свою буржуазию во всех войнах и грабежах других стран и народов. Это было как в Первой, так и во Второй мировой войне. В этом принципиальное отличие Второй мировой войны от Великой Отечественной войны. Вторая мировая война началась как война за передел мира, за передел колоний, за захват других стран, то есть за *социализм* для себя и капиталистическое рабство для других. Фашисты, так сказать, в своём партий-

ном строительстве соединили западные буржуазные партии с западными социалистическими партиями и создали фашистские партии типа НСДАП как симбиоз западного расизма и западного квазисоциализма. В той или другой форме такие партийные симбиозы существуют и поныне во всех западных странах, характерными признаками которых является антисоветизм и русофобия.

Отсюда — европоцентристские, расистские, ксенофобские теории и концепции исторического развития, которые всегда были характерны для западной идеологии, но которым только фашизм придал законченную человеконенавистническую форму как следствие антигуманной сущности самой буржуазной системы. Еще в XIX веке, когда Ирландия была колонией Англии, в английском буржуазном обществе бытовало широко распространенное мнение, что нищета в Ирландии вызвана ленью, безразличием и неумелостью ее жителей, Поэтому «предназначение Британии» заключалось не в том, чтобы «облегчить бедственное положение Ирландии, а в том, чтобы привести ее народ к цивилизации и руководить им, пока ирландцы не станут ощущать себя и действовать как человеческие существа» (доклад о развитии человека за 2004 год. Культурная свобода в современном многополярном мире. — М.: Весь мир. 2004. С. 328).

Этот ментальный расизм западной идеологии и лежал в основании формирования собственно фашизма, на что всегда указывал Гитлер, приводя в качестве образца политику и идеологию британской колониальной империи, которому немцы должны следовать. Поэтому Сталин был абсолютно прав, подчеркивая, что между Гитлером и Черчиллем, между фашизмом и английским консерватизмом нет никакой разницы. «Единственным разумным и логичным решением в отношении низшей расы является ее уничтожение», — без всяких угрызений совести утверждал английский писатель-фантаст Герберт Уэллс. Ментальный расизм является определяющим признаком в истории взаимоотношений западных империй с их колониями в Азии, и Африке, и Латинской Америке. Известное заявление Уинстона Черчилля, что голод в Бенгалии в 1943 году был вызван тем, что местное население «размножается как кролики», относится к общей традиции западной расистской идеологии возлагать вину за свои колониальные преступления на другие народы. Точно так же, как Гитлер свое вероломное нападение на СССР оправдывал необходимостью якобы защиты западного образа жизни, «развивающейся Европы с глубоко враждебным окружающим миром», так как считал «Советскую Россию смертель-

нейшей опасностью не только для германского рейха, но и для всей Европы».

Сегодня всю эту фашистскую пропаганду повторяют западные идеологи и политики, а также их марионетки на постсоветском пространстве против России, Китая и других западных стран, при помощи модифицированной, но всё той же расистской теории «столкновения цивилизаций» и «евроинтеграции», тем самым способствуя разжиганию мирового конфликта. Вот что вещал президент Украины Петр Порошенко о своей ассоциации с Евросоюзом: «Это не просто безвизовый режим, это окончательное «прощай Российская империя» и возвращение нашей великой нации назад, на родину европейских народов». Подобное кликушество ничем не отличается от гитлеровской демагогии с его «европейским крестовым походом» против СССР. И совсем не случайно на Украине бандеровско-фашистский режим в 2014 году заменил понятие Великая Отечественная война понятием Второй мировой войны. Как говорится, родство душ между фашистским режимом на Украине и так называемой западной демократией не подлежит сомнению.

Вот почему победа советского народа в Великой Отечественной войне была не просто победой над фашистской идеологией, но победой над всей западной идеологией как идеологией антисоветской, расистской и варварской.

ГЕРАНЬ В РАСПАХНУТОМ ОКНЕ

РОМАН

29

Кузнецов сразу письмо не прочитал, а вспомнил о нём только после ужина. Думал, что Мария что-то серьёзное сообщит, а увидел сплошное нытьё. Мол, жалко, что всё так получилось, что она и сама не рада этому. Просила прощения за то, что притащилась с рубашкой, что, наверное, из-за этого вышел конфликт с Елизаветой. Просила не обижаться и не вспоминать чёрным словом, потому что она ничего плохого не хотела. А теперь, когда перебралась жить к дочери, то не будет мешать.

«Вот новость открыла!» — подумал Володя. Он не ждал от письма чего-то особенного, а когда прочитал торопливые строчки, то, действительно, не проникся ими, они взволновали не более чем выпавший к вечеру снег: прошёл, ну и ладно. Поэтому письмо дня два носил в кармане, а потом, переписав обратный адрес, и вовсе уничтожил, чтобы случайно не увидела Елизавета, и забыл о нём. Не до него, если с утра пораньше у дома останавливался Игорь и ждал, чтобы отвезти на дачу к своему шефу.

Окончание. Начало в №1-2 за 2019 г.

ПРОЗА

Хотя Володя особенно не спешил, но работа была всё виднее и, как и обещал Метельскому, к концу недели он собирался закончить монтаж системы. Даже мог завершить работу в четверг, но потом смекнул, что можно денёк прихватить, а «сдачу» объекта назначить на пятницу. Да чтобы днём всё закончить, а к вечеру пораньше появиться дома, приготовиться к приезду Елизаветы.

Поэтому в пятницу они поехали вместе с Метельским. У Володи всё было готово, система отрегулирована и опробована, и теперь оставалось продемонстрировать ее заказчику в действии. Понятно, что стопроцентную ситуацию со взломом создать невозможно — для этого пришлось бы по-настоящему ломать дверь, а показать, как после её открывания сигнализация начинает верещать в самом доме, мигать огнями на фронтоне, пищать на пульте в руках Метельского — всё это Володя продемонстрировал, за что получил в подарок от директора бутылку «Метаксы», хотя если бы и ничего не получил, то и тогда не обиделся бы. Чего обижаться, когда зарплата все эти дни исправно капала.

Вернувшись вечером к себе, Володя уж собрался чистить картошку, но догадался позвонить Елизавете, и правильно сделал. Оказалось, что они сегодня приезжать не собирались, а завтра будут к обеду. Так что есть время спокойно провести вечер.

Володя знал, что с понедельника начнёт монтировать охрану на даче Звягина, и теперь вместо Игоря его будет возить сам заместитель. Это и к лучшему, а то пока неделю катался с этим Игорем, тот все уши прожужжал, вспоминая неравное сражение на скользкой дороге.

Как и обещала, Елизавета прибыла в субботу после обеда. Володя к этому часу приготовил и первое, и второе, и едва пообедали, как занялись всяк своими делами: сын поехал кататься на снегоходе, Елизавета занялась стиркой, а Володя отправился чистить прорубь, а заодно, как обычно, выгулять Найдёныша. Когда собрались в дом, Елизавета сразу с вопросом подступила:

— В кладовке сегодня разбиралась и не нашла пары валенок и телогрейки. Куда дел-то?

— Я почём знаю, куда они делись... — отговорился он, но вспомнив, как отдал их Болотному, поправился: — Хотя знаю, где они, — у художника.

— Вот иди и забирай назад!

— Как заберу-то, если дом опечатан, а сам Болотный готовится к царствию небесному!

— Ничего не знаю! Как отдал, так и забирай! А то ловкий — добром стал разбрасываться. Надо и остальное проверить.

После такого заявления Володя сразу вспомнил прежнюю Елизавету, её недавнее злобствование, только по иному поводу, более существенному. И если тогда её вполне можно было понять, как всякую женщину на её месте, то сейчас-то чего ей надрываться. Вот придет племянник художника, откроет дом — и, пожалуйста, забирай всяк своё! К тому же Немка рассказывала, что он созванивался с ней, сказал, что обещал устроить поминки по дяде на сороковой день. Хотел об этом сказать жене, чтобы уgomонилась, но не стал окончательно мутить воду. А то вдруг тот не придет, и тогда опять он станет виноватым.

От такого недовольства они, как по команде, перестали разговаривать, и когда сели ужинать, то даже Алексей не смог спокойно смотреть на их насупленные лица.

— Чего вы всё делите-то? — спросил он, как у спорящих школьников. — Чего с вами происходит-то? Кризис переходного возраста, что ли?

Володя промолчал, а Елизавета не сдержалась:

— Это надо у отца нашего спросить, что с ним происходит? Кое-кто уехал из Ключей — вот он и бесится.

— А тебе уж успели донести. Хорошо у вас дело налажено. Ты и дальше сплетни слушай. Тебе ещё не то наплетут! — огрызнулся Володя.

Кое-как подчистив тарелку, он отправился на второй этаж, не желая находиться рядом с Елизаветой, и завалился на диван в совсем расстроенных чувствах. Кузнецов понимал, что опять отношения с женой беспричинно становятся занозистыми, совсем не такими, какими должны быть. Отъезд же Марии вроде бы должен послужить для неё хорошим сигналом, от которого нормальная жена должна окончательно успокоиться, а не устраивать сцены, а у неё всё наоборот. И что это так, Володя убедился сегодня в очередной раз.

Поэтому они спать легли в разных комнатах, а если даже и вместе бухнулись бы, то и тогда он не смог бы прикоснуться к Елизавете, что бы она для этого ни делала, как бы ни старалась. А она даже не попыталась сунуть к нему носа, значит, даже своим напускным невниманием мстила, зная, что с отъездом Макаровой Володя находится совсем в другом положении, и это невольно давало Елизавете вольготность, уверенность в том, что начини она ругаться, бежать ему от грызни некуда. И понимание этого обстоятельства наполняло Елизавету сладким чувством мстительности, выравнивало её с Володей, когда он всю осень создавал ей безвыходную ситуацию, от которой она редела день и ночь, но ничего поделать не могла. Хотя — нет, смогла, но каким унижением это далось, какими неподъёмными переживаниями, от которых она

так и не отмякла, и вот теперь, когда представилась возможность, все недавние обиды невольно прорвались наружу.

Утром они просыпались и выползали из постелей в разное время. Первым, как ни странно, поднялся Алексей и, не умывшись, начал греметь посудой, потом по комнатам расползся запах кофе. Володя оделся последним. Завтракать при Елизавете не хотелось, и он собрался греть еду для Найдёныша, зная, что никто, кроме него, не накормит щенка, но ошибся.

— Хватился. Спи больше. Давно покормила его. Иди-ка за валенками да телогрейкой, пока племянник художника приехал. Не зевай. А то опять проспшишь!

Володя отозвался не сразу.

— Ну и с какими глазами я пойду к нему? Это всё равно, что с мёртвого снимать!

— Обыкновенными. Потому что своё забирать будешь.

— Тебе нужно — ты и ступай. А я не хочу позориться.

— Ну и пойду! — решительно сказала она, словно старые валенки да заношенная телогрейка теперь являлись для неё самым заманчивым богатством.

Володя не знал, что наговорила жена племяннику художника и что могла наговорить, но вскоре вернулась действительно не пустая.

— Вот, смотри, — кивнула она на вещи, брошенные, словно напоказ, посредине комнаты. — Ты даже в таком малом деле не можешь без меня обойтись.

— Теперь, наверное, до конца жизни обогатилась.

— До конца не до конца, а своего не отдала, как некоторые.

Володя молча отодвинул тарелку с недоеденной яичницей, которую успел поджарить, пока не было Елизаветы, молча оделся и вышел из дома, хотя зачем и для чего — не знал. Не знал он и как объяснить жене своё состояние, в которое она умело или наоборот — невольно — вогнала его из-за валенок. Нужны они ей. Или понадобились лишь как повод упрекнуть, упрекнуть тогда, когда уж вроде и упрекать нечем.

Всю зиму у Володи была одна работа по выходным: отвязать Найдёныша и отправиться с ним к пруду. Так и сейчас поступил. Пока щенок носился по снежной целине, Володя старательно и долго очищал прорубь ото льда. Очистил и задержался, долго смотрел в зеркало проруби, очаровываясь магией чёрной воды, почему-то всегда притягивавшей, и в которой мелькало его искажённое отражение. Незаметно пришло такое ощущение, что человек, выглядывавший из воды, — настоящий Кузнецов, а на льду стоит другой, непонятно, как и где искусственно выросший, словно таинственный гомункул, рождённый фантазией поэта.

Насмотревшись на своё отражение, Володя проникся тяжёлыми мыслями, ему показалось, что водяной житель звал к себе на постоянное жительство, как старого знакомого, зная, что они никогда не будут ругаться. В какой-то момент Володя вдруг вспомнил о гонящемся вокруг Найдёныше, подумал на полном серьёзе: «А его тогда куда? За собой в прорубь?» Этот разумный вопрос всколыхнул, привёл в чувство, заставил взглянуть на себя со стороны и поскорее убраться от чёрной воды, от чёрных мыслей, которые по-настоящему испугали. В какой-то момент услышал голос Немки, доносившейся из-за забора. Поднялся к дому, подошёл к воротам, спросил нехотя:

— Что случилось-то?

— Вадим зовёт на поминки по художнику. Где Елизавета?

— В доме должна быть... А что, без нас некому помянуть?

— Значит, некому! Вы с Елизаветой единственная пара в деревне. Нас-то, старух, чего в расчёт брать.

— Ну и посидели бы одни, каравайцев с кутьёй поели да по рюмашке выпили.

— Вот для этого ты и нужен, чтобы поухаживать за нами!

— Иди сама скажи ей, — попросил Володя Эльзу. — Она и слушать меня не захочет.

Немка действительно отправилась в дом, а через минуту вышла с Елизаветой, сразу напустившейся на Володю.

— Чего заставляешь уговаривать-то себя? Иди, помоги женщинам: столы расставить, воды принеси — чего им на бугре спотыкаться!

— Пошли, Марковна, помянем нашего Аристарховича! — сказал Кузнецов, не обращая внимания на жену, словно она не существовала.

У Эльзы Володя познакомился с племянником Болотного. Племяннику на вид лет тридцать пять, носат, чернобров. Володе очень хотелось спросить у него о квартире Аристарховича, мол, как дело повернулось или собирается поворачиваться, но на людях разве спросишь. Для этого подход нужен да хоть какое-то знакомство.

Володю посадили во главе стола. Немка уселась от него по правую руку, Устюжанина — по левую. «Как под конвой взяли!» — усмехнулся про себя Володя. Ему пришлось и вести поминки: сказал первое слово об усопшем, напомнил, каким достойным человеком был Никанор Аристархович, как он любил людей, и как рано ушёл, оставив в душе ощущение печали и сиротства. Кузнецов помянул его, выпив рюмочку, потянулся к закуске. Поминки — не свадьба. Выпил Володя три обычные в таких случаях рюмочки и отложил вилку, попросил у Вадима компота. Компот оказался яблочным, с до-

бавлением груш и тёрна, и оттого радовал приятной кислинкой, насыщенной терпкостью, напоминал те компоты, какие когда-то любила варить матушка.

Пока Володя дожидался старушек, не спешащих выходить из-за стола, и помаленьку пил компот, переговариваясь с Эльзой, в его тарелку кто-то наложил объедков, тем самым выставив его перед людьми самым настоящим обжорой. Кузнецов покосился на сидящую рядом Устюжанину и чуть было не ахнул от её нахальства, потому что не ахнуть было нельзя: тарелка её была чистой, если не считать подгорелой корочки, а сама Устюжанина прихлёбывала компот как ни в чём не бывало. Мол, думайте о ней что хотите, а она умеет на людях вести себя, не уподобляется некоторым нахальным москвичам; она — порядочная и уважительная женщина, пришедшая помянуть усопшего человека, а не чревоугодничать. Что оставалось делать Кузнецову в этой ситуации? Не перекладывать же прилюдно объедки в тарелку Устюжаниной? Оставалось промолчать и сделать вид, что ничего не произошло. Он так и поступил. И когда все начали подниматься из-за стола, он поднялся первым и, посочувствовав Вадиму, поскорее ушёл к себе. Но случай с чужими объедками не выходил из головы. Зачем это было сделано Устюжаниной, для какой такой цели? Для того, что ли, чтобы показать, какая она воспитанная, какая незряшная, как говорили в Ключах?

Конечно, у пожилых людей свои понятия о приличиях, но не до такой же степени. Он, помнится, и за своей матушкой припоминал некое чудачество, для которой чревоугодничество считалось чуть ли не самым большим грехом. Она при своём-то ела мало и неохотно, словно по принуждению, а если случалось сидеть за одним столом с городскими гостями, и, не дай Бог, с начальством, — тут уж она делалась и вовсе неисправимой малоежкой. Вся искраснеется, остерегаясь сделать что-нибудь не так, подцепляя какой-нибудь кусочек с общего блюда или тарелки; от волнения у неё всегда при этом неимоверно дрожали руки. Поэтому она чаще всего обходилась пирожком или какой-нибудь сладкой ватрушкой. Чуть-чуть надкусит, положит к себе на тарелку и незаметно поглядывает на гостей: не смотрят ли они на неё, не смеются ли над её неуклюжим поведением. Зато потом, когда гости уходили, она одна садилась за стол и спокойно обедала или ужинала. Отец над ней подшучивал, а незабвенной Нине Петровне хоть бы что: сидит и млеет от гордости за себя, даже в ответ причмокнет языком: «Зато никто не скажет, что я лябошка деревенская!» Но это была мелкая причуда, от которой никому не было обиды, какую позволила себе Устюжанина.

Вернувшись к себе, Володя застал сына и жену обедавшими. Елизавета пригласила присоединиться, но Володя отказался:

— Только что из-за стола. Пойду, полежу, — сказал он с лёгкой душой и порадовался, что не надо сидеть с женой рядом и пытаться о чём-то говорить.

Поэтому ушёл на второй этаж и даже вздремнул, а очнулся от голоса Елизаветы.

— Спишь всё? — усмехнулась она. — Мы поехали. Закрой за нами.

Обычно он спрашивал, когда их ждать в следующий раз, но сейчас не спросил, потому что наверняка жена ничего правдивого не сказала бы, а лишь наобещала с три короба, как обычно. Она и в этот раз не сдержалась, даже специально вышла из машины, чтобы сын не слышал её слов:

— Хотя некому теперь в Ключах глазки строить, но всё равно веди себя прилично. Не вздумай на Ложкино замахнуть.

— Всё сказала? Пока! — сквозь зубы процедил он и грохнул металлической дверью.

30

Елизавета, видимо, уехала в радости, а к Володе в эту ночь сон не шёл. Он, конечно, спал, но можно ли назвать сном тревожное состояние, не желавшее улетучиваться до утра. Володя понимал, что оно приходит из подсознания, и надо пользоваться им как самым верным и правильным, не замутнённым жизненными обстоятельствами и наслоениями. Но беда в том, что ясно и чётко воспринималось в дрёме, наяву тотчас забывалось. Неоднократно просыпаясь, он вдруг чувствовал себя вынырнувшим из мутного потока непонятного происхождения и не знал, как от него отмыться.

Может, поэтому в понедельник Кузнецов поздно проснулся от нудно звучащего звонка с улицы, и в первый момент ему показалось, что это преследует очередное навязчивое видение. Но пригляделся и увидел автомобильную антенну, выглядывавшую из-за ворот, и вспомнил, что сегодня надо ехать на дачу к Звягину. Поспешно одевшись, Володя вышел на улицу, подошёл к джипу.

— Проспал я, дорогой Евгений Анатольевич. Впервые за долгие годы. Не вели казнить, вели миловать!

Тот принял его тон и, улыбнувшись, сказал в ответ:

— Когда работал у Метельского, уж, наверное, не просыпал. А его зама можно и помуржить — урона большого не будет.

— Как сказать... — замялся Кузнецов, принимая шуточный тон: — Большого, может, и не будет, а на чашку кофе с сахаром да сливками придётся расколоться. Так что, Анатолич, бросай железного коня и пошли со мной кофий пить. Заодно и перекусим.

Понимая, что деваться некуда, упитанный Звягин неуклюже выбрался из машины и пошёл за хозяином, приговаривая:

— Ну, пойдём, посмотрим, какие хоромы отстроили московские олигархи!

— Не смеши уж! — отговорился Володя, перейдя на «ты», потому что сразу проникся непринуждённым поворотом в разговоре. — Олигархи электриками в интернатах не работают! — сказал и подумал, что и на чужих дачах не вкальвают почём зря. Сказать бы это Звягину, но ведь тотчас обидится, и не просто обидится, но увидит крамолу в словах подчинённого, вольнодумство, и в дальнейшем будет считать его опасным во всех отношениях.

Перебрасываясь шутками, они позавтракали. Во время завтрака Звягин озирался, рассматривая датчики, Володя его взгляды заметил, понял и прокомментировал:

— Такая же система и у меня стоит. Вполне устраивает: отлажена, проверена временем. И у Метельского такая же. Не буду же испытывать на ваших хорамах какую-то новинку, с которой сперва разобраться надо.

— Правильный подход, даже мудрый. Чего за модой гнаться, когда есть классика.

Слова о классике немного развеселили Кузнецова, невольно подумавшего о заме: «Уж кто бы заикался о классике, когда лампочку в фаре поменять не можешь. Знаток!» Но сатирическая мысль настроения не испортила. Кузнецов неторопливо собрал «тревожный чемоданчик» — сумку с бутербродами и термос с чаем — и объявил:

— Готов к труду и обороне!

Чем более Володя становился словоохотливым, тем Звягин выглядел менее довольным. Вообще-то Евгений Анатолевич — мужик спокойный, обычно неразговорчивый, словно чувствовал за собой какую-то вину и не знал, о чём можно говорить с людьми, когда оставался с ними один на один. Он и сейчас не знал правильного пути для беседы и поэтому, когда поехали, нервно похохатывал, поддакивая Володе, когда тот спрашивал о чём-то, уточняя, или сам о чём-нибудь говорил, когда молчание неловко затягивалось. Но это всё лучше, чем слушать бесконечный трёп Игоря. Со Звягиным вполне можно найти общий язык. Нормальный мужик. Жаль только, что на коротком поводке у Метельского ходит. Да и как не

ходить. Тут уж выбора быть не может. Зато дачу вместе с ним отхватил. Это разве не плюс? Плюс — да ещё какой! Хотя это не дело Кузнецова, не его забота совать нос в чужие дела. Поэтому он обрадовался, когда остался один.

Как ни привык Кузнецов работать в одиночестве, но работа на чужих дачах стала вскоре тяготить именно этим. И на прежней работе в охране, и на теперешней в интернате — нет-нет да перекинешься с кем-нибудь словечком, а здесь кладбищенская тишина и покой. Хорошо ещё, что обнаружил портативный радиоприёмник, который, правда, работал, пока не выдохлись батарейки. Но на два дня хватило, а на третий день он не появлялся на даче — День защитника Отечества пришёл! Если прежде выходной день не полагался, то теперь, по примеру женского праздника, — назначили. Кузнецов в этот день отоспался, погулял с Найдёнышем, поймавшим в кустах сороку с подбитым крылом. Принёс щенок трепыхавшуюся птицу Володе и смотрит на него преданными глазами, ждёт похвалы. Похвалил, конечно, потрепал по загривку, не зная, что делать с раненой птицей, зато Найдёныш понял его похвалу как призыв к действию и тотчас начал трепать скрипевшую клювом белобоку, вскоре обмякшую. И тогда Володя отогнал щенка, не в меру возбуждённого охотничьим инстинктом, от несчастной птицы, не зная, что с ней делать: похоронить не похоронишь — земля студёная, и просто так не выбросишь — вороны слетятся, устроят оргию. Тогда отнёс тонконогую птицу в деревянной сарай, с глаз подальше: пусть лежит, как в холодильнике, до весны, если мыши не съедят. Отнёс и сравнил себя с этой сорокой: ранила Елизавета в душу, подобно нерадивому охотнику, и оставила одного на растерзание мыслям.

Весь день слоняясь по усадьбе, Володя ждал звонка от жены, желая услышать не столько обычное в такой день поздравление, сколько понять её настроение: изменилось ли оно за два-три дня после расставания, или по-прежнему прирастало колючей накипью непонятого происхождения. Действительно, чего теперь баламутить себя и его, когда никакой причины для этого более нет? Но он и не требовал от Елизаветы сверхвнимания, прекрасно понимая её. Кузнецов перестал ждать звонка, когда он вдруг раздался под вечер. Взглянул на телефон, а это Вера вспомнила о нём.

— Слушаю! — забыв все переживания, радостно сказал он, как выдохнул.

— Поздравляю, дорогой братец, с праздником! — сказала сестра, словно пропела мелкой птичкой. — Желаю здоровья и семейного благополучия!

Недолго поговорил Володя с сестрой, всё-таки успевшей пожаловаться на «непутёвого» зятя Майкла, а на душе сразу полегчало, улетучилось пасмурное настроение, а с ним и ненужные мысли, ничего хорошего не добавлявшие. И он был благодарен сестре за внимание, за то, что, не зная, она оказалась для него в этот день самым близким и понятным человеком, если учесть, что не только жена, но даже и сын не соизволил поздравить. И это чувство сохранялось до вечера, до того часа, когда, поужинав, он, посмотрев немного телевизор, улёгся спать.

Кузнецов почти задремал, когда новый телефонный звонок заставил вздрогнуть. Трубку взял, а в ней небольшой фон и молчание.

— Слушаю! — сказал Володя, увидев, что звонит Макарова, и услышав, как она дышит в трубку.

Несколько секунд молчания, а потом раздался привычный певучий голос, от которого Володя сразу заволновался:

— Ну, здравствуй. Ты один?

— Привет! А с кем мне быть?

— Праздник ведь... Может, твоя купчиха приезжала?

— От неё дождёшься. Чего звонишь-то?

— Поздравить хотела... А ты страсть какой ворчливый.

— Да не ворчливый я — обычный. Ну, поздравляй! Хотя подожди — сейчас перезвоню, чего твою деньгу транжирить?

Володя перезвонил, и когда вновь услышал голос Марии, неожиданно зазвучавший по-иному, совсем уж любезно, то она поздравила, наговорила приятных и ласковых слов, а у него и сердце сразу отмякло, словно тепло, которого он ждал с утра, наконец-то нашло его, и теперь мягким эхом отзывалось в душе, заставив забыть недавние сомнения. Молодец, всё-таки, Макарова! Хотя непонятно, зачем звонит.

— Ты чего, решила душу поцарапать? Как жила в Ключах, то хоронила от меня, а теперь вдруг вспомнила!

— Это ещё неизвестно, кто хоронился...

— Ладно, проехали. Ты-то как устроилась? Пирожки печёшь?

— Ничего я печь не буду, если только для себя. Пока живу у дочери, а как потеплеет, под Ярославль перееду, на автобусе — полчаса.

— И стоило одну деревню на другую менять?

— Стоило... Чтобы тебя не видеть и твою купчиху.

— Ладно, не заводись. Она тебе ничего плохого не сделала, и неизвестно, кто на кого должен обижаться.

— Не защищай её. Любящая жена не оставляет мужика на полгода, а если оставила, то пусть пеняет на себя. Ладно, не хочу больше об этом говорить... Скоро будет Восьмое марта... Поздравись меня?

-
- А ты этого хочешь?
— Очень! Буду ждать! Ладно, хватит болтать, а то всю свою зарплату проговоришь! Я тебя целую! А ты?
— Я — тоже!
— Тогда — всё, пока. Звони.

И сразу после этого разговор прервался, словно Мария постеснялась своих слов или только и дожидалась его признания о поцелуе. И когда добилась нужного, то и говорить стало не о чем. «Ну, если тебе эти слова в радость — дай бог, лишь бы на пользу пошли!» — всё-таки иронично подумал Кузнецов и вдруг понял, что настроение сделалось совсем иным. Показалось, что всё вокруг окончательно посветлело, и многочасовое ожидание чего-то радостного всё-таки сбылось, наполнило душу забытой нежностью, и он подумал: «Жалко, что Манюни нет рядом. А то завалился бы к ней под тёплый бочок, и пропади тогда всё пропадом!»

Наутро Кузнецов ехал с замом на работу совсем иным человеком. Теперь, когда Володя вспоминал вчерашний звонок Марии, долгий с ней разговор, он совсем не чувствовал себя одиноким, не тяготился предстоящим пребыванием на чужой даче. Ему казалось, что теперь Макарова всегда с ним, только её временно не видно, но стоит только захотеть — и она волшебным образом окажется рядом: смотри тогда и любуйся!

Он много думал о ней в последующие дни, она даже приснилась во сне. Случилось это в самом начале марта, когда у Кузнецова день рождения, а никто из домашних не поздравил. Он, правда, и не ждал поздравлений, особенно от жены, но сын-то мог бы звякнуть — не велика трата. Не соизволил. «Ну и бог с вами!» — думал Володя, не особенно расстраиваясь. В последние месяцы он привык получать неожиданные «подарки» от домашних, и теперь ничему не удивлялся. А обида? Так это дело проходящее: как родится, так и умрёт. Зато, промаявшись весь четверг в ожидании звонка из Москвы, он чаще обычного вспоминал Макарову. Ведь прошла неделя после её звонка, и она бы должна подзабыться, но нет — всё чаще приходил её образ, воспоминания, а в свой день рождения ему и вовсе приснилось, что он спит с ней. И так сделалось сладко и радостно, так он затрепетал душой, чувствуя Марию всю целиком, что проснулся среди ночи опустошенным и не сразу понял, что произошло. А потом рассмеялся и погрузился одновременно: настолько пришедшая нехоти любовная страсть показалась обидной, даже оскорбительной, особенно ему, имеющему жену, и при всех текущих раскладах не обязанному страдать от женского невнимания. Может, поэтому он после этого случая и о Макаровой

заставил себя меньше думать. Ведь когда не озадачиваешься романтическим миражем, не туманишь голову любовными фантазиями, то они умирают сами собой, как дерево в безводной пустыне.

А жена всё-таки позвонила. На следующее утро после дня рождения.

— Ой, прости, что вчера не поздравила, — с натужным сожалением кричала она в трубку. — Совсем закружилась! Так что поздравляю и желаю достойного поведения, чтобы поменьше косился по сторонам. А то сделаешься в один прекрасный момент косым — кому такой будешь нужен?

Елизавету в этот день словно прорвало. Обычно лишнего слова не вытянешь, а тут молотила и молотила, и всё вроде бы к месту, с заботой. Только забота эта закончилась просьбой подготовить ящики для помидорной рассады, добыть земли и удобрений, мол, пришла пора сеять семена, чтобы в конце мая помидоры высадить в грунт. Давала ещё какие-то мелкие поручения, на что Володя сказал:

— Ящики сколочу, а в остальном — сама приезжай и занимайся. У меня не сто рук.

Елизавета проворчала:

— Я давно знаю, что на тебя плохая надежда. Ладно, на праздник сама всё сделаю.

Она отключила телефон, а Володя подумал: «Вот и займись. Нечего переключать с больной головы на здоровую». В тот же вечер ему позвонил сын, потом внучка со снохой, но их поздравления не радовали, потому что все они звонили по принуждению, видимо, услышав о его дне рождения от Елизаветы. Но хотя бы так. Всё лучше, чем ничего. Сам же Володя решил не спешить выполнять указание жены, потому что предстоящую субботу объявили рабочей. Так что трудящиеся граждане страны потом будут три дня предаваться пьянству и чревоугодничеству, у кого, конечно, на это имелись средства. Ведь третий день этого обжорства будет заканчиваться Масленицей, совпавшей в этом году с 8 Марта. Потом наступит Великий пост, но кто из них об этом вспомнит?

Как ни сердился Кузнецов на Елизавету, но всё-таки надеялся, что она сама приедет на 8 Марта и всю семью привезёт. Более всего хотелось увидеть Ангелинку, которую не видел с новогодних каникул. Она была пока в том возрасте, когда с ней можно посюсюкаться, поиграть, да и разговор с ней, даже и серьёзный, почти всегда походил на развлечение, игру. Ведь через год-другой превратится в девицу со своим характером, необъяснимым на первый взгляд стремлением к лукавству, когда начнёт скрывать какие-то тайны, известные, наверное,

только ей самой, а значит, исчезнет искренность, непосредственность и доверительность в отношениях.

Но, как оказалось, зря он мечтал о встрече с семьёй. И это уж стало чуть ли не правилом, особенно, когда начинал планировать что-то заранее. Запланирует, и обязательно что-то произойдёт по-иному, не так, как хотелось или мечталось. В этот праздник всё это и подтвердилось, когда накануне позвонила жена и чуть ли не радостно сообщила, что Ангелинка и Алексей заболели. Может, поэтому, он вспомнил о греческом коньяке, подаренном Метельским, и откупорил бутылку, а как откупорил, то открыл коробку конфет от Звягина, и ничто не помешало ему расслабиться. Вкус коньяка показался не похожим на отечественные коньяки — был он более мягким, карамельным — таким, что его и закусывать-то особенно не надо.

Следующий, праздничный день он начал с того, что решил поздравить Макарову, помня, как поздравляла она с мужским праздником. Первая попытка была неудачной: номер её телефона оказался заблокированным и не отзывался на Володин праздничный посыл, отпугивая казённым женским голосом. Перед обедом он повторил попытку, но вновь неудачно. Он не знал, что и думать и как объяснить это, ведь никакая женщина в праздничный день не будет держать телефон отключённым! А Мария почему-то держала его в таком состоянии. Поэтому Володя перед обедом вспомнил о «Метаксе», успешно допил бутылку и, не придумав ничего лучшего, завалился спать. Вечером вновь пытался дозвониться до Макаровой, но тщетно. «Ну, что же, я заслужил то, чего сам долгое время добивался! — подумал Кузнецов сам о себе и укорил: — О женщинах, особенно любимых, надо помнить всегда, а не только по праздникам!»

О своей же Елизавете он даже не вспомнил в этот день.

31

Обидевшись на всех женщин на свете, Кузнецов вышел после праздника на работу с иным, совсем неожиданным для себя настроением. Вчера ходил сам не свой, а сегодня только успевал подтрунивать: «Чего это я? Подумаешь, Марии не дозвонился! Надо ещё заслужить моего звонка! А то уехала, махнула подолом и теперь думает, что всё ей можно! Теперь в своём Ярославле с каким-нибудь местным хмырём обжимается! Ладно хотя бы помоложе была, а то давно вода на киселе!»

Проникнувшись с утра боевым, даже воинственным настроением, он его сохранил и к встрече с Василием, которого

не видел почти три недели, отвык от него, а теперь едва признал в тихом и забитом мужичишке уверенного хозяина. Он, оказывается, и вёл себя без него по-хозяйски: переставил свой стол, отгородившись от Володиного металлическим шкафом, прежде стоявшим в углу. Кузнецов, заметив перестановку и, поздоровавшись при встрече, сразу съязвил:

— Фильмов, что ли, западных насмотрелся? Это там у них в офисах каждый чел, как личинка в коконе, в отдельном отсеке сидит, чтобы не видеть соседа, не смотреть, как тот в носу ковыряется.

— Не бурчи, Володь, — обратился Василий к Кузнецову по имени, хотя прежде всегда и отчество добавлял. — Так удобнее. Кому нужно в шкаф заглянуть — тот и заглядывает, другому не мешая.

— Ладно, что сделано — то сделано. Пусть будет по-твоему, но учти, что в следующий раз надо всё-таки вдвоём такие вопросы решать. Ладно, будь пока здесь, а я пошёл к Метельскому. Буду новый аккумулятор просить для дизель-генератора.

Кузнецов направился к Метельскому, держа в уме твёрдое и окончательное решение о необходимости покупки аккумулятора для дизеля. Именно поэтому он смело вошёл в директорскую приёмную и сразу спросил у Снежаны, испуганно отложившей зеркальце, словно она не в зеркальце себя рассматривала, а за кем-то подглядывала в замочную скважину.

— У себя? — кивнув на дверь, спросил Кузнецов.

— А вы по какому вопросу? — ошаршила секретарь серьёзностью, распрямив и без того прямые жуковые волосы.

— Ну, не по личному же? Порядки мы знаем!

Кузнецов всегда считал директора заносчивым, даже выскомерным человеком, посматривающим на всех свысока, даже при своём не выдающемся росте. А тут, увидев Кузнецова, поднялся из-за стола, пожал руку, сказал хотя и с обычной своей улыбкой, но в этот раз, кажется, искренней:

— Какие люди! Проходи, садись! — и указал на стул рядом со своим креслом. — Рассказывай!

— А чего рассказывать-то... Просить пришёл. Правда, не для себя. Помните, разговор осенью был об аккумуляторе для дизеля, потом повторно о нём же напоминал после ледяного дождя?

— Помню, как не помнить! — не стал отказываться Метельский. — Аккумулятор купим, в этом проблем нет, разве я против. А пока необходимо отремонтировать сарай, где стоит дизель. Так что плотнику я сегодня же дам указание.

— Лады, Эдуард Максимович! — улыбнулся Володя и подумал: «Теперь знаю, с какой стороны подходить к тебе!» И

сразу же добавил, чтобы усилить эффект от просьбы и подчеркнуть свою значимость: — Сигнализация-то исправно работает? Сбоев не было?

— Тьфу-тьфу — ни одного!

Вернувшись от Метельского, Кузнецов сказал Василию:

— Пойдём на месте помаракуем, что делать с дизелем. Неплохо бы полистать инструкцию.

— Найти-то можно, когда-то она вон в шкафчике валялась, но что это даст? Надо на месте смотреть да разбираться. Хотя генератор почти новый. Его же всего пять или шесть лет назад привезли. Помню, какой-то приказ был: мол, все интернаты, больницы и прочие подобные заведения обеспечить автономным питанием. Вот тогда он и появился. Наладили его, запитали на интернат, даже, помню, запускали. Всё тогда работало, ток лился рекой, а вскоре и забыли о нём, когда кто-то спёр аккумулятор. Так что дизель, считай, новый.

— Всё равно пойдём, посмотрим!

В сарае они разобрали вокруг дизеля хлам, подмели пол. Когда протёрли мотор от пыли и старых масляных пятен, Володя радостно улыбнулся, увидев на дизеле эмблему Ярославского моторного завода.

— Знакомый город. Хороший товарищ там живёт, — вздохнул он и вспомнил уехавшую Макарову.

Для Володи работа с дизелем была в новинку, поэтому он даже позвонил в Москву знакомому электрику, в ведении которого был похожий генератор, и кое-чего расспросил. Звонил со своего мобильного, когда Василий отправился домой обедать, чтобы оставить разговор в тайне.

С этого дня Володя по-особенному полюбил грудку металла, называемую дизель-генератором. Пока присланный директором плотник занимался деревяшками, Володя с Василием корпели над мотором. Володя особенно полюбил ту его часть, где крепилась табличка с названием завода-изготовителя. Поэтому волей-неволей любовно протирал ветошью дюральку, и это его равнодушие как-то заметил Василий.

— Чего ты её, как боевую медаль, трёшь? — спросил он, чуть ли не смеясь. — Ни одной уж буквы не различишь.

— Да так, что-то на глаза попадается...

Почти всю неделю они провели в сарае. Плотник за это время заменил, с их помощью, конечно, колоды, навесил новые ворота, застеклил рамы. Электрику проверили, иногда, правда, отлучаясь на вызовы, проводку, силовые кабели, очистили контакты у генератора, даже коллектор на всякий случай почистили. К тому же отёрли дизель, аккуратно покрасили его «серебрянкой», и стоял теперь весь агрегат как

новый. Володя принёс из дома обогреватель, и на станции, как теперь стали называть сарай, даже стало тепло. К тому же в середине марта по-настоящему потеплело, днём до десяти-двенадцати градусов. Только аккумулятора пока не хватало. Кузнецов уж дважды теребил директора, но тот пока отделивался обещаниями. И только к концу третьей недели Кузнецова нашёл Звягин и обрадовал:

— Завтра с утра поедем в Хотьково за аккумулятором, директор с кем-то договорился!

Но быстро дело только на словах делается. Пришлось ещё ждать неделю. А как, наконец-то, аккумулятор занял своё место, то вокруг генератора собралось всё руководство. Володя заранее предупредил их и сказал о том, чтобы временно отключили компьютеры, потому что они будут проверять систему в действии в полном объёме, с отключением внешнего питания, чтобы полностью сымитировать аварийный запуск.

— Ну, давай, Василь, действуй! — подтолкнул Кузнецов напарника.

С первого включения стартера ничего не получилось.

— Смотри, не перелей горючки! — напомнил-предупредил Звягин Василия.

Через минуту тот повторил попытку. Удивительно было наблюдать, как несколько мужиков смотрели на двигатель таким взглядом, будто перед ними сейчас должно произойти чудо! И оно произошло: дизель в какое-то мгновение встрепенулся, задрожал. А потом зарокотал столь гневно, что от него все попятились. Когда двигатель прогрелся, то заработал ровно, и Василий подключил генератор, и тот послушно отозвался ровным, рабочим гулом, и не без пользы, о чём засвидетельствовали качнувшиеся и сразу задрожавшие стрелки приборов на панели управления. Василий заулыбался. Оставалось дать ток в интернатовскую сеть, которую перед этим отключили, что Василий с превеликой радостью и сделал, грохнув рубильником, и лампочка в гараже тотчас отозвалась жёлтым при дневном освещении светом! Это и требовалось доказать! Когда дизель немного поработал, Метельский сказал, словно подписал акт приёмки:

— Выключайте, хватит соляру жечь! Молодцы! Премией обеспечены!

Заглушив двигатель и переведя энергоснабжение интерната на обычную схему, Василий спросил у Кузнецова, когда разошлось начальство:

— Ну и чего нам дальше делать?

— Заниматься обычной работой, а впредь следить за аккумулятором, чтобы он всегда был заряженным.

— Каждый раз дизель, что ли, заводить?

— Зарядное устройство купим! Я поговорю с директором. А пока из дома принесу.

Володя в этот день возвращался с работы, как с праздника. У поворота на Ключи он обратил внимание на синий почтовый ящик, мимо которого всегда проходил равнодушно, а теперь подумал: «А вдруг там письмо от Марии?» Он знал, что корреспонденцию из ящика, общего на всю деревню, вынимала Немка, но делала это от случая к случаю, потому что газет ключанские старухи не выписывали, а письма приходили редко. Да и такая она, эта Гринберг, что и утаить может. Втихую прочитает письмо и выбросит, зато будет знать, что кому пишут. Хотя, наверное, всё-таки зря так думал Володя о старостихе. И убедился в этом, когда ступил с шоссе на деревенскую улицу, перегороженную на время распутицы бревном от какого-нибудь неразумного лихача, которому стоит лишь раз проехать в эту пору по улице и испортить её навсегда. Заметил у крыльца избы Устюжаниной саму хозяйку и, лёгкую на помине, Немку. Они тоже увидели Кузнецова и зашушукались, начали переглядываться. Он не собирался останавливаться, о чём-то говорить с ними, особенно с Устюжаниной, недавно свалившей ему гору костей в тарелку на поминках Болотного, но они сами окликнули:

— Не проходите мимо, молодой человек! — ослабилась Немка, показывая неровный ряд жёлтых зубов, словно всю жизнь курила. — Вам посланьце пришло! — И показала конверт.

— Да, ладно... — отговорился Володя и сразу заволновался. — Ошибочно!

— Почему ошибочно? Так и написано: деревня Ключи, Кузнецову В.Н. — А Кузнецов В.Н. у нас только один! Так что пляши, дорогой Владимир Николаевич!

— Обратный адрес надо сперва посмотреть?

— Обратный адреса нет, кто-то скрывает его. Значит, письмо-то того, любовное.

— Племянник художника, наверное, прислал.

— Нам это и не важно... Пляши — и точка! Плясать не будешь — на твоих глазах порвём на мелкие кусочки.

— Эх! — топнул ногой Володя. — Эх! — топнул другой и с такой силой дробанул, что ошмётки полетели из-под кирзачей!

Старухи заулыбались, а Немка сказала, как похвалила:

— Вот теперь заслужил, а то ишь какой — хотел нас объегорить!

Она отдала конверт, а он сунул его в карман куртки и всё-таки не удержался, съязвил:

— Спасибо, что не вскрыли!

Ему радоваться бы такому подарку, потому что наверняка письмо от Марии, и он бы радовался, если бы не ужимки Немки. В последнее время он не мог спокойно смотреть на неё, зная, что она долгое время сообщала Елизавете о каждом его шаге, начиная с того момента, когда начал похаживать к Марии. Да и ранее постоянно держала в курсе событий: выпивает ли с художником, пока тот жил в Ключах, строит ли «китайскую» стену или прохлаждается! Обо всём этом сама Елизавета перед Рождеством рассказала, словно похвалилась, и намекнула для острастки: мол, смотри, и впредь будешь под наблюдением! «Теперь Немка и о письме сообщит!» — подумал Володя.

Едва скрывшись за своими воротами, Володя позабыл обо всём на свете и нетерпеливо разорвал конверт, вчитался в первый строчки, перевернул листок и увидел последние на нём слова: «Твоя Мария!» А более в этот вечер ему ничего и не надо было видеть. Даже если бы в письме были только эти два слова, то их вполне бы хватило ему для счастья.

32

Ввалившись к себе, он, конечно, прочитал письмо неторопливо, основательно, дважды. В письме Мария рассказала, что дочь купила для неё дом неподалеку от Ярославля, что стоит дом на высоком берегу Волги. В Ключах-то жила, как в овраге, а здесь такая красота вокруг, что дух захватывает. Мария также сообщила, что успела переехать на новое место. «Как обживусь, — робко высказалась она в конце письма, — приезжай тогда на выходные, посмотришь, как я теперь устроилась». Приятно сделалось Володе от такого приглашения, он даже представил, с какой стеснительностью вывела на бумаге Мария эти слова, если даже буквы, их составляющие, показались меньше других. «Приехать-то можно, — подумал Володя. — А потом что? Только ведь душу растрaviшь! Да и скандала тогда не избежать, если, не дай бог, Елизавета узнает об отлучке!» Мария словно догадывалась, какие мысли будут бушевать в Кузнецове, когда он начнёт читать её письмо, поэтому мягко оговорила: «Я ведь не настаиваю! Я была бы рада услышать звонок от тебя, твой живой голос. Правда, сейчас у меня другой номер телефона — дочь настояла и поставила ярославскую сим-карту, чтобы дешевле звонить друг другу. Может, и ты позвонишь? И сохрани мой почтовый адрес — я его не стала на конверте сообщать, чтобы не увидела Эльза Марковна!»

Прочитав письмо повторно, Володя сразу же набрал новый номер Макаровой, и вот уж слышен голосок: «Алё, алё!»

— Мария Викторовна? — спросил Володя на всякий случай, хотя сразу узнал её.

— Здравствуй, Володь! Как ты там? Скучаешь или нет?

— По тебе — скучаю, а вообще — нет. Некогда на работе скучать.

Он долго рассказывал о себе, что-то спрашивал о её жизни, пока она не стала закруглять разговор, а потом и вовсе напустилась, правда не сердито:

— Хватит говорить, а то всю свою электрическую получку проговоришь. Молодец, что позвонил, мне теперь веселее будет. Вроде бы и дочь и внуки рядом, да и зять не обижает, а всё-таки чужое место. К нему привыкнуть надо.

Они попросились, поцеловали заочно друг друга и отключили телефоны. Володя завалился на диван и, наверное, полчаса вспоминал голос Марии, представляя, какая она теперь: как выглядит, какое у неё настроение. В какой-то момент сделалось приятно даже от мысли, что есть где-то любезный человек, готовый выслушать, что-то посоветовать и с которым можно просто спокойно поговорить. Совсем не так, как с дражайшей Елизаветой.

Он вспомнил жену и пожалел, что вспомнил, совсем не к месту и не к настроению. Её и вспоминать не будешь — а в мыслях будет вертеться вокруг прилипчивой мухой, хотя и не приезжала давно. А ведь действительно: не приезжала, а сложилось такое ощущение, будто всегда находится рядом, будто постоянно следит, что он делает, чем занимается.

Начало и середина апреля, после мартовского относительного тепла, простояли холодными, промозглыми. Весна явно запаздывала, и опозданию этому, казалось, не будет конца и края. Снег сошёл, но земля не просыхала, даже ещё более набухала: то от мокрого снега, то от частых дождей. Лишь к Пасхе более или менее пригрело, на берёзах и сирени наклюнулись почки, но они пока не собирались распускаться. Но хотя бы потеплело — хоть в этом радость. Несколько дней она жила в Володе, пока в предпасхальную субботу не появилась Елизавета и сразу взялась за уборку дома и взбалмутила настроение. Приехала она без Алексея, своим ходом, и, может, поэтому была неразговорчивая, нервная. Всё делала с непонятной злостью, словно по принуждению, на мужа не глядела, а когда говорила с ним, то говорила в сторону, как с проходившим мимо чужим человеком. Чтобы Володя «не мешался под ногами», она с утра пораньше отправила его к «китайской» стене, а Володя не знал, что делать, понимая, что одним присутствием дело не наладится. Для этого надо подвести воду, поднести цемент, песок.

Поэтому ему и не хотелось ничего затевать. Он отвязал Найдёныша, спустился к пруду и выпустил щенка за ограду — беги, носись по кустам, развлекайся! Сам же уселся на тёплые брёвна на берегу пруда, пригревшись на солнышке и охотно подставляя ему лицо. И от этой вешней благодати незаметно тепло пошло по всему телу, и так от этого ощущения счастливо одолела приятная сонливость, что кто-нибудь позови его в этот момент в самое роскошное место на Земле — отказался бы, не променял местное солнышко ни на какое другое... Лёд на пруду давно подтаял, и теперь остатки его на глазах превращались в воду.. Наблюдать и нежиться, конечно, хорошо, но всё равно что-то надо делать. Решил убраться в бане. Вынести из неё всё лишнее, что прятал на зиму, подмести, просушить лавки, табуретки. Поэтому всё это хозяйство выставил на солнышко. Сам же отправился в дом, очистил по пути кирзачи о сухую траву и сказал Найдёнышу, взяв его на поводок:

— Пора, милоч, обедать!

Елизавета возилась в дальней комнате, он прошёл в кухню, налил из чайника кипячёной воды, шумно выпил большой бокал. Даже крикнул от удовольствия. Своим удовольствием он, видимо, привлёк внимание Елизаветы. Он даже и не понял, чем вызвал в ней невероятный гнев, даже истерику.

— Что это? — закричала она, указав на его сапоги. — Лень снять обувь на веранде, скотина ты поганая. В общем, так: катись отсюда и больше не появляйся. Чтобы глаза мои тебя не видели. Вали к своей Манюне — она приголубит. Письмо ей напиши ответное, чтобы встретила!

— Зачем писать. Я и позвонить могу, мне недолго... — сказал Володя, как серпом подсёк жену, и спокойно вышел из веранды. Но спокойствие его было внешним.

Он не заметил, как оказался по ту сторону разлившегося ручья, перейдя его по мосткам. Сперва пожалел, что не прихватил Найдёныша, а чуть позже, когда ступил в березняк, понял, что очень хочет в эти минуты побыть в одиночестве, ни на кого не отвлекаться, пусть даже и на щенка. Но Володя и без него нашёл занятие, увидев недалеко от опушки муравейник. Весёлый народец — муравьи. У них, наверное, ни забот особых, ни проблем: солнце светит — они работают, дождливая погода пришла — закрывают ходы-выходы в муравейнике и отдыхают в норках. «Вот с кого надо пример брать, — подумал Володя. — Их ведь много тысяч в муравейнике, и все мирно уживаются, а мы с Елизаветой вдвоём не можем!» Кузнецов даже вздохнул и позавидовал муравьям, без усталости растекавшимся ручейками среди сине-фиолетовых цветов медуницы.

Понаблюдав за муравьями, он решил сходить в низину, где два года назад нашёл несколько сморчков, приехав всей дружной тогда семьёй на строившуюся дачу. Сейчас в знакомой низине Володя грибов не обнаружил. Отправился в дальний лес, обойдя ельник, с зимы заваленный снегом, и вышел на старую лесосеку, где прошлой осенью собирал опята с Аристарховичем. Но и там сморчков не обнаружил. Как ни хотелось, а надо было возвращаться к разбушевавшейся Елизавете, с которой теперь не знал, о чём говорить. И надо ли?

Предчувствие его не обмануло, хотя он и не понял сразу, что же всё-таки произошло, когда увидел чьи-то вещи у порога. Приехал, что ли, кто? Присмотрелся — а это его собственные вещи: матрас с подушкой и закрутившейся внутри простыней, куртка, два свитера, туфли, рубашки. Его сразу затрясло от обиды, вероломства, с которым Елизавета распорядилась его вещами, и не просто распорядилась, а выбросила на улицу!

— Ну и как это всё понимать? — спросил он у жены, всё ещё надеясь, что она хоть как-то объяснит откровенное хамство.

— Как хочешь, так и понимай! Хватит поганить наш дом! Катись, куда хочешь — тебе не место здесь! Видела, ты в бане с утра убирался? Вот и живи там — лучшего места не заслужил своим поведением!

Володя многое мог наговорить в ответ, но сдержался, как ни обидно это казалось, вернулся к веранде и, собрав в охапку вещи, спустился под бугор. Как ни странно, поспешное переселение совсем не огорчило, наоборот — чем-то даже обрадовало, потому что теперь он окончательно понял жену. Володя включил обогреватель, решив прогреть баню после зимы. Когда пошло тепло, он решил и Найдёныша переселить к себе. Сначала волоком притащил будку, потом привёл на цепи прыгавшего от радости шенка.

— Привыкай, — сказал Володя. — Теперь у нас с тобой совсем другая жизнь начнётся. Можно сказать, собачья.

Прогрев баню, Кузнецов отключил обогреватель и отправился за продуктами, потому что идти в дом и при Елизавете копаться в холодильнике — было выше его сил. Пока добирался до Ложкина, всю дорогу ободрял себя гордыми мыслями и ни разу не споткнулся о них, не позволил себе послабления, заразившись хозяйской расчётливостью. Поэтому и в магазине отбирал в корзинку то, что не могло быстро испортиться. Две сумки нахряпал — в пору такси нанимать. Только где его в Ложкине взять? А тут, на его счастье, какой-то парень поздоровался. Володя кивнул в ответ и спросил:

— Ты кто?

— Сын Василия, вашего напарника! Хотите, подвезу? — И указал на стоявший в стороне «жигулёнок».

— Отвези, если такой смелый! Много не заплачу, а на бензин выделю!

— Ничего не надо! Ехать-то всего ничего...

Когда выезжали из посёлка, Володя услышал перезвон колоколов, вспомнил, что завтра Пасха, и лучше бы не вспоминал: так у него печально, даже тоскливо сделалось на душе.

Через десять минут Кузнецов оказался около дома. Денег парень не взял.

— Как зовут-то тебя, сын Василия?

— Василием...

— Ну, молодец, Василий Васильевич! — похвалил Володя, словно тот сам себе придумал имя. — Отцу привет передавай! Со скорым праздником вас всех!

Разложил Володя продукты, большинство из которых упрятал в металлический бак от возможных мышей, и, хочешь не хочешь, пришлось ему возвращаться в дом за посудой. Когда молча вошёл в дом, Елизавета тоже промолчала, лишь косилась, когда он складывал в пакет электрочайник, кастрюльку, сковородку, бокал и другую мелочь. Он так же молча вернулся в баню и радовался, что жена не вздумала заговорить, пойти на попятную. Ничего бы теперь не помогло — упрямство и обида не позволили бы Кузнецову сделать встречный шаг.

От мыслей Володя не хотел в этот вечер и ночь спать. Иногда он выходил из бани, смотрел на изредка появлявшиеся звёзды, тихо разговаривал с Найдёнышем и всё-таки невольно смотрел на тёмные окна дачи и до конца не понимал, как теперь жить.

Эти мысли мучили его и на следующий, пасхальный день, когда над всем православным миром наступило Светлое Христово Воскресенье, а у него сегодня ни кулича, ни крашенных яиц. Зато позвонил Марии и поздравил с праздником:

— Христос Воскресе!

Мария ответила «Воистину Воскресе» и повторила трижды в ответ на троекратный возглас Володи. Ответила и спросила, уже обыденно:

— Ну, как ты там? Один?

— С кем мне ещё быть.

— А то сам не знаешь...

— Один, один, — приврал Кузнецов, стыдясь даже намекнуть о том, что произошло в его жизни.

— Чем занимаешься-то? На кладбище ходил?

— Собираюсь... — опять соврал Володя.

— Там моих посмотри, всё ли в порядке?

— Обязательно.

Поговорив и заочно поцеловав на прощание Марию, Володя сразу позвонил сестре. Поздравил с праздником и спросил:

— На могилки собираешься? Меня подожди, вместе пойдём!

В минуту Володя собрался, мысленно благодаря Марию за напоминание о родителях, и поднялся к даче. Он дёрнул входную дверь, постучал в окно, но ему никто не ответил, не отозвался. «Значит, смоталась королева, — подумал он о Елизавете. — Теперь из Москвы будет мною руководить!» От этого факта он ещё более повеселел, налился окончательным ощущением свободы.

После кладбища Володя не отказался от обеда, чем порадовал сестру.

— Хоть в праздник вдвоем за столом посижу. А то жду и жду дочку, а она не возвращается и не возвращается, — по обыкновению пожаловалась Вера.

Оставшись без настоящих обедов, Володя с превеликим удовольствием выпил рюмку, и не одну, наелся борща, жареной на свинине картошки. В общем, пообедал на все сто! После обеда он мог бы и задержаться у Веры, поговорить с ней «за жизнь», но никогда прежде не задерживался, спешил бежал на дачу, поэтому и сейчас быстренько взял курс на Ключи, чтобы не проговориться о теперешнем своём незавидном положении. Зачем сестру тормозить? У неё и своей заботы хватает!

Дома, если теперь можно было назвать домом баню, Володя с устатку даже заснул. А проснулся под вечер и вдруг подумал спросонья, что неплохо бы и вернуться в дачу, пока нет Елизаветы, но сразу же пресёк коварные и даже позорные, пораженческие мысли. «Ни за что! — твёрдо подумал он. — До тех пор буду жить здесь, пока она на коленях не приползёт!» Но чуть позже сходил всё-таки в дом, взял кое-чего из вещей, белья. Перед самыми сумерками позвонила Елизавета. Он не хотел брать телефон, но всё-таки взял.

— Володь, прости меня! — услышал плаксивый голос, но он не ответил и отключил связь.

Он ждал повторного звонка перед майским праздником, когда предстоял трёхдневный выходной, надеясь, что она одумается, многократно извинится за хамское поведение, но она не позвонила. И никто не звонил. «Вот и прекрасно! — думал он, ежась, словно от озноба. — Никто теперь нервов

трепать не будет!» В какой-то момент ему подумалось о возвращении в Москву. А что? Чего он не видел здесь? Теперь, что ли, до конца жизни должен ютиться в бане вместе с улитками? Ведь у него есть прописка, доля в приватизированной квартире. Займёт отдельную комнату, на которую имеет полное право. Надо будет — и с Елизаветой разведётся. Скорее всего, так и случится, если она не одумается и не поймёт, как надо вести себя.

Много он думал в трёхдневные выходные начала мая, подолгу сживая у пруда и наблюдая за осмелевшими карасями, казалось, привыкшими к его неподвижной и одинокой фигуре. Делать в эти дни Володе ничего не хотелось, если бы он мог обходиться без еды, то не ел бы ничего, и не пил. Володя, и без того не отличавшийся полнотой, теперь ещё более похудел от неизвестного ожидания, думая, что всё само собой разрешится, хотя и понимал, что это пустое ожидание.

Пребывая в этом состоянии, он даже забыл поздравить сына с днём рождения. Вспомнил об этом лишь в пятницу накануне Дня Победы, когда увидел его самого, приехавшего с друзьями на двух машинах. Хочешь не хочешь, Володя поднялся к ним: гости всё-таки! Но в дачу не пошёл, а начал рассматривать диковинный мотоцикл на четырёх колёсах. В это время сын вышел из дачи, окликнул:

— Пап, привет!

— Здравствуй, сын! Поздравляю с днем рождения! Извини, что позавчера не позвонил!

— Спасибо, пап. Не озадачивайся.

— Ангелинка приехала?

— Она с бабушкой в Испанию улетела на десять дней.

— Жалко... А Маргарита прибыла?

— Пап, у нас всё строго. Все друзья с жёнами... Завтра будем отмечать мой день рождения! Чего у вас тут с мамой опять получилось?

— Ничего хорошего... Поругались... Теперь в бане живу. Вот так-то!

— А мы собирались завтра погреться.

— Это — пожалуйста! Вещи на время вынесу — и жарьтесь на здоровье!

Пока они разговаривали, к ним вышли трое Алексеевых друзей. Они жали ему руку, называли свои мена, но Володя их не запомнил. Парни деловито распутали квадрацикл от ремней, сгрузили его и сразу же под радостные крики запустили и начали спорить, кому первому кататься, и потом стали носиться по Ключам, чем немало переположили «сило-

вых» старух. Пока носились туда-сюда, показалась в дверях Маргарита, сухо поздоровалась со свёкром и пригласила всех за стол:

— Мальчики, всё готово!

Стоявший рядом сын, подхватил отца под руку:

— Пойдём, пап, с нами посидишь!

Когда расселись и разлили по бокалам — мужчинам виски, женщинам мартини — один из парней поднялся и серьёзно сказал:

— Объявляется увертюра празднования дня рождения Кузнецова Алексея! — И через многозначительную паузу: — Поздравляем вас, дорогой Алексей Владимирович! Желаем удачи во всём, в том числе в открытии дачного сезона!

Володя не собирался долго находиться в шумной компании. Выпив три рюмочки и закусив, решил оставить гостей, потому что его настроение не совпадало с их настроением. Он почти не понимал причину их смеха, а они, глядя на его серьёзное лицо, смеялись ещё громче. И он поднялся из-за стола, положив в салфетку кое-чего со стола. Один из гостей осуждающе посмотрел на Володю, словно он воровал, а Алексей — вот молодец! — перехватил этот взгляд, пояснил:

— Это для Найдёныша! Щенок у нас есть!

Володя спустился к бане, отдал закрутившему хвостом Найдёнышу добычу и тот с превеликим удовольствием наглотался сырокопчёной колбасы и мясной нарезки.

Запьяневший Володя улёгся в бане на свою походную, можно сказать, кровать и не мог понять в эту минуту: радостно ему от приезда сына или всё-таки неловко. Ведь обязательно — не сегодня, так завтра — кто-нибудь из гостей спросит, почему он торчит в бане. Живёт, что ли, в ней. И что он скажет, как объяснит? А может, сын им всё рассказал. Поэтому они и ведут себя так вольготно, даже нахально. Да, много вопросов мучило в этот вечер Кузнецова, и все ответы были не в его пользу. Под утро он всё-таки заснул, а проснулся от голосов рядом с баней. Посмотрел на мобильник — одиннадцатый час! «Хорошо придавил! — подумал он. — Даже гости вскочили раньше меня!» Выглянув в окошко, увидел сына и ещё одного парня, возившегося у стационарного мангала рядом с баней, где они обычно всей семьёй готовили шашлыки. «Вот и до меня добрались, — вздохнул Володя, — нигде от них покоя нет». Он быстро оделся, накинул куртку и вышел к сыну, поздоровался, спросил:

— Помощь нужна?

— Да какая помощь, если всё уж готово.

— Ну, дрова приготовить и разжечь, за углями последить...

— Дров полно, и разжигать есть чем, — указал сын на пузых с какой-то жидкостью. — В одну секунду дрова займутся.

Чтобы, не мешаться, раз уж у них такое дело пошло, Володя отдал Найдёнышу вчерашнюю кашу, подождал, пока он поест, потом налил ему воды, а когда Найдёныш попил, хотел отвязать и отправиться с ним гулять, но сын отговорил:

— Оставь его, шашлыками накормим!

Володя поспешно вышел за ограду, по мосткам переправился на другую сторону заросшего лесом оврага и его краем, вдоль опушки отправился на прогулку. Шёл вроде не спеша, но ему хотелось бежать от обидных слов сына, когда он, занявшись шашлыками, в первую очередь вспомнил о Найдёныше. Значит, отец для Алексея на втором плане. Володя совершенно был не против, если сын накормит щенка шашлыками, но кто же так говорит, кто же ставит собаку на первое место? А отцу, значит, шашлык не полагается? Немного остыв, Володя понял, что сын всего лишь неудачно высказался.

Успокаивая себя, он незаметно дошёл до знакомого муравейника, остановился рядом, наблюдая, как из раскрытых ходов сновали муравьи, радуясь солнечной погоде, и позавидовал им: «Живут же. В тишине, покое, никому не мешая, не ссорясь, не завидуя — молча делают и делают своё дело...» От муравейника Кузнецов отправился в низину, как и две недели назад, всё-таки надеясь найти сморчков, но вновь была неудача, или они, если и были, то просто стали незаметны в разросшейся траве. Он выбрался из лесной низины, поднялся на успевший затравенеть пригорок, отделявший лес от заросшего поля, и, скинув куртку, постелил её, улёгся, вольготно раскинув руки, и долго смотрел в глубокое небо с неторопливыми облаками.

В какой-то момент тревожный звук донёсся из-за леса, походивший на скулёж Найдёныша, быстро перешедший в тоскливый вой, и Володя, ничуть не сомневаясь в том, что с Найдёнышом что-то случилось, вскочил с травы, подхватил куртку и заторопился к дому. Когда же поднялся на последний пригорок, то отчётливо увидел в том месте, где примерно находилась дача, столб загнутого ветром дыма, и резанул слух визг Найдёныша.

Володя ещё с противоположной стороны оврага, сквозь зазеленевшие вётлы и дымчатые от серёжек ольхи увидел, что горит угол бани, как раз там, где стоял домик Найдёныша! И почему-то никого вокруг нет: ни сына, ни его приятелей, ни их жён. Как будто, сквозь землю провалились.

Все они появились на участке вместе с Володей, толпой ломанулись к бане, начали заливать огонь единственным

ведром, какими-то банками, черпая воду из пруда, скользя и падая на глинистом склоне. Володя же подбежал к лежавшему Найдёнышу, застывшему в неестественной позе, наполовину опалённому... Прикрывшись курткой от пламени, Володя едва успел снять с него ошейник, оттащить, чувствуя, как от огня трещат волосы на голове, а на руках того и гляди вздуется кожа. Но успел, оттащил, и сам вроде не пострадал. Он хотел нырнуть в баню, чтобы вытащить свои вещи, но Алексей не пустил, да и его приятели отговорили, оставившие к этому времени попытки спасти баню; их подруги кучковались на пригорке, издали наблюдая за происходящим, не зная, как и чем помочь. А со стороны улицы наблюдали местные старухи и их гости, съехавшиеся на выходные. И они не захотели помочь, только кто-то крикнул: «Сейчас пожарники придут!» И правда, вскоре, распугав сиреной, примчался из Ложкина пожарный «зиллок». Пожарные, протянув длинные шланги, залили дымившие головёшки да обрушили единственную сохранившуюся бревенчатую стену, чтобы она кого-нибудь не придавила. Правда, отстояли домик Найдёныша. Вся работа заняла минут пятнадцать. Пожарники опустошили цистерну и отбыли.

— Где вы были-то? — спросил Володя у сына.

— На квадрацикле поехали на шоссе кататься.

— Ну и как же огонь на баню-то перекинулся? Уж больно огонь у вас умный!

— Да очень просто... Щенок виноват — опрокинул незакрытый пузырь с розжигом, вот горячка и плеснулась на высыпавшиеся из мангала угли... Ну и полыхнуло!

— Ну и чего теперь делать будем?

— Маму ждать, когда из Испании вернётся. Без неё ничего не получится. Ты-то теперь как?

Володя промолчал.

— В дом жить возвращайся. Нечего народ смешить.

— В этом я уж сам разберусь! — отмахнулся Володя и отправился в гараж, принёс лопату и, как куклу, подхватив опалённого Найдёныша, завернув его в какую-то тряпицу, понёс хоронить.

— А нам-то чего делать?

— Шашлыки готовить. Теперь самое время.

Сын обиделся, промолчал, а Володе не хотелось слушать его. У него на руках был бездыханный Найдёныш, с которым он столько возился, столько сюсюкался, особенно в те дни, когда чувствовал себя одиноким, когда поговорить было не с кем. Закопав щенка, Володя даже прослезился. Вернувшись, а сын с компанией уж собрался в Москву, видимо, на

даче им стало неинтересно. А как, помнится, вчера хорошо рассуждали о пользе чистого воздуха, о слиянии с природой! Сразу обо всём забыли. Володя не стал их отговаривать, когда увидел, что они загрузили квадрацикл на прицеп, только злорадно подумал, словно баня сгорела не у него, а у кого-то другого: «Молодцы, хорошо погуляли!» Он всё-таки подошёл к сыну, вспомнив, что остался без ключей, попросил:

— Оставь ключи, а то мои, видно, остались в бане! Найду свои, потом верну!

Сын нехотя отцепил дачные ключи от связки, сказал, как приказал:

— Теперь ничего не остаётся... — едва улыбнувшись, ответил сын.

Володя не стал обострять разговора, желая одного: скорейшего их отъезда. И они не заставили себя ждать. Сказали «до свидания» на прощание, а Маргарита впервые обратила на него внимание:

— Не переживайте, Владимир Николаевич. Баня дело наживное. Новую поставим. Лучше прежней будет.

Они так и уехали, посадив трезвых жён за руль, и, видимо, ничего не поняв. Он всё-таки зашёл в дом, как было ни противно, сгреб остатки со стола в ведро, чтобы не гнили, помыл посуду, а к остальному не притронулся, считая теперь дачу навсегда осквернённой. Поэтому и оставаться не хотелось в ней, но и идти было некуда. И тогда он вспомнил о сестре, решил пока пожить у неё, а потом будет видно, что делать.

Собравшись, он хватился портмоне, где хранились деньги и паспорт, — портмоне не оказалось. И телефона в куртке не обнаружил. Неужели, сгорело всё? Хотя этого не могло быть, потому что, отправляясь утром на прогулку, он точно помнил, что портмоне лежало во внутреннем кармане, телефон — в другом. Неужели посеял? Он начал вспоминать весь свой путь, и дойдя в воспоминаниях до того места, когда развалился на лугу, рассматривая небо, понял, что только там мог всё оставить — больше нигде! Закрыв дом, Володя отправился на поиск и, дойдя до места своего отдыха, сразу же нашёл в низкой травке бумажник и телефон. Вот так радость. Деньги пересчитал — вроде на месте. Телефон работает! Вот и прекрасно. А погляделся повнимательнее — увидел блеснувшие металлом ключи! Вот так растеряха! Никогда он ничего не терял, а тут всё одним махом! Но теперь всё это в прошлом. Он напрямую, так было короче, направился в Ложкино и вышел почти к самому посёлку. У дома сестры отёр о траву запыхавшиеся башмаки и постучал в окно. Сестра сразу выглянула из веранды, всплеснула руками:

— Ой, как хорошо, что зашёл-то. А то я тоскую одна и не знаю, что делать.

— Ты всегда одна. Должна привыкнуть.

— Ой, Вовка, у меня горе-то какое. Настя-то моя раздумала переезжать. А я уж так ждала маленького Майкла, столько слёз пролила о нём.

— Тебя не поймёшь: то убивалась по ней, что ей на островах житья нет, то теперь, когда всё у неё наладилось, — тебе опять неймётся. Было бы плохо ей там — не осталась.

— Я уж и не знаю, что думать. Место ей присмотрела в поликлинике. Правда, пока на полставки, но это только пока. Ой, — спохватилась Вера. — Чего же мы на крыльце-то стоим. Проходи в дом, сейчас покормлю тебя.

Володя прошёл, тяжело опустился на стул в кухне и не знал, как рассказать о своей ситуации, и надо ли рассказывать. Спасибо сестре — сама спросила, проявила любопытство. Ну а раз уж любопытничаешь, тогда слушай... И Володя всё рассказал, даже о том, что путался с Манюней, а Вера вместо того, чтобы огорчиться, вдруг заулыбалась:

— Вот ты какой герой-то у нас! С молодыми тягаешься!

— Ладно, перестань смешить, — чуть ли не обиделся Володя. — Всерьёз говорю: подпёрло так, хоть разводись.

— Ну а разведешься — легче разве будет? А так, глядишь, побеситесь-побеситесь, и всё обойдётся.

Володя более ничего не стал доказывать и объяснять. Перекусив, полежал на диване, потом поднялся, сказал:

— Давай-ка чего-нибудь поделаю. Не могу сидеть просто так.

— А я и не знаю, чего предложить. Хотя за двором две машины дров лежат. Зимой мне их распилили, а колоть не стали. Может, немного поколешь?

Кузнецов взял в сарае колун и долбил чурки до самого вечера. Вера выходила к нему, выносила попить квасу и просила остановиться, передохнуть, а он колол и колол, не чувствуя усталости, только спросил:

— Колонка работает? Надо ополоснуться.

— Работает.

Только в сумерках он уgomонился, когда нажёт и без того красные от пожара руки. Зато, пока работал, о многом передумал, а когда лёг спать, мыслей не было никаких — уснул как убитый. А на следующий день, едва проснувшись и чуток перекусив, — опять к дровам. Только теперь попросил у Веры рукавицы, а она его укорила:

— Чего же сразу-то не взял?

— Сразу-то и не к чему было.

И опять работал до вечера, но с дровами расправился, избив руки до мозолей. Хотел дрова в поленницу складывать, но Вера остановила, чуть ли не на руках повисла:

— Уймись, говорю. Сама сложу, это мне по силам.

— Ладно, согласен, сдаюсь. А теперь разогревай колонку — пойду под душ, а после ужинать. И стаканчик не мешало бы пропустить!

— Есть, есть — ещё днём сбегала! — радостно засуетилась Вера.

Когда Володя торжественно уселся за столом, сказал сестре:

— Вер, завтра ведь День Победы! За наших победителей! — и хряпнул стакан одним махом. И не поморщился, так иссохла за день рабочая душа.

После ужина он опять уснул почти мгновенно, а утром, проснувшись, по-прежнему не знал, что делать, бессмысленно шатаясь по двору из угла в угол. Но в какой-то момент всё изменилось, когда Вера позвала:

— Вовка, тебе звонят!

Увидел он, что звонит Мария, и сердце чуть ли не оборвалось. Сразу позвонил в ответ и задрожал душой от её голоса.

— Поздравляю тебя, дорогой мой, с Днём Победы! Будь всегда победителем!

— Победителем был мой отец, а я проигравший. По всем статьям. Сейчас звоню тебе от сестры, третий день у неё обитаю.

Как ни горько было говорить, но Володя коротко рассказал, что произошло с ним. Думал, что Мария опечалится, разделит его заботу, а она, похоже, обрадовалась.

— Вот и хорошо, что баня сгорела! Приезжай ко мне насовсем!

— Как это «насовсем»?!

— Ну, навсегда то есть... С вещами! Ты ведь только меня любишь, но пока не знаешь об этом. Вот приедешь, тогда убедишься!

И Володю будто кто подтолкнул сказать:

— Тогда завтра жди. К вечеру подкачу. Адрес у меня твой есть. Ребята отвезут. Езды-то всего три часа. Завтра рассчитаюсь, заберу трудовую — и к тебе. Так что готовься. Серьёзно говорю.

— Приезжай, буду ждать! Только не обмани смотри!

Володя отключил телефон и глубоко-глубоко вздохнул.

— Кто это? — вздёрнув острый носик, полюбопытничала Вера. — Елизавета?

— Макарова... Завтра к ней уезжаю!

— Ты чего, всерьёз, что ли? — испуганно взмахнула Вера руками. — Чего выдумываешь-то на старости лет?!

Он попытался объяснить сестре, что ничего не потеряет, что всегда сможет вернуться в Москву, если жизнь с Марией не сложится, но так и не понял, сумел ли убедить. Лишь видел, что она успокоилась и вздохнула так, как когда-то вздыхала их матушка, благословляя на важное дело:

— Тогда — в добрый час! — и не удержалась, всё-таки добавила: — Теперь тебя всё равно ведь не остановишь!

34

Макарова провела праздничный день как в тумане. С того часа, когда поговорила с Кузнецовым и подбила его на переезд, ходила по усадьбе с таким чувством, будто совершила преступление. Четвертый день она была не одна. Ещё в пятницу дочь привезла ей на большие выходные внучат, и те без устали носились по усадьбе и деревне, осваивая новое для себя место, несколько раз уходили на Волгу, и всякий раз она предупреждала их, чтобы у воды вели себя осторожно. Дочь с зятем смогли приехать только накануне, да и то, чтобы переночевать, поспать в праздничный день немного побольше обычного, устроить шашлык-машлык, о котором дети мечтали с зимы.

Почти сразу после завтрака, когда посмотрели по телевизору парад на Красной площади, Иван, замариновав мясо, занялся мангалом. Сыновьям сказал, чтобы никуда не разбегались, потому что сразу после шашлыков и короткого отдыха поедут домой. Пока зять возился у мангала, а дочь хлопотала в доме у плиты, Мария улучила момент, созвонилась с Кузнецовым, хотела просто поздравить с Днём Победы, а разговор закончился совершенно неожиданно. Так, что она сразу сменила в себе настроение: было оно с утра весенне-радостным, а стало пугливо-обеспокоенным. Валентина это заметила, пристала к матери с вопросом «Что случилось?», но Мария только отмахивалась. Один раз, второй, но когда дочь окончательно поняла, что с матерью происходит что-то особенное, будто клещ вцепилась: «Расскажи, и всё тут! Не поедем в Ярославль, пока не расскажешь, чтобы не оставлять в таком состоянии одну!» И только от напора дочери Мария не сдержалась, пошла с ней в сад, туда, где рядом с баней росла распускающаяся пахучая черёмуха, и всё рассказала, что она «наделала», страшно боясь, что дочь не поймёт и осудит её самовольство; ведь по-прежнему Мария считала себя чужой в новом доме, хотя дочь и говорила, что теперь этот дом её собственный, и ничей больше.

А Валентина только рассмеялась, выслушав неожиданные откровения матери:

— Ну, ты даёшь, маман! Такую любовь закрутила! Мужик-то хоть не замухрышка какой-нибудь?

— Да ты видела его сто раз!

— Видеть, может, и видела, но не запомнила. Зато какую домину отгрохал!

— Не станете ругаться, если приглашу его к себе жить?

— Нам даже лучше: будет, кому за домом следить. И работу я ему в Ярославле найду, чтобы не слонялся без дела. Всего-то полчаса езды на автобусе! Так что вызывай!

— Уж вызвала, а теперь от страха дрожу!

— И когда же он прибудет?! — нервно рассмеялась Валентина.

— Завтра к вечеру обещался!

— Ну и шустрый! Потом приеду, посмотрю на него!

— Он — хороший мужик: добрый, отзывчивый.

— А с выпивкой как?

— Не курит, а выпивает в меру, никто его ни разу пьяным не видел.

— Всё, мам! — твёрдо сказала Валентина, как печать поставила. — Пусть едет твой Владимир Николаевич!

Мария неожиданно прослезилась, попросила:

— Ты уж, доченька, не осуждай меня. Устала я одна жить. Уж сколько лет прошло, как не стало твоего отца, и я помнила его всегда, и всегда буду помнить, но не каменная ведь я какая. Ведь ты тоже пойми меня.

— Ещё как понимаю, мам! Не маленькая!

Мария шмыгнула носом, утёрлась платочком и потянулась к дочери, поцеловала её, сказала негромко:

— Спасибо тебе, что поняла, не осудила.

— Мама! — строго отозвалась дочь. — Всё, проехали, заканчиваем этот разговор!

И у Марии более не нашлось слов. Она лишь глубоко вздохнула и едва заметно улыбнулась; если бы кто-то посмотрел на неё в этот момент со стороны, то заметил бы маленькие искорки в её заплаканных глазах, давно не появлявшиеся.

После обеда, когда наелись шашлыков, отправились в дом пить чай. Правда, долго не чаёвничали, словно кто-то подгонял. Гости собрали сумки с одеждой, кое-что из вещей оставив на будущее, а Валентина обнялась с матерью напоследок, шепнула:

— Готовься встречать своего Кузю! — и рассмеялась мелким колокольчиком.

А потом уселась рядом с Иваном, внуки помахали в распахнутые окошки — и только она их видела, лишь мелькнул красный бок машины на повороте... Мария прошла к крыль-

цу, присела на ступеньку, соображая, что сделать к приезду Кузнецова: обязательно приготовить его любимый борщ, нажарить картошки с ветчиной, а к вечеру испечь блинов. Мария могла бы всем этим заняться сегодня же, но не хотелось суетиться в праздник.

Зато на следующий день бегала по дому как заводная. Протёрла пыль, которой не было, убрала ребячью одежду в шкаф, помыла окна, очистила от засохших листьев герань на окне, сбрызнула её водой, от чего алые цветки зазелели совсем уж густо, наполнили дом горьковатым и прохладным миндальным ароматом. В какой-то момент Мария забеспокоилась, вспомнив, всего не зная, что вряд ли Володю, как единственного электрика, отпустят из интерната. Наверняка заставят отрабатывать. Эта мысль сразу обрушила в Марии радостное ожидание, предчувствие нежной встречи! И она не утерпела, позвонила ему, а он, к её испугу, не сразу отозвался, но, как обычно, перезвонил сам, а она поспешила спросить:

— Тебя ждать сегодня?

— Ещё как ждать! Сейчас деньги под расчёт получу и тогда с кем-нибудь договорюсь, чтобы отвезли меня. Так что до встречи!

У Марии моментально отлегло на душе, она даже не стала ни о чём перепрашивать, потому что не имелось оснований не верить Кузнецову.

Ему же с самого утра было некогда. Сразу пошёл к директору и оказался в приёмной раньше его. Когда появился Метельский, Володя подступил к нему с заявлением:

— Я к вам, Эдуард Максимович! — не робко сказал, а твёрдо и уверенно.

— Заходи! — махнул узкой ладошкой директор и пропустил вперёд. — Слушаю! — продолжил он, когда уселся в кресло и поправил бумаги на столе.

В другой бы раз Володя, может, и заробел, а сейчас выпалил скороговоркой:

— Уволиться мне сегодня нужно!

— Во как. Ни раньше, ни позже — только сегодня! И с чего такое решение взбрело?

— Оно давно зрело. Разошёлся я с женой во взглядах на жизнь, разные мы стали. Короче, загулял по-чёрному. Ну и скандал потом, вещи на вынос. Последние дни жил в бане, а теперь и баня сгорела.

— Глубоко тебя зацепили. Ну а я-то чем могу помочь? Пиши заявление в отдел кадров, если уж так невмоготу. И считай, что тебе повезло, и есть, кем заменить, а то пришлось бы отрабатывать положенное по закону время.

— Василию моё увольнение будет только в радость.

— Только сегодня не удастся уволиться. Трудовую книжку мы оформим, а деньги под расчёт придётся до завтра ждать. Кассир завтра в банк поедет.

— Тогда хотя бы «трудовую» отдайте, а за деньгами потом приеду. Обещал к вечеру явиться.

— Ну, если обещал, то приедешь. Я же помню, как ты в марте помог. Иди к секретарю, напиши заявление, а я пока скажу, чтобы тебе подготовили трудовую книжку.

— И всё, что ли? А «бегунок»?

— Без «бегунка» обойдёмся! Пиши заявление, а потом своего Василия обрадуй, и пусть он скажет хозяйственнику, что принял от тебя все отвёртки и плоскогубцы, чтобы потом, коснись чего, на тебя не сваливал.

Кузнецов всегда считал директора заносчивым, недоступным, а сейчас он как родным стал. Написал заявление Володя и отправился в свою каптёрку. Поговорил с Василием, сообщив радостную для него новость, сунул в ветровку письмо с адресом Марии, и вернулся к Метельскому, не будучи уверенным в том, что тому удастся где-то добыть денег, если в кассе их нет. Пока огибал угол, повстречался со Звягиным. Володя поздоровался и спросил, помня, как почти две недели пропадал у него на даче:

— Анатолич, дело к тебе есть... Нужно мне к вечеру попасть в одно место. Километров за двести отсюда. Отвезёшь?

— Ого...

— Не бесплатно, понятно. Заплачу: и на бензин хватит, и на магарыч.

— Нет, не смогу, извини. Машина что-то барахлит. Инжектор засорился.

Дальше говорить с замом было не о чем, и Кузнецов побежал дальше. Он всё больше заражался нетерпением, желанием всё сделать быстро, сразу, но, как казалось ему, никто не понимал его порыва. Поэтому и «трудовая» пока была не готова. Что делать? Сидеть и хлопать глазами в приёмной? Только время терять. А его не было — надо думать о машине. Вспомнил, как недавно подвозил сын Василия, — и назад к электрику, и радовался, что застал того на месте, и сразу с просьбой:

— Выручай, брат! Знаю, у сына твоего машина есть.

— Так он сейчас в школе.

— Вот и нормально. Звони ему и скажи, что у меня есть просьба огромная. Больше и просить некого. Скажи, что оплатю дорогу туда и обратно.

Василий смотрел на Кузнецова и мялся, чего-то выжидал.

— Чего кота за хвост тянешь? Звони! Ведь тебе же лучше. А то передумаю и останусь, и будешь пахать за полставки.

Василий позвонил, и Володя чувствовал по разговору, что сын его никуда ехать не хочет. Но стоило Василию сказать, что всё будет оплачено, то даже по его лицу стало заметно, что сын согласен.

— Ладно. Часам к трём подходи. Вторая пятиэтажка от универсама. Квартира 12. Дата полета Гагарина. Запомнил?

Распрошавшись, Володя чуть ли не бегом отправился в приёмную, но проторчал почти до обеда, дожидаясь, пока в бухгалтерии сделают полный расчёт. Но там, видно, не спешили, и это с учётом того, что лично директор попросил. Когда же в приёмной появилась Софья Аркадьевна, еле протиснувшись в дверь, и отдала Снежане ведомость, попросила: «Снежок, отнеси Эдуарду Максимовичу на подпись!» — Володя чуть не подпрыгнул от радости. Он решил, что секретарь тотчас подхватится, а она начала спрашивать бухгалтера о её дочери: готовится ли та к свадьбе, купила ли платье или только собирается... «Вот бабы!» — в душе обложил Володя Снежану соответствующим словом и постарался более не обращать внимания на их болтовню, понимая, что ничем делу не поможет, а остатки нервов порвёт окончательно. Когда, наконец-то, бухгалтер ушла, Снежана нехотя поднялась и заглянула к директору. Когда вернулась, приказала:

— Зайдите, Владимир Николаевич!

Володя нетерпеливо влетел, вопросительно посмотрел в глаза Метельскому. Тот кивнул на стул сбоку от своего стола. Кузнецов присел на краешек.

— Ну, что, — вздохнул директор. — Судя по расчётной ведомости, у тебя совсем неплохо получается, хотя я думал, что всё-таки побольше выйдет. А такие деньги я и сам выдам, чтобы не томить твою влюблённую душу. Распишись. — Он достал из бокового кармана конверт, отсчитал нужную сумму и отдал Володе: — Все — твои, почти двадцать тысяч. — Задумался и сказал, улыбнувшись: — А это вот ещё от меня тыщонка, бонус так сказать. За дачные дела. Как закрепиться на новом месте, дай о себе знать. Может, какая консультация по охране от тебя потребуется. Да, кстати, а далеко собрался-то?

— В Ярославль, — признался он.

— К Макаровой, наверное?

Володя, как провинившийся мальчишка, потупился.

— Шустрая бабёнка. И сама уволилась, и тебя соблазнила. Да, все наши житейские беды от слабого пола. Но, как говорится, с ними плохо, но и без них нельзя. А если что —

возвращайся, только теперь уж на полставки! — Метельский улыбнулся, поднялся над столом и подал на прощание руку.

— Буду иметь в виду. Спасибо, что вошли в моё положение, — поблагодарил Кузнецов и подумал, выходя: «А совсем неплохой мужик этот Метельский, хотя и жадноват».

Выскочил Володя из здания администрации, а что делать — совершенно не знает, потому что три часа где-то надо убить. Посидел, не зная куда приткнуться, в курилке со стариками-пациентами побалакал о том о сём, потом отправился в столовую, решив пообедать напоследок в интернате, пока имел право. В столовой увидел Василия, и тот сразу обрадовал, важно сказал:

— Сын звонил... Сказал, что можешь к двум часам подходить.

Пообедал Володя и отправился «ко второй пятиэтажке от универсама». Присел перед нужным подъездом на скамеечку, на солнышке пригрелся — благодать. Так сидел бы и сидел, успокаивая душу, и никуда бы не рвался, не баламутил ни себя, ни людей. Показалось, что даже задремал, а очнулся — младший Василий перед ним улыбается. И сразу сон с Володи слетел, освободил от минутного морока.

— Можно ехать? Я готов! — известил Кузнецов.

— Сейчас домой забегу: права возьму и перекушу на дорожку.

Хотя и недолго был в квартире Василий, но эти минуты показались Володе вечностью, а когда тот вышел, то сразу вернулась радость. Он вопросительно посмотрел на Василия, и тот улыбнулся, понимая нетерпение Кузнецова:

— Идёмте в гараж.

Немного прогрев двигатель, они поехали в Ключи, потому что Володя не собирался ехать в том, что имелось на себе, а решил забрать всю свою одежду, если уж нанял машину. «Жигули» загнали во двор дачи. Володя вынес дублёнку, шапку, костюм, все свитера сгрёб, рубашки, бельишко собрал в подвернувшуюся наволочку. Собрался закрывать дачу, да вспомнил о герани — подарке Марии. Как её можно оставить во вражеском лагере? Никак невозможно. Глянул, а цветок успел погибнуть, оставленный без присмотра и любви. Вздохнул. Увидел свой перстень в вазочке на комод... Повертел и положил на место, потому что он давно Елизаветин, выкупившей его из ломбарда. Сыну отдаст. Будет носить и отца вспоминать. Вышел Володя к машине, и сразу печаль-тоска одолела: не верилось, что в эту минуту навсегда расстанется со всем, что так долго собирал по крупицам, а теперь всё махом летело под

откос. Он не удержался, подумал, вспомнив Елизавету: «Что же ты наделала?» Василий выгнал машину на улицу, Володя запер дом, включил сигнализацию и через калитку вышел к машине. На душе в этот момент — тяжесть тяжкая!

В Ложкине заехал к сестре, попрощался и сказал, отдавая ключи:

— Позвони Елизавете и передай, что дом осталась без присмотра, хотя охрану я включил. Скажи ей и то, чтобы не искала меня и не ждала. Так и передай!

Они обнялись, поцеловались. Вера прослезилось, но Володя не стал утешать, зная, что слёзы её скоро высохнут сами собой. Он сел в машину, махнул сестре на прощание и skoмандовал:

— Вперёд, Василий!

Когда выехали за Ложкино, Володя сказал:

— Василий Васильевич, чтобы ты не томился и не думал о деньгах, давай сразу договоримся об оплате. А для этого застей километраж по спидометру... У меня есть в Москве сосед-бомбила, который говорит, что денег никогда много не бывает, но если денежных клиентов нет, то вполне реально работать за цену сожжённого бензина, умноженную на три. Согласен на такой вариант?

Василий подумал и слегка улыбнулся:

— Вполне!

Они на какое-то время замолчали, словно просчитывали выгодность или невыгодность поездки, каждый со своей стороны, а потом вновь разговорились. Говорили обо всём подряд, и Кузнецов не заметил, как выехали на Ярославское шоссе, как потом миновали Переславль-Залесский, Ростов... Только после Ростова Володя замолчал. Когда до Ярославля осталось всего ничего, начал думать о Марии, представив, чем она занимается. Да и вообще: ждёт ли по-настоящему или пригласила забавы ради? А что: поживёт с ней недельку-другую, подхватит баул с вещами и попылит в обратную сторону, а она пошлёт ему вдогонку привет с кисточкой. Совсем некстати вспомнил художника, с непонятной настойчивостью осенью подталкивавшего к Марии, словно преследовал известную ему одному цель. И ведь добился своего: сорвал с места и Марию, а теперь и его самого. И дай Бог, чтобы всё обошлось. А если пойдёт наперекос?

Кузнецов гонял в голове шероховатые мысли и отвлёкся только от голоса Василия:

— Сейчас Ярославль будет. Куда дальше-то?

— На Кострому надо сворачивать. Указатель должен быть, — знающе сказал Володя, словно каждый день ездил

этой дорогой. — Вот тебе четыре тысячи без сдачи, думаю, это справедливо, а то потом некогда с деньгами валандаться.

Минут через пятнадцать, свернув с трассы, они въехали в селение, но названия за распускавшимися вётрами не увидели. Остановились, Кузнецов спросил у семенявшей мимо старушки, где живёт Макарова Мария, но та такую не знала.

— Она недавно дом купила, — подсказал он.

— А-а... Это дальше, по левой стороне пятистенок стоит! — непривычно окая, подсказала местная жительница.

Они медленно поехали по улице, и вскоре Володя попросил остановиться:

— Тормози, Василь! Кажется, здесь. Видишь, герань в окне!

Они подъехали к пятистенку по мягкой травке, и Володя торопливо выскочил из машины, подошёл к палисаднику, ещё не веря, что сейчас увидит Марию.

— Хозяйка! — крикнул он, надеясь увидеть хоть кого-то. — Хозяйка! — повторил, когда никто не откликнулся.

Володя повернулся к Василию, растерянно развёл руками. И тут Володю самого окликнули:

— Владимир Николаевич, неужели это вы? — услышал он знакомый голос и, повернувшись, увидел раскрасневшуюся Марию в расшитом золотом изумрудном халате, красовавшуюся в распахнутом окне с цветущей геранью, словно на самой чудесной картине.

— Он и есть. Работник нужен?

— Нужен. Давно ждём.

Володя вернулся к машине, попрощался напоследок с Василием, пожал ему руку и подхватил узлы. Мария встретила его на крыльце, а Володя, бросив поклажу, туго обнял её и поцеловал, сразу прослезившуюся. Они так и стояли, обнявшись, не заметив, как уехал Василий, до тех пор, когда Мария пошевелилась и пригласила:

— А теперь пойдём, кормить тебя буду!

Володя вздохнул и несмело шагнул в новый дом, словно ступил из одной стихии в другую. В большой светлой комнате от распахнутого окна его обдал терпкий запах цветущей герани...

ЭПИЛОГ

Второй месяц Елизавета терпеливо дожидалась Володю на даче. К этому времени она успела использовать отпуск, а мужа всё не было. Казалось, вот-вот он появится, чего-нибудь, конечно, приврёт, но теперь она ему всё простит, потому что ничего не оставалось делать. Если в первые дни время

тянулось медленно, то теперь оно бежало быстрым ручьём. Всё ближе был момент, когда надо принимать окончательно решение: то ли увольняться и жить на даче, охраняя и сберегая всё то, что нажила с мужем, то ли продать её. Да, ей не хотелось терять привычного места, хотелось хотя бы доработать до пенсии, а потом и ещё прихватить год-другой, если позволило бы здоровье, которое в последнее время не радовало. Поэтому она выхлопотала больничный на месяц, решив, что по окончании его всё окончательно решит. А сейчас у неё просто не осталось сил думать о чём-то серьёзном и принимать ответственные решения.

Она вроде бы и не болела ничем, а ходила поникшая, угасшая взглядом от беспричинных головных болей. А то и вовсе начинала кружиться голова, и тогда хотелось поскорее лечь в постель, закрыться подушкой, чтобы никого не слышать и не видеть. Она почти одичала на даче. Если в прежнее время могла поговорить с соседками, то теперь никого не могла видеть, особенно Немку. С ней она поругалась почти сразу, как только исчез Володя, и Елизавета вынуждена была на второй день после возвращения из Испании приехать в Ключи, узнав от Володиной сестры всю правду. Или не всю, потому что Вера ничего не сказала, как она её ни пыталась, куда уехал Володя, к кому, когда вернётся. Как партизанка молчала. Зато многое узнала от Немки, прибежавшей, словно на доклад. Ввалилась в кухню, как всегда поправляя косой подол, и сразу с похвалой:

— Правильно, что явилась! А то на днях твой-то баню спалил да куда-то вскорости уехал. Мы-то думали — за тобой.

— Ну, уехал и уехал — вам-то какое дело, Эльза Марковна? Чего вы всё нос-то суёте в чужие дела?!

— Это я-то сую! — чуть ли не подпрыгнула Гринберг. — Сама же меня конфетами снабжала, деньги на телефон переводила, Христом Богом просила приглядеть за мужем. А теперь же я и виноватой стала. Вот ты, оказывается, какая шука, а уж такой прикидывалась плотвичкой, такую несчастную из себя строила. Мы-то твоего Кузю осуждали, а он, оказывается, ангел. Это на тебе пробу ставить негде. Как он только, бедняга, терпел всю жизнь? Видно, поэтому и сбежал!

Елизавета тогда проявила характер: молча повернула Немку к двери, слегка подтолкнула и дала напутствие:

— Вали, бабка! Чтобы твоего духа здесь более не значилось!

С того дня они не разговаривали, а если случайно встречались, то отворачивались, будто заразные.

Елизавета не испытывала никакого желания с кем-то общаться. Она иногда копалась в огороде, почти пустом в нынешнем году, так как картошку не сажали, до помидоров и огурцов руки не дошли, только и успела посадить грядку лука, укропа да ещё зеленела грядка чеснока, посаженного осенью. Поэтому огород и клубника зарастали сорняками, зарастала «китайская» стена, даже на месте сторевшей бани, остатки которой разобрал сын, приехав однажды с приятелем, поднялась и зазеленела молодая канадская трава, словно бани и не было никогда. Так что даже во внешнем облике усадьбы многое изменилось, не говоря уж о душевном состоянии хозяйки. И оно, это незавидное состояние, ухудшалось день ото дня. Даже не радовало и то, что каждый выходной мотались на дачу Алексей с Маргаритой; и Ангелинка после окончания занятий в школе приехала к ней жить, хоть немного скрашивала одиночество. Конечно, жить с внучкой — это не одной усыхать, но Ангелина — ребёнок, с ней ведь не поговоришь о том, что постоянно мучило. Она, беззаботная, весь день заливается смехом: увидит бабочку — смеётся, скворец сидит на крыльчке скворечника — она может бесконечно смотреть на него, пока тому не надоест свистеть, и он улетит искать разлетевшихся птенцов. А в последние дни внучка, всё меньше уделяя внимания скрипке, пристрастилась ловить карасей, пропадала у пруда с удочкой, как настоящий мальчишка. И это ей тоже в радость, поэтому она подолгу не говорила с молчаливой бабушкой. Находиться на участке внучке даже было радостнее. Правда, единственное место, которого она остерегалась и обегала стороной, — это куча тёса, заросшая крапивой, в которой жили аспидные ужи. Даже два жёлто-оранжевых весёлых пятнышка на их головах не могли успокоить Ангелинку.

Елизавета особенно не проникалась заботами внучки: бегают она по усадьбе, ну и пусть бегают. Ей никак не удавалось справиться со своими нескончаемыми печальными думами. Лишь в один из дней она неожиданно повеселела, когда рядом с их участком остановилась легковая машина, а следом пришла грузовая со стройматериалами. Позже привезли щитовой готовый домик, больше похожий на большую собачью будку, а подъехавший автокран сгрузил его. Когда грузовики уехали, Елизавета отправилась к новому поселенцу — мужчине средних лет, из себя видному, даже представительному, переносившему из легковушки в домик лопаты, вёдра, инструменты. Она подошла, узнала, как зовут вновь прибывшего, назвалась и спросила:

— Вы что же, нашим соседом будете?

— Да, Елизавета Ивановна, решили с женой строиться. Дети выросли, пора и нам определяться, спокойное место искать. Как тут у вас? Не шалят? А то в следующий раз придешь на голое место.

— У нас тут строго. Такие общественницы мощные — у них не забалуешь.

— Вот и прекрасно. Вы, вижу, постоянно здесь проживаете? — Елизавета кивнула. — Поэтому попрошу вас по-соседски присматривать за нашим добром. Ведь кому, как не соседям помогать друг другу. Глядишь, потом семьями подружимся.

— Непременно, Геннадий Викторович! — Елизавете ничего не оставалось, как согласиться, не будешь ведь объяснять незнакомому человеку всю свою ситуацию. — Мы рады будем помочь. Чем сможем...

В следующий выходной Геннадий привёз семью: жену, дочь и зятя. Все они нашли себе дело: мужчины копали траншею под фундамент, женщины лопатами сшибали траву и бурьян вокруг стройплощадки, а потом чуть в стороне начали делать грядку. Хотела Елизавета спросить, зачем она нужна среди лета, но не стала мешать. Хотят — пусть делают. Ночевали они — кто где, хотя Елизавета приглашала к себе, познаколив перед этим с приехавшим сыном и снохой, но Геннадий отказался, сказав за всех:

— Елизавета Ивановна, мы всю жизнь мечтали пожить в таких условиях. Начать с нуля, чтобы потом было что вспомнить. Надо всё испытать.

Елизавета не стала настаивать. Они ведь с Володей сами когда-то были такими. Может, поэтому Елизавета за два дня подружилась с женой Геннадия Дашей — вполне современной, на всё имеющей свой взгляд. Конопатенькая Даша, похожая на перепёлочку, казалось, всё понимала с полуслова. Особенно разговорились, когда вместе почаёвничали перед отъездом, обменялись телефонами. Даша уезжала с дочерью и зятем, оставляя на участке Геннадия, находившегося в отпуске. И уж перед самым отъездом Даша забежала к Елизавете вновь и попросила, немного смущаясь, но всё-таки достаточно настырно:

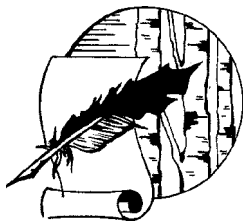
— Должна вам признаться, как женщине, что не могу спокойно оставлять Геннадия. Ведь мы всю жизнь никогда не расставались, и, поверьте, это очень страшно — расставаться, пусть и на время. Конечно, моя просьба, может, будет выглядеть некрасиво, но вы меня поймёте, надеюсь. Пожалуйста, приглядывайте за Геннадием. А если что-то заметите подозрительное — какую-нибудь, например, постороннюю женщину — позвоните... Вы понимаете меня?

— Не переживай, дорогая. В Ключах лишь старухи живут!

— А вдруг, какая-нибудь приезжая дачница заинтересуется Геннадием... Мне этого очень не хотелось бы. А насчёт оплаты за телефонные разговоры не волнуйтесь. Я завтра же положу на ваш номер сто рублей! Думаю, этого хватит на первый случай, тем более что у нас с вами один оператор связи и звонки будут недорогими.

— Договорились, сделаю, как вы просите, — вздохнула Елизавета от собственного неприятного обещания, как и от всего неприятного разговора. — Не переживайте.

Повеселевшая Дарья ушла, а Елизавета чуть ли не разревелась. Неужели она такая старая, что к ней обращаются, как к какой-то старушке? Это ли не обидно! Как объяснить Даше, с виду весьма интеллигентной, что когда-то сама начинала дачную эпопею точно так же — с недоверия к мужу, постоянной слежки за ним. Неужели похожая история повторяется в каждой дачной семье, поначалу такой дружной? И что потом остаётся от той дружбы и любви? Конечно, не у всех происходит именно так, как произошло у них с Володей. Это, наверное, особый случай. Но вот, поглядела она на новых соседей, на Дарью и поняла, что переживания её не придуманные, а живые. Эх, как хотелось бы, чтобы в такие переломные дни оказался с ней рядом знающий, мудрый человек, сумевший бы напомнить о взаимном доверии и достоинстве, о котором никогда не следует забывать. Но как найти всё понимающего мудреца, готового всегда прийти на помощь. Да и есть ли он? И следом за этой мыслью пришла иная: а может, не надо ни на кого надеяться, а надо отыскать его в самом себе? Хотя бы попытаться. Но с чего начать, как это сделать — в этом Елизавета не советчик, если у самой всё получилось наперекосяк. И когда вспомнила о самой себе, то расплакалась в очередной раз: от обиды, одиночества — от всего.

Анатолий АВРУТИН

РУССКИЕ ЦВЕТЫ

* * *

Позовите меня —
Я приду... И скажу... И заплачу..
Потому что дождит..
Потому что позвали меня.
Выпивохам раздам

эту скользкую, мокрую сдачу —
Пусть содвинут стаканы,
портвейном желудка черня.

И пойдет разговор...
Про погоду... Про деньги и женщин,
Неустроенность быта
И вечный мирской неуют..
Будет вечер пустой

мировой пустотою увенчан,
Мрачно выпьют и снова
торопко и мрачно нальют...

И, отспорив свое,
Не поверят ответному слову.
И почувствуешь —

злоба у парня вскипает в груди.
Опрокинет стакан:

«Уходи подобру-поздорову...»

Опрокинет бутыль:

«Уходи поскорей, уходи...»

Покачнется и вновь
Глухо скажет, что выпили лишку.
А всё этот... Заезжий...
Ату его, ёшкина вошь...
Скрипнет хлипкая дверь,
На крыльце приобнимешь парнишку..

И нетвердой походкой
Пойдешь вдоль оврага,
пойдешь...

А вокруг — никого...
Лишь голодный и брошенный Шарик
Подбежит на минутку,
Глазами проводит: «Иди...»
Догорает звезда...
Вдалеке остывает фонарик...
И такая тревога... Такая тревога в груди...

* * *

Маме

Ты не мама, ты — мой ребенок...
Всё в минувшем — краса и стать.
Ты ласкала меня с пеленок,
Мне отныне тебя ласкать.

Отвечала мне раз за разом
На вопросы средь суеты.
У тебя нынче детский разум
И по-детски глаза чисты.

Повторяла: «Еще немножко
Скушай... После — еще отрежь...»
Ты кормила меня из ложки.
Мама, с ложечки суп доешь.

Хвори, шишки — всего хватало.
Взяв за ручку, вела к врачу.
Оступилась... Почти упала...
Дай, царапинку подлечу.

Тяжело на диван приляжешь,
Будем вместе мы ждать весны.
Мама, мама, ты мне расскажешь
Все свои молодые сны.

Помнишь, я прибежал спросонок,
Чтобы сон тебе рассказать?..
Я — твой сын, а ты — мой ребенок,
Я — твой бог, а ты — божья мать...

И мы оба сегодня — дети.
Пусть метели ревут, слепя.
Пусть кончается всё на свете,
Кроме истины и тебя.

* * *

Эту веру в надежду дает мне любовь —
Лживы все ипостаси иные.
Пусть любовь безнадежна... Пусть горестно вновь,
Пусть копытами бьют вороны...
Говорливые токи идут от земли,
Заставляя позвякивать блюда...
Всё с любовью слежу, как летят журавли,
И с надеждою верю — вернуться.
Пусть пургою январь обжигает зрачок,
Пусть слова подтверждают потерю,
Я всё верю с надеждой в провидчество строк,
И в любовь бесконечную верю.
Пусть мне небо велит: «Небу не прекословь,
Знай в любви осторожность и меру!..»
Но я верю в надежду..
Я верю в любовь..
И они возвращают мне веру..

* * *

Тропинка-тростинка вконец заплутала во ржи...
Скажи мне, росинка, рассветное небо, скажи,
Что станет с душою, когда вознесётся, спеша?
Что станет со мною, когда вознесется душа?
Какие моления подхватят ее на лету,
Придет ли прозреньё, что принял я за слепоту?
Закончатся разом — и тело, и дело, и плоть...
Закончится разум... Закончится даже Господь...
И сон не приснится — он тоже куда-то исчез...
И птица-синица... И руки любимой... И лес...
Лишь голос, звучащий чуть слышно в такую пору,
Мне молвит: «Пропаший... Я — голос... Я тоже умру..
Сменюсь тишиною, что время крадет не спеша.
Но буду с тобою, когда вознесется душа...»

* * *

Вослед за покоем приходит всегда непокой —
Затем, чтоб покой нам недолго покоем казался.
Ну как же теперь мне к тебе прикоснуться рукой,
Когда я рукою к вселенскому злу прикасался?..

Уже заструилась с деревьев линия медь,
И тучи тяжелые бродят всё ниже и ниже...
Ну как же посмею теперь на тебя поглядеть,
Когда я глядел на другую — светло и бесстыже?..

Глядел... И казалось, что это и есть благодать...
И снова глядел... И разлукою мучился снова.
Ну как я посмею теперь тебе что-то сказать,
Когда повторял, что молчание — выше, чем слово?..

Крест-накрест зачеркнут вконец неудавшийся день,
А пульс всё морзянит, что лучшего мы и не стоим.
Луна оскудеет... И солнце взойдет набекрень
Над вечным покоем... Над призрачным вечным покоем.

* * *

Позабить обо всем,
что в беспамятстве явью казалось,
Позабить обо всем, что царапало душу порой.
Я усталость гоню...
Только снова приходит усталость...
И устало мерцает

сквозь облако луч золотой.

Коченеет ладонь...

О себе говорить не пристало...

Всё слежу, как на свечке

колеблется узкий огонь.

То почти оживет...

То внезапно поникнет устало.

А ладонь поднесешь —

все равно коченеет ладонь.

Как болит синева!...

И любимая нет, не со мною...

Эти полунамеки,

где только печаль — наяву.

Синеву женских глаз неспроста нарекли синевою —

Синевою упиться...

И снова нырнуть в синеву..

Только там, в синеве,

заскорузлыми чувствами тая,

Понимаешь, как вольно пичуге в дали заревой...

По взъерошенной сини

слезинка сползет золотая,

Чтобы в синь обратиться...

И стать золотой синевой...

А когда закричит

на скрещенье любви и печали

Сероглазая птаха, безвольно смежая крыла,

Ты пройдешь стороной...

И меня ты признаешь едва ли...

Но в душе отзовется,

что боль стороною прошла...

* * *

Этот край без конца и без края,

Где ты черной березе не люб,

Где шагаешь, судьбу прижимая

Мокрым шарфиком к стылости губ...

Где дыханье, белея, струится,

Ослепляя продрогший фонарь.

Где внезапно вспорхнет голубица

В эту высь, в эту ширь, в эту хмарь...

Где ты шепчешь, почти как моление,

Всё стараясь не сбиться на крик:

«Оглянись же еще на мгновенье...

На полвзгляда... На вспышку.. На миг...»

Этот край, где и время не лечит,

Где пытается встревоженный взгляд:

«И о чем ты кричишь, человеке?..

Еле слышно... А стены дрожат...»

* * *

Холодный день... Грачи в отлёте...

И только вóроны кружат.

Да на оконном переплёте

Туман развесистый распят.

Одни лишь смутные картины
Сознанию хмурому милы.
Там Бог —един, там всё едино —
Дыханья... Облики... Стволы...

Там у реки повадка лисья,
Там листьев дышащая прель.
И там капель бежит на листья —
На листья прелые... Капель...

Там всё запутано до срока,
И, как давно заведено,
Темным-темно... Но видит око...
А видит око, что темно...

* * *

Годы уплыли... А что изменилось?
Тоненький прутик зачах.
Кто в это время, скажите на милость,
Думал о русских цветах?

Мчалось и корчилось время лихое,
С дьяволом было на «ты» ...
Вот и завяли цветы в травостое,
Вот и завяли цветы...

Не получилось понежиться в росах,
Родиной мучаясь впрок...
Так и остался всего отголосок,
Робкий и чахлый росток.

Так и остались следы ножевые,
Жизнь обращая во страх...
Так и остались цветы неживые
В память о русских цветах.

* * *

Гулко и нервно гудят камыши,
В небе — на сером! — сквозная прореха.
Не разрешать тебе не разреши —
Черной тоски и ненужного смеха.

Птицы... От птиц в проводах не искрит,
Нерв оголенный — как в камере пыток...
Сколько же было в судьбе Маргарит!..
Сколько осталось в душе маргариток?..

Все они сплыли, душа и дразня,
Вызвав любовью своей иллюзорной
Черную ночь среди белого дня,
Белый просвет среди роздыми черной...

Как всё закончилось!.. Как обожгло!..
Как о прошедшем завывли собаки!..
Черная птица встает на крыло,
А провода всё искрят в полумраке.

* * *

1

Наклоняюсь над черной осенней водой,
Приближаю к теченью глаза.
И мне плещет в зрачки золотой чернотой
Отраженных небес полоса.
На мгновенье мелькнуло... Исчезло... И вот
Золотого увидеть нельзя.
И спешит в бесконечность струение вод,
Отражение глаз унося...

2

Причина сплина в ноябре?..
Печаль... Ненастная погода.
Полузаснувшая природа,
Тягучий сумрак на заре.
Сплошная музыка тоски
На ржавых трубах водостока.
И свет, мрачнейший с востока,
И север, вдавненный в виски.
А что еще?.. Дырявость крыш...
Березы чёрные... Вороны...
И долгий сумрак полусонный,
К утру сменивший полутьму.
И непонятно — ты, не ты
Следишь за сумрачным струеньем,
Где уплывают по теченью
Твои склоненные черты...

* * *

Такие же стать и кожа...
Такие же имена.
Ты так на мечту похожа,
Но все-таки не она.

Такое же божье чудо
Вот этот надменный взгляд.
Куда ты идешь?.. Откуда?..
И нету пути назад.

И нету спасенья, Боже,
От взгляда спасенья нет.
Ты так на рассвет похожа,
Но все-таки не рассвет.

Чуть вспыхнуло... Отгорело...
Раскаркалось воронье...
Но тело родней, чем тело,
Поскольку оно — твоё.

Пусть песен о нас не сложат,
Пусть даль без тебя черна...
Ты так на любовь похожа,
Но все-таки не она.

г. Минск

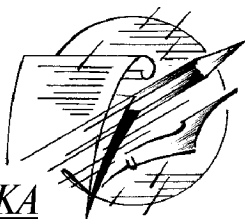
БЕЗ СТАТУСА ГОРОДА-ГЕРОЯ

Из Краснодара я подался в Воронеж, где не бывал никогда, и хорошо пожил почти три дня у Юры Гончарова. Есть у него своя машина. Поездили, посмотрели. Юра воевал под Воронежем, повозил меня по местам боев. И то, что я там увидел, опять хлестануло меня по голове и сердцу. На местах боев до се валяются косточки русские и летают тучи воронья... Ах, Господи, какое у нас постоянство в равнодушии к тем, кто отдает Родине и народу все, и какое заботливое кокетное отношение к тем, кто языком болтает, крутится на глазу и шкочу всякую делает, кто вошью ползает по больному телу и без того искусанного народа — тем все и заботы и блага.

В.П. Астафьев, «Нет мне ответа»

Всем воронежцам и всем, кто изучал историю Великой Отечественной войны, непонятен тот факт, что Воронеж не имеет официального статуса Города-Героя. Многие, кто задавался этим вопросом, находили для себя разные варианты ответов, но ни один не был для них в полной мере окончательным и исчерпывающим.

Я родился и всю жизнь прожил в этом городе, на Чижовке... Мне, как человеку среднего поколения, не пришлось, к

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

счастью, хлебнуть доли войны. Но она была жива во мне с детства в образе и рассказах соседей по дому, не старых еще ветеранов, в детских играх в войнушку, где зачастую были настоящие пистолеты, гранаты и каски, которые отбирали у нас идущие с работы мужики. Война жила в рассказах родителей, дедушек и бабушек, в выковыривании пуль в плотном решете дырок вокруг окон и подъездов дома, в звоне медалей на кителях 9 Мая, в ящиках с минами и авиабомбах, вымываемых дождем из-под корней деревьев в палисаднике. Эта проклятая война была еще рядом в моих семидесятых и восьмидесятых. И, конечно, я тоже думал, почему мой город не Герой?..

Воронеж называют «забытый Город-Герой», «Сталинград на Дону», прочими эпитетами... А в 1942 году он первым получил свое прозвище «Город-фронт». Я не буду описывать здесь ни масштабов, ни деталей боевых действий, остановлюсь лишь немного на статистических фактах. Даже эта сухая статистика сможет произвести впечатление на любого человека.

Воронеж оказался в числе городов на военном положении с первого дня войны 22 июня 1941 года, несмотря на свое глубокое тыловое расположение. Город дал фронту первые сотни «катюш» БМ-13 и штурмовиков Ил-2, военные радиостанции, автоматы ППШ, бронепоезда и много другой военной продукции. Воронежская область послала на фронт через военкоматы 563 181 бойца (более 47 000 из областного центра) — четвертый результат среди всех областей СССР, из которых пало на поле боя 329 627 человек. Парад 7 Ноября 1941 года прошел в трех городах СССР — Москве, Куйбышеве (запасной столице) и Воронеже, где войска так же, как и с Красной площади, сразу уходили на фронт. Лишь два областных центра стали внутри себя линией фронта на многие месяцы — это Воронеж (с 6 июля 1942 по 25 января 1943 года) и Сталинград (с 13 сентября 1942 по 2 февраля 1943 года). По продолжительности нахождения на переднем крае (212 дней) Воронеж уступил лишь городам-героям Ленинграду, Севастополю и Новороссийску. По итогам сражений Воронеж вошел в число 12 городов Европы, наиболее пострадавших во Второй Мировой войне и в число 15 городов СССР, подлежащих первоочередному восстановлению. В результате бомбардировок, уличных боев, фашистского террора Воронеж стал вторым городом после Ленинграда по степени потерь мирного населения. Воронеж оказался единственным городом Европы, где нацистам не удалось создать на занятой территории администрацию и выбрать бургомистра, а на при-

звызы записываться в полицию не пришел ни один человек! Также Воронеж оказался единственным городом, в котором оккупантам пришлось изгнать или истребить всё оставшееся население из-за тотальной партизанской войны (165 партизанских отрядов), и 25 января 1943 года, в день освобождения, наши солдаты не встретили в городе ни одного живого жителя... В ходе воронежских оборонительных и наступательных операций было полностью уничтожено 26 дивизий врага и еще четырем нанесено разгромное поражение, более 320 000 фашистов осталось в воронежской земле, а около 130 тысяч попало в плен, среди которых были немцы, венгры, итальянцы, румыны, евреи (в составе рабочих батальонов венгерской армии), бельгийцы, португальцы, сербы, словаки, чехи, финны. На воронежской земле пало и около полумиллиона советских воинов, ополченцев, партизан...

Это коротко...

Так почему же «город-фронт», сломавший о себя все планы летней наступательной кампании гитлеровцев, не позволивший немцам сначала перебросить армии для окружения отступающих советских войск в излучине Дона, затем оттянувший вражеские войска из Сталинграда, и в конце концов нанесший силами своего фронта разгром и под Сталинградом, и под Воронежем, не заслужил звание Героя?

Я не знаю точного, однозначного ответа. Быть может, кто-то его знает наверняка, хотя я сомневаюсь в этом. Для себя я сформулировал его так, на современный лад — не срослось. А вот причины, по которым не срослось, я изложу подробнее.

Президент США Франклин Рузвельт, поздравляя Сталина с 25-й годовщиной Красной Армии, поставил Воронеж в один ряд с важнейшими сражениями того периода войны: *«Красная Армия не давала возможности самому могущественному врагу достичь победы. Она остановила его под Ленинградом, под Москвой, под Воронежем, на Кавказе и, наконец, в бессмертном Сталинградском сражении...»*

Сталинград стал носить официальное звание Города-Героя еще до окончания войны, с 1 мая 1945 года, а в 1965 году получил Золотую Звезду и орден Ленина. Этот героический город носил имя Сталина, и это говорит о многом. Несмотря на то, что сражения за Воронеж и Сталинград были сопоставимы, двух великих битв, наверное, быть не могло. Безусловно, Воронеж отошел в тень. Часть операций Воронежского фронта историками была отнесена к битве Сталинградской. И даже во время самих боев, когда немцы перебрасывали войска из Сталинграда на помощь своей отчаянно сражающейся группировке в Воронеж, в Советском Союзе имя горо-

да на Волге вышло на первый и практически единственный план в пропаганде и информационном поле. В написанной во время боев песне Исаака Дунаевского и Якова Шведова «Песня о Чижовке» есть такие примечательные слова: «Мы знали, сражаясь за нашу Чижовку, ведем бой за свой Сталинград». В это же время именно сюда, в воронежскую слободу Чижовку, гитлеровцы перебрасывали войска из Сталинграда, хотя по всем их планам должно было происходить прямо обратное. Все исследователи войны за рубежом, в том числе и со стороны врага, и даже сам Гитлер, отмечали, что не будь тяжелейших сражений в Воронеже, не случился бы и победный Сталинград.

История не терпит сослагательного наклонения, но всё же, поразмыслим. Одной из главных задач немцев в операции «Блау» был захват Воронежа.

Директива № 41. Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами ОКВ (Штаб оперативного руководства) № 55616/42. Сов. секретно. Только для командования. Ставка фюрера. 5.4.1942 г.:

«В. Главная операция на Восточном фронте. Ее цель, как уже указывалось, — разбить и уничтожить русские войска, находящиеся в районе Воронежа, южнее его, а также западнее и севернее р. Дон.

...Началом всей этой операции должно послужить охватывающее наступление или прорыв из района южнее Орел в направлении на Воронеж. Из обеих группировок танковых и моторизованных войск, предназначенных для охватывающего маневра, северная должна быть сильнее южной. Цель этого прорыва — захват города Воронежа».

Отметим, что данная директива была составлена еще до начала провального наступления войск Юго-западного фронта под Харьковом, значительно облегчившим гитлеровцам выполнение своих задач. Воронеж должен был стать плацдармом, прикрывающим поворот немецкой группировки на юг, в сторону Кавказа, а в случае успеха — и плацдармом для похода на Москву. В этой же директиве речь шла и о Сталинграде: «...В любом случае необходимо попытаться достигнуть Сталинграда или, по крайней мере, подвергнуть его воздействию нашего тяжелого оружия с тем, чтобы он потерял свое значение как центр военной промышленности и узел коммуникаций». Таким образом, получается, что захват города на Волге ни самоцелью, ни стратегически немецким командованием первоначально не рассматривался. Главным для вражеских штабов было окружение и полный разгром советских войск на южном участке фронта. По плану, город Воронеж должен

был бы взят штурмом 4-й танковой армией Гота, которая без промедления поворачивает на юг и охватывает в кольцо советские войска. Но еще в боях на ближних подступах к Воронежу и его окраинах немцы вязнут, теряя не только темп наступления, драгоценное время, но и значительные силы. Севернее Воронежа во фланг им наносят удары танковые корпуса спешно переброшенной 5-й танковой армии Лизюкова, и половина всей немецкой стальной армады разворачивается не на юг, а на север, для отражения их атак. На донских переправах разгораются кровопролитные бои и за день до вторжения в Воронеж начальник штаба сухопутных сил вермахта Ф. Гальдер пишет в своем дневнике, что 24 танковая дивизия и дивизия «Великая Германия» рискуют истощить все свои силы в боях за укрепленный Воронеж.

В это время немцам не хватает войск на юге и, отступающие советские войска ускользают у них из-под носа, уходят на восточный берег Дона, форсировать который у врага также недостает сил. Наступающая 6-я армия Паулюса остается в одиночестве, и выполнить масштабную операцию на окружение уже не способна. Она только гонится за советскими войсками, отходящими к Сталинграду. Так, вместо очередного масштабного окружения и похода всеми силами на Кавказ немецкие планы военной компании 1942 года рушатся в первом же пункте операции, в Воронеже.

Об этих днях английский военный историк Дж. Фуллер пишет так: «Началось сражение за Воронеж, и, как мы увидим, для немцев оно было одним из самых роковых за время войны. Русские, сосредоточенные к северу от Воронежа, прибыли вовремя, чтобы спасти положение, возможно, они спасли всю кампанию. Нет никаких сомнений, что дело обстояло именно так». К сожалению, советская военно-историческая наука была подвержена строгой цензуре и продвигалась по заранее определенным руководством страны направлениям, к тому же боевые действия в Воронеже после войны были строго засекречены (кем и зачем — это отдельный разговор), и ссылаться на отечественных исследователей не приходится. Ведущая роль Сталинградской битвы в переломе войны была подчеркнута исчезновением из истории битвы за Воронеж. О роли же мемуаров поговорим ниже.

Так получилось, что в мемуарной литературе роль Воронежа тоже звучит больше вскользь, как бы между прочим. Конечно, большую роль в этом играл гриф секретности, когда в 50—70-е годы и было написано большинство мемуаров выдающихся военачальников Великой Отечественной. Так получилось, что крупные советские командиры, принимав-

шие участие в боях на воронежской земле, либо без особого восторга вспоминали этот этап своего боевого пути, либо просто не дожили до конца войны. Так, несомненно, ставшие бы маршалами, командующий Воронежским фронтом генерал Н.Ф. Ватугин и командующий 60-й армией, освободившей Воронеж, генерал И.Д. Черняховский погибли в 1944 и 1945 годах соответственно. Разумеется, никаких мемуаров они не оставили. Надо помнить, что на волне победной эйфории в Советском Союзе было не принято вспоминать об ошибках, просчетах и некомпетентных поступках героев войны. И в страшной Битве за Воронеж было именно то, что вспоминать не хотелось. Чины пониже, в званиях командиров дивизий, оставшиеся в живых, донесли до нас многие воспоминания, но это был уже не тот уровень, который влияет на принятие решений верховной власти.

О чем, к примеру, мог рассказать маршал бронетанковых войск М.Е. Катуков, вспоминая войну? О том, как разбил Гудериана в 41-м под Москвой, как сражался на Курской дуге, освобождал Украину, даже как нерешительно наступал на Берлин, в котором все-таки был! Но разве мог он, даже если бы захотел, рассказать, как в боях под Воронежем погибал его корпус? А погибал он быстро и страшно, как и другие корпуса, смертью своей выигравшие несколько дней у немцев, дней, спасших от окружения советские армии и решивших судьбу 1942 года. Не только гриф «секретно», но и самолюбие не позволяли советским командующим много и публично вспоминать свои неудачи.

При этом те наступательные операции, которые провел Воронежский фронт зимой 42/43 года, совокупный успех которых превысил результаты Сталинградской битвы, обошлись без привлечения наиболее именитых полководцев, что называется, «местными силами», а такие выдающиеся личности, как Жуков и Василевский, посещали воронежские штабы и траншеи лишь с инспекцией, для того, чтобы дать разрешение на начало наступления.

Да и из солдат, сражавшихся за Воронеж, очень мало кто смог дойти до Победы. Это они потом дрались на Курской дуге, форсировали Днепр, брали Киев и Львов, освобождали Украину, Польшу, за 45 минут боя окружили и уничтожили смрадно известную дивизию «Галичина», штурмовали Берлин и Прагу. Те немногие ветераны, прошедшие всю эту бойню, вспоминали о Воронеже как о месте самых страшных боев и абсолютно все повторяли одни и те же слова: «То, что творилось здесь, нельзя описать словами и передать. Такого они не видели больше никогда за время войны»...

Не менее героическая судьба ждала Воронеж и после того, как война откатилась от него на запад. По мнению немецкой пропаганды, город, разрушенный до основания, утратил какое-либо значение и не сможет быть восстановлен ни за 50, ни за 100 лет. Но Воронеж восстановился к довоенному уровню за пять послевоенных лет. Воронеж стал центром многих научных разработок военно-промышленного комплекса. Его НИИ и заводы создавали космические корабли, ракетное топливо, автобусы, радиоэлектронику, электротехнику, связь, атомную энергетику и многое другое. Город стремительно рос. Засекретить его так же, как, например, Саров (Арзамас 16), возможности не было. Оставалось лишь не привлекать к Воронежу внимание. Многие ли знают, что именно в Воронеже изобретен сотовый телефон и сам принцип сотовой связи? И то, что все форматы связи, так называемые 3G, 4G и 5G, создавались и создаются в Воронеже? Или то, что и российский, и американский модули МКС сделаны на воронежском механическом заводе? Или то, что первым сверхзвуковым пассажирским самолетом в мире был вовсе не «Конкорд», а воронежский Ту-144? Всего не перечислить. Но так уж было заведено в нашей стране — многое, что в ней создавалось, было на благо какого-то несуществующего, «будущего» народа, ценой пренебрежения народом реальным, живущим ныне.

Шесть раз руководством города подготавливались и отправлялись в Москву документы на присвоение Воронежу звания Города-Героя и все шесть раз правительство отказывало. Закон СССР о городах-героях подразумевал популяризацию таких мест не только для советских, но и иностранных туристов, чего в отношении Воронежа допускать было нельзя.

Не последнюю роль сыграл и созданный в противовес НАТО военный блок социалистических стран «Варшавский договор». Нашими союзниками стали венгры и румыны, которые во время войны были на стороне оккупантов. Под Воронежем их армии были жестоко разбиты, а венгерская королевская армия практически полностью уничтожена. Советские командиры, узнававшие о нечеловеческих зверствах венгров, отдавали приказы «мадьяров в плен не брать». Сам Воронеж стал нарицательным именем в венгерском языке, означающим самый плохой поворот событий, а гибель их армии вошла в историю Венгрии под названием «воронежское бедствие» как самое большое поражение. Ради деликатности в отношениях с новоявленными союзниками Воронеж решили не возвышать....

Существует легенда о том, что в один из своих приездов в Воронеж Н.С. Хрущев привез с собой указ о присвоении звания Города-Героя. Это связано с тем, что во время войны его деятельность была связана с Воронежем. К примеру, он, будучи начальником политуправления, вместе с маршалом Тимошенко принимал парад войск Юго-западного фронта 7 Ноября 1941 года на площади 20-летия Октября. И в целях героизации собственной военной биографии Хрущев, возможно, не прочь был прославить имя города. Но, оказавшись в Воронеже, Никита Сергеевич пришел в ярость. Город восстанавливался не дешевыми панельными халупами, а со всеми «архитектурными излишествами» вопреки очерченной им самим стратегической линии развития строительной отрасли. Его не интересовало то, что восстановление города из руин в прежнем его обличье и еще большей красоте было клятвой воронежцев, проявлением их любви и патриотизма. Деликатно Хрущев свой гнев выражать не умел и, стремясь задеть личные чувства ответственных лиц, цели своей достиг, в результате чего архитектором города он был прямым и незамысловатым текстом послан на три буквы, что называется, в его присутствии. В ответ на дерзость Никита Сергеевич послал туда же всех воронежцев и прилюдно разорвал указ о присвоении Воронежу звания Города Героя, с чем и отбыл. Легенда это или нет, но известна она с тех же самых пор, которые описывает.

Те, кто хоть что-то слышал о войне, знают слово «плацдарм». Бои за плацдармы носят особенно упорный и ожесточенный характер. Иногда плацдармы существуют несколько часов, иногда несколько дней, иногда недель. Воронежские плацдармы сражались по полгода. Именно с них потом были проведены блестящие наступательные операции советских войск. В полосе Воронежского фронта это были Губарёвский, Чижовский, Шиловский, Сторожевский, Селявинский, Коротоякский, Щученский, Осетровский плацдармы. В самом Воронеже бои отличались даже не ожесточением, а нечеловеческой жестокостью. Это был первый крупный город, где многодневные сражения развернулись на улицах и площадях, на баррикадах, в парках и жилых кварталах, за каждый дом, за каждую улицу. Много дней сплошные рукопашные схватки, штыковые атаки, ближний бой. А на Чижовке, «долине смерти», много месяцев... Один за одним в воронежских боях бросались грудью на амбразуры советские воины... Вавилов, Бовкун, Абызов, Дзотов... и ни один из них не получил за это звание Героя... Вот и город не Герой... 26 января 1943 года «Комсомольская правда» напишет: «Ког-

да-нибудь об уличных боях в Воронеже будет написано много страниц. Этот город воевал на своих площадях и улицах в течение многих месяцев. Город дрался за каждый квартал, — за каждый дом». Нет, написано не будет, будет надолго засекречено...

Для воронежцев, знакомых с историей, их город, безусловно, Герой. Но много ли таких в наше время даже в самом Воронеже? Сомневаюсь. Для тех немногих, кто проникся историей родного края, Воронеж не Герой, а Святой. Для них, наверное, даже к лучшему, что не было у него этого официального героического статуса, не гремели всенародные фанфары, не звучали громкие дежурные слова, не замылилась своя собственная память. А вот для всеобщего потребления такой статус бы не помешал. Хотя бы для воспитания граждан — не только воронежцев, но и разбросанных по всей стране миллионов потомков тех сотен тысяч, что сложили здесь свои головы. Да и по справедливости, без которой так неуютно русскому человеку на своей земле живет. И, если уж не хватило бы для признания того, что вытерпел город во время последней мировой войны, то присовокупили бы и бывшие заслуги. Ведь Воронеж — это родина первого русского военно-морского флота во времена царя Петра и родина воздушно-десантных войск. Это его войны гнали Наполеона от Москвы до Парижа, это из уездных городов Воронежской губернии Землянска и Коротоюка сражались солдаты одноименных полков в крепости Осовец и шли в «атаку мертвецов» в Первую мировую... Мы пока еще помним об этом...

ДВА РАССКАЗА

ВЕДЁРКО С РЕПКОЙ

— Анна Петровна Кулик — это вы?

На крыльце стояли двое. Один — тощий молодой парень с бородкой-клинышком и узлом волос на темени. Другой — постарше, с одутловатым лицом и капельками пота на бледном лбу. Позади них белела легковая машина и медленно оседала, серебрясь на солнце, дорожная пыль.

Анна Петровна Кулик, или попросту тетя Аня, как ее звали в деревне, маленькая согбенная старушка в душегрейке, серой шерстяной юбке и светлом платке, снизу вверх вопросительно глядела на гостей.

— Мы из радио, — заученно изрек молодой и тощий. — Меня звать Алексей, а это Олег. Мы записываем воспоминания очевидцев о Великой Отечественной войне, готовим передачу к годовщине ее начала. Ваши соседи сказали, что вы пережили оккупацию и были вывезены на чужбину. Не могли бы вы рассказать нам, что вам запомнилось из тех событий?

Старушка тихонько засмеялась, поправляя платок.

ПРОЗА

— Что я там помню? — слегка всколыхнула она руками. — Всё позабывалось. Сколь времени минуло! Дак проходите уж, коли приехавшие.

Миновав узкую верандочку, заставленную ведрами с водой и пластиковыми емкостями с рассадой, корреспонденты прошли за хозяйкой в сумеречную комнату, оставляя на полнике кусочки сухой земли. Остановились у круглого стола, покрытого клеенкой со стертыми узорами и загроможденного какими-то склянками, коробочками с лекарствами и блюдами с мокрыми семенами. В доме пахло печной золой и пригоревшим молоком.

— Разрешите? — молодой освободил край стола. Тот, что постарше, Олег, извлек из сумки и положил на стол черную коробочку, похожую на пульт к телевизору, только с меньшим числом кнопок.

В доме было прохладно, и худощавый Алексей, одетый лишь в джинсы и футболку, то и дело поеживался. Зато его коллега, упревший на солнце в своем помятом коричневом костюме, облегченно плюхнулся на стул.

— Хорошо, если бы вы сели вот сюда, Анна Петровна, — указал Алексей, — а говорили бы вот сюда, в диктофон. Я буду задавать вам вопросы, а вы, пожалуйста, говорите не спеша и отчетливо. И не волнуйтесь: если что не так, мы перепишем.

Старушка неловко присела к столу, как если бы она была в гостях. Алексей расположился в двух шагах от нее, держа на колене раскрытый блокнот.

— Ну что я там помню? — повторила хозяйка растерянно. — Мне ж тогда пять годов было, как тая война началась. Вот такая вот была, — показала она рукой полметра от пола.

— К сожалению, тех, кто был старше, почти не осталось. Ну так всё же? Что-то вы должны помнить, Анна Петровна? Как немцы вторглись, как реагировали на это сельчане. Велись ли поблизости бои? Как ваша семья выживала в оккупации? Большая ли была семья? Пока не пиши, Олег, — бросил он к напарнику, который сидел, сложив на груди руки, с отрешенным лицом.

— Нас у мамы четверо деток было, — подумав, произнесла Анна Петровна. — Пете три года было, как война началась, а Мише было одиннадцать, а маленькому Лёне месяц был всего. А мне пять годов. После Миши и передо мной еще двое деток у мамы умершие были: Сережа был умерший и девочка Шура.

— Понятно. А ваш отец? Он воевал?

— Батьку нашего в сорок первым году забрали, и он не вернулся, погиб. Мама осталась одна с четырьмя детьми.

Алексей что-то пометил в своем блокноте.

— Ну хорошо, — зябко повел он плечами. — Анна Петровна, а как немцы входили в деревню, вы лично видели?

— Немного что я и видела.

— Вот и расскажите нам. Пишем, — кивнул Алексей помощнику.

Тот, почти не глядя, нажал на диктофоне кнопку с красным кружком посредине.

— Мой собеседник сегодня — Анна Петровна Кулик, жительница деревни Марино, — отчетливо проговорил Алексей. — Она одна из тех, на долю кого выпали тяжелые испытания, связанные с войной, — немецкая оккупация, подневольный труд на чужбине. Анна Петровна, расскажите, пожалуйста, как это происходило. Как немцы вторглись в вашу родную деревню.

— Как... — тетя Аня посмотрела подозрительно на пишущую «машинку». — Было вот как: я и мама — шли мы за водой... Мама шла за водой, а я с ней, с маленьким ведерочком. Ведерочко у меня такое было: дед тянет репку — нарисовано. Такое ведерочко. Репка на ём желтая была, большая, а дед в красной рубаше с белыми кружками...

— Анна Петровна, — перебил ее Алексей, — поймите: такие подробности излишни. Мы должны еще в соседнюю с вашей деревню заехать, у нас мало времени. Вы, значит, шли за водой. Олег, тормозни пока. Шли за водой, и что?

— Шли с мамой. И вот гляжу я с горки: «Мама, — маме говорю своей, — вон собачки бегут». «Якие собачки?» А то ж не собачки, то немцы на мотоциклах едут.

Алексей сделал напарнику знак продолжить запись и проговорил бодро в сторону микрофона:

— Итак, в сорок первом году немцы вошли в вашу деревню. Много ли их было?

— Не знаю уж я, сколько их там было, а только мама моя, как тое увидала, то уж так мою руку сдавила, так сдавила, что я заплакала и ведерочко свое кинула. И мама со мною побегла в деревню. А в деревне — ой, что там творилось! — крик, гвалт! Женщины кричат, коровы ревут... Бо немцы коров сгоняют с хлевов и коров тех режут. И свиней, и курей режут, и овец тянут. И нашу овечку, Лелю... такая была тихая, смиренная... немец сапогом толкает. Я как закричу: «Леля! Леля!»

Рассказ прервало громкое мяуканье. Из-за зеленой шторы, закрывающей вход в соседнюю комнату, показалась худая рыжеватая, с белой мордочкой кошка.

Анна Петровна озабоченно привстала:

— Марфуша, сейчас я. Молочка тебе сейчас... Котятки у ней, — доверительно пояснила она гостям. — Кормит она. Так что только подливай того молока, только подливай! Котятки у ней рыженькие — такие, как их мама. Поди сюда, Марфуша.

Алексей повернулся к напарнику, досадливо морщась. Тот нажал на кнопку паузы и отвел в сторону ноги, давая животному проход.

— Анна Петровна, — проговорил молодой холодноватым тоном, — кошка подождет. Давайте уже с нами закончим, и мы поедem. И там уж кормите ваших кошек и что хотите. Вы остановились на том, как немцы резали скот. — И он опять кивнул помощнику.

— Ой, сколько той скотины порезали! — покачала теть Аня своей маленькой головой в платке. — Не дай боже! Как уже они мычали, бедные тые коровы! А что там дальше было, я не знаю. Жили и жили, пока не запалили немцы деревню. Это я хорошо помню, как дома горели. А люди в кустах, в лесу лежали, плакали. Женщины, старики плакали, как деревня горела. И мы, дети, тоже плакали, только нас, детей, лицом в землю клали, вот так, — теть Аня ткнулась носом в свою морщинистую ладонь. — Чтобы слышно не было. Чтoб немцы за нами не пришли.

Анна Петровна умолкла, видимо, считая, что рассказывать больше нечего, или попросту задумалась.

— Ну, а дальше? — напомнил о себе Алексей и официальным тоном продекламировал: — Значит, немцы сожгли вашу деревню. И куда вы после этого? К партизанам подались?

— Какие там партизаны? — усмехнулась старушка. — Где тые партизаны? Некуды идти. Тольки в лес. Скитались в лесу, прятались, пока нас не поймали. А что там нас поймать? В деревню сгорелую ходили. Мама ходила, Миша ходив, брат старший, чтоб картоху какую найти, принести нам поесть. У мамы горох был закопанный — гороху того достать. По жменьке... дасть по жменьке горошку того — поедим и всё. Сухого, не вбренного. Вот так. А зима ж, холод! А что на мене было одетое? Платице, помню, зеленое такое, вытканое, шерстяное — в нем ходила. Мама платок свой на меня намотала. «Птушка моя», — так она говорила про меня. А что на ногах было — не помню.

— Не так это важно, Анна Петровна. Вы ближе к событиям. Схватили вас в конце концов?

— А что там было нас схватить? Зима ж, следы... в деревню ходили, — повторила старуха. — По следам по тем и нашли нас. И — в кабалу. За деревней на горке — там дом большой

стоял, сарай, не сгоревший. В одной половине кони стояли, а в другой кабала была — беженцы сидели, пленные и такие, как мы. И никто не знал ничего. Что с нами сделают — никто не знал. Один старик беззубый крестился все и крестик свой целовал. Не помню, что мы и ели. Может, давали якую корочку. Ну.. А потом машины туды подошли. И нас на машины те поскидали. Ребят через борт, як дрова, кидали. Попадешь на ноги ли, на руки — попадешь, а ударишься — значить, ударишься. Кто там жалел?

— Анна Петровна, а партизаны в вашем районе действовали? Велись ли бои? Перестрелки?

— Не знаю я, милоч, — вздохнула тетя Аня виновато. — Что я там видела? Может, и действовали где, да нас угнали, в Латвию увезли.

Опять послышалось настойчивое мяуканье. С воздетым, как антенна, хвостом кошка толкалась у входной двери.

— Погоди, Марфуша, выпущу тебя, — поднялась со стула тетя Аня, горбясь и опираясь о стол. — Иди, кошка, погуляй. Погуляй, моя хорошая. Потом я тебя покормлю, не плачь. — Она отворила дверь и прошаркала по веранде вслед за кошкой. — Толика жду, сына, — дошел с веранды ее голос. — С дочкой приедет сегодня, внученькой моей. Жду-жду, а все нет их. Может, случившись чего.

— Перекур, — буркнул напарнику Алексей. Он тоже встал и прошелся по комнате. — Анна Петровна, — обратился он к хозяйке, когда та вновь присела к столу. — Пожалуйста, постарайтесь — вспомните что-нибудь такое... яркое, интересное. Или в плену, или при вашем освобождении. Что-нибудь этакое!

— Что там интересного? — склонила голову старушка. — В Латвии у помещиков жили, в сарайчике. Мама в поле целый день, и Миша так само. Мы с Петей кур кормили, поросят. Петя был тихий такой, молчал все. А Леня-маленький еще раньше, в кабале когда сидели, там умер. А как уже освободили нас да повезли домой... в вагонах, где ни окошечка тебе, ни свету, то и Петя заболевший был, дизентерией. На станции его забрали от нас, — старая женщина заморгала и вытерла кончиком платка нос.

В эту минуту заиграла веселенькая мелодия. Алексей вытащил из кармана телефон.

— Да! — сердито рыкнул он в трубку. — Работаем. ... Непонятно пока. Ну, на трехминутку, думаю, что-нибудь нарежем. Всё, пока.

Какое-то время все трое молчали. Старушка рассматривала потертую клеенку.

— Ну что, всё на этом? — проговорил молодой. — Записал?

— Ты же сказал притормозить, — равнодушно посмотрел на него старший по возрасту. — Последнего фрагмента нет.

— Ну ты как первый раз замужем, Олег. Мог бы сообразить. С какого места? Анна Петровна, вы уж извините нас, но не могли бы вы повторить ваш рассказ с того момента, как вас увезли за границу? Там ведь немного.

— Устала я, — промолвила старушка как будто в пространство. — Выдохлась. А тут гости: Толик приедет с дочкой — надо в хате прибрать, суп сготовить... Что я там помню? — с запозданием откликнулась она на вопрос. — Я ж маленькая была. Ведерочко с репкой запомнилось. Одно тое ведерочко у меня и было. А ныне — слава богу! У внучки моей, Танюши — ой, сколько у ней игрушек! — каких хочешь. Приедут сегодня... Толик мой приедет... — Старуха утерла глаза платком, потянув его с головы.

— Ладно, — поднялся решительно Алексей. — Спасибо и на том. Поехали мы дальше. — Он сунул напарнику блокнот и направился к двери.

Поднялся и Олег и, замешкавшись, поглядел смущенно на сгорбленную старушечью спину в потертой душегрейке.

— Да вы не переживайте, Анна Петровна, — ободряюще произнес он, вешая на плечо сумку. — Что переживать? Приедут ваши, никуда не денутся. — И он поспешил за своим молодым начальником.

Слышно было, как хлопнула дверь веранды и как, уже под окошком, молодой сказал напарнику:

— Пустой звук. Зря только время профукали.

Завелась и торопливо отъехала машина. И вновь сомкнулась плотная деревенская тишина.

Вечернее солнце осторожно заглянуло в оконце: как там? — скользнуло по склянкам и коробочкам, по белесой клеенке и, поколебавшись, коснулось, наконец, сухой старческой руки.

Однако тетя Аня не заметила этого теплого сочувственного прикосновения. Она сидела неподвижно, подперев кулаком голову и не слыша жалобного мяуканья за дверью голодной кошки.

НАШ ДРУГ ДЯДЯ МАГДЕР

1

Подружились мы так. Он зашел к нам в нашу укромную избенку, прошел, разувшись, в единственную комнату, где мы с женой сидели за утренним чаем, и поставил на стол литровую банку тепло и таинственно мерцающего меда.

— Гостите в деревне и то-другое, а чай без меда. Дак эту.. Вот вам свежий.

Марина открыла банку, наклонилась над ней и понюхала:

— М-м-м, какой душистый!

— Спасибо, конечно. Сколько мы вам за него должны? — полез я в сумку за бумажником.

— Ай! — отмахнулся он, морщась. — Это ж угощение. Я всех в деревне угощаю, как эту самую... как мед откачиваю.

— Тогда давайте вместе чай пить. Присаживайтесь.

Он сел со вздохом, снял и положил на подлокотник кресла выгоревшую кепку, обнажив залысины — поляны среди редкой поросли.

— Может, вам кофе сделать, Михаил Левонич? — предложила Марина.

— Ай! — снова отмахнулся он и, лукаво блеснув в мою сторону озёрно-голубыми глазками, прибавил: — Разве чего-нибудь посущественнее...

Понимающе кивнув, я извлек из буфета бутылку настойки домашнего изготовления.

— Как у Лескова: рукодельная от сорока недугов, — потряс я бутылку, набитую травами. — Что ж, выпьем по рюмочке стомаха ради.

— Стоп-стоп! — запротестовал он. — Только тридцать грамм: микродоза, для сосудов. А какая пяку-учая! — прокричал он, выпив. — Ну дубре, отдыхайте. Спасибо за угощение, пойду. — И, шаркая башмаками, ушел.

Надо сказать, что приехали мы в эту белорусскую деревню, где покойная теща проводила каждое лето, именно отдохнуть — забыть на время отпуска город, коллег, неотвязчивый экран монитора.

— Главное, — заявил я перед выездом, — чтобы никаких грядок, косьбы и починок дома. Гуляем, любимся природой, купаемся в озере. И только.

Но, как вскоре стало ясно, поставив на стол нам банку меда, дядя Магдер тем самым поставил крест на наших приятно-ленивых планах.

На другой день после дегустации настойки в девять утра раздался стук в дверь. На пороге стоял дядя Магдер, поджарый, бодрый, как видно, успевший уже переделать уйму дел.

— Чем занимаетесь? Только завтракать собрались? Ай-ай-ай! — произнес он нараспев это свое «ай-ай-ай». — Я что зашел... Эту самую... Заглянули бы вы ко мне ненадолго. Я как раз грядку с клубникой чищу — взяли бы усов. Разведете у себя клубнику и то-другое. А то как же это: приезжать в

деревню и ничего на земле не высаживать! А это ж такая ягода!.. Надо тебе, Максим, подготовить грядку. Срочно.

— Михаил Леонович, да купим мы клубники на рынке, если приспичит! — Я ощутил угрозу нашему безмятежному отпуску.

— Ай! Что вы там купите? Дуроту́ эту мятую, на химии выращенную. А это ж своя, своими руками!.. Это ж такая красота!

— Нетронутый участок — вот красота, — упорствовал я.

— Да, и участок ваш не худо бы выкосить, — по-своему воспринял мои слова гость.

— Может, и вправду посадим? — дрогнула первой Марина.

— А кто тут без нас будет за ней следить? — нашел я подходящий аргумент.

— Что там следить? Подрыхлить весной — это я и без вас сделаю, — пообещал дядя Магдер. — И к следующему лету будет вам ягода, своя. В общем, приходите, я вас жду.

И вот я расчищаю от буйной травы пятачок, выковыриваю лопатой куски дерна с чудовищным переплетением корней — словом, *готовлю грядку*.

«Только никаких грядок! — передразниваю я себя же. — Вот чертов старик!»

2

В деревне дядю Магдера единственного величают по имени-отчеству — Михаил Леонович, по-здешнему — Левонич. Другие — кто Петька, кто Сергей, кто баба Стася. И мы обращались к нему так же, по имени-отчеству. Однако между собой полшутя прозвали его дядя Магдер. Магдер — это его фамилия, не слишком типичная для белорусов.

Михаил Леонович, как скоро я понял, безусловный местный авторитет. Его мнение — это автоматически мнение всей деревни. Впрочем, «вся деревня» состоит из шести домов, да и те прячутся друг от друга в зеленой гуще черемухи, боярышника, яблонь и разросшейся повсюду одичавшей сливы. Так вот, если Михаил Леонович, к примеру, посчитал, что из-за сухого лета воду в колодцах надо экономить, то все начинают экономить, поливать огороды через день. Если он взялся окучивать картошку, то и другие спешат окучивать свою.

Михаил Леонович одинок: жена его умерла давно, а единственный сын погиб в автоаварии несколько лет назад.

Несмотря на свои семьдесят два года, дядя Магдер от-

личается поразительной, я бы даже сказал, сверхчеловеческой активностью. В этом отношении он легко заткнет за пояс многих молодых, особенно городских — таких, как мы с Мариной, привыкших к сидячей офисной работе и к сидячему образу жизни в целом.

Скрыться от его активности оказалось делом безнадежным. Особенно после того, как я по наивности дал ему номер своего мобильного телефона.

И вот он уже звонит:

— Привет. Вы дома? Вот хорошо. Оно вот что... эту самую... Пусть бы Марина забежала ко мне, буквально на пять минут — цветов нарежет, мордовника, пока он не отцвел. А так она его засушит, и будут они у вас всю зиму в квартире... украшать.

— Михаил Леонович, — не мог я скрыть недовольства. — Давайте она завтра зайдет. Мы в лес собрались, некогда нам.

— Ай! Завтра будет поздно и то-другое. Срочно нужно! Это же пять минут!

И вот, дабы уважить старика, Марина топает в дальний край Ельников за каким-то там абсолютно нам не нужным мордовником, представляющим собой, как оказалось, серые шарики-колочки на палочках.

Вскоре после мордовника и клубники, так же рано утром — очередной звонок.

— Только встали?! Ай-ай-ай! Ко-шмар! Солнце вон уже где! В общем, приходите с Мариной, прямо сейчас — соберете вишню, сварите эту самую... варенье чи компот. Ну и мне баночку сделаете заодно. Только не тяните. Я жду!

Оторвавшись на секунду от трубки, я делаю жене страшные гримасы, скалю зубы и исторгаю беззвучные ругательства. Мы только приготовились неспешно, в деревенской тиши и безмятежности вкусить чайку у отворенного в сад окошка.

— Может, все-таки попозже, Михаил Леонович? — бормочу я без всякой надежды. — Часика через два?

— Нет, потом я буду занят другим — пчелами, крыльцо вон подправить надо и то-другое.

Предложение вообще-то заманчивое: сварить на зиму варенье из домашней вишни. Да и здесь, в деревне, приятно будет у открытого окошка, под пение птиц пить чай с вишневым вареньем.

Делать нечего: идем. Жена, в косынке и найденной в шкафу линялой кофте, вполне сошла бы за деревенскую бабу. На мне несуразный широкий пиджак из того же шкафа, стойко пахнувший мышами. По дороге я дурачусь, пародируя себя и

дядю Магдера. Тоненько и заискивающе: «Дядя Магдер-дядя Магдер, можно мы придем собирать вишню завтра?» И суровым басом, отнюдь не свойственным дяде Магдеру: «Нет! Завтра будете собирать сливу. И горох».

3

Худой и жилистый, загорелый до цвета древесной коры, в кепочке-блинчике, дядя Магдер уже поджидает нас с пластиковым ведерком. Ведро вручает Марине, а меня ведет за дом, где вдоль стены лежит в бурьяне длинная деревянная лестница.

По участку хаотично расставлены домики ульев, между которыми приходится лавировать с лестницей, а в воздухе по всем направлениям шныряют с деловым гудением пчелы.

— Они нас не покусают? — опасно озирается Марина.

— Не должны, — говорит дядя Магдер не совсем твердо. — Сейчас они ничего, мирные, а вот днем, когда спякота, бывают злые. Но если какая и укусит — так это ж только на пользу здоровью.

Быть покусанными, даже ради здоровья, как-то не хочется.

Прилаживаем лестницу, и вот я уже копошусь в лохматой, спутанной кроне вишневого дерева, покачиваюсь в порывах ветра вместе с этой кроной и с лестницей. Одной рукой я держусь за ветки, весьма ненадежные, другой тянусь в разные стороны за рубиновыми ягодами, которых больше всего там, куда мне не дотянуться. К поясу у меня подвязано ведро. Солнце слепит глаза, а вокруг моей головы кружат с сердитым жужжанием две или три пчелы. Похоже, они не намерены ждть дневной «спякоты», когда им полагается быть злыми.

Марина внизу придерживает лестницу. Сам же дядя Магдер следит за процессом и подбадривает нас разговорами.

— Вишни народилось в этом году — ай-ай-ай! — доносится снизу его певучий белорусский говорок. — Одним словом — перепроизводство. Но если не поспешить — ничего не останется, всё птицы склюют эту самую... Ты ж видишь, сколько поклеванных. Тут такое: кто быстрее — или мы, или они. А мне за всем не управиться. Вон и подставки под ульями надо менять, и участок обкашивать, и то-другое... В общем, завал! Полный завал!

Идемте за мной, — командует Михаил Леонович, после того как мы с горкой наполнили ягодой ведро. — С вишней закончим: надо же и птичкам кое-что оставить. А я вам сей-

час огурцов дам и вон эту... луку с укропом. Вот рвите в этом рядке.

Мы принимаемся скромно ошипывать хвостики с рослого, почти мне по колени, пахучего укропа.

— Да что вы с ним возитесь?! — нетерпеливо восклицает дядя Магдер и за пять секунд надирает огромный пук, целый сноп укропа вместе с корнями и остатками земли. — Вот! — вручает он мне этот неэстетичный букет. — Надоел укроп этот; по всему огороду рассеялся — ужас!

Затем он с гордостью показывает нам виноград.

— Это изабелла, абы что. А вот это культурный, белый, на вино.

Пронизанные солнцем изумрудные листья и зеленые детеныши-гроздочки как будто ярче начинают сиять от внимания хозяина.

— У меня же все по науке, — сияет и хозяин. — Я же специальные журналы выписываю и то-другое. Всё не абы как. У кого еще тут виноград растет? Или вот эта... спаржа? Ни у кого. Пчеловоды из Грядина приезжают, из Дворовичей, я их консультирую, учу уму-разуму. Пойдемте, посмотрите яблоньки молодые. Ай, какая прелесть!

Идем смотреть яблоньки.

— Полюбуйтесь: второй год всего, а уже яблоки на них! Это ж чудо! А вот груши. Я дички привил, а в эту весну пересадил. Я тут всем попрививал — и в нашей деревне, и в соседних.

— Дедушка Мичурин может спать спокойно, — вяло острою я.

Битый час бродим мы за дядей Магдером по его усадьбе и думаем о том, как бы улизнуть домой — к отворенному окошку и чаю.

— Надо бы его стреножить, — шепчу я Марине на ухо.

— А вот поглядите, как фацелия цветет! — восклицает хозяин в азарте. — Ай-ай! Красота!

— Что за Фацелия? — интересуюсь я из вежливости. — Не пришвинская ли героиня?

— Ну как! — изумляется он моей неграмотности. — Это же известнейший медонос! А запах! Вы только понюхайте!

Нюхаем фацелию, пахнущую почему-то пылью и похожую на сорняк.

— Мне ж, понимаешь, не так важно, чтобы всего тамросло, — толкует нам земледелец. — Главное — чтобы душе радость, чтобы культура. Я люблю, чтобы все было культурно, чтобы порядок и то-другое.

Участок, надо признать, и впрямь производил приятное впечатление своей ухоженностью: вот маленький «ставок»

(водоемчик) с выкошенными берегами и чистыми мостками, перед ним — грядки с зелеными хвостами лука, укропа, моркови, у дома — пышные кусты смородины и высокие старые яблони, парники с огурцами и помидорами; поодаль — ряды вишневых деревьев, группы ульев, напоминающие африканские деревушки в миниатюре.

— Михаил Леонович, но это же прорва овощей и фруктов! Куда вам столько одному? — вырвалось у меня — Это же и вдесятером не съесть.

— Куда мне столько? — повторил он за мной. — Куда... Конечно, мне одному столько не надо. Но, с другой стороны... эту самую... гости приезжают, надо ж угостить. Лиле, невестке, отвезти, вас вот попотчевать. Привык я людей угощать. А то как же? И потом: шевелиться ж надо. Если б я ничего не делал, сидел в квартире своей в Витебске, я б давно загнулся. А так — слава Богу!..

4

— Сейчас зайдем в дом — выпьем морсу, — подвел нас дядя Магдер к крыльцу.

— Спасибо, Михаил Леонович, но нам пора, — остановился я у ступенек.

— Нет-нет, зайдите! — требовал хозяин. — Вы у меня еще не были, посмотрите...

— Как?! Вчера заходили, — напомнил я, топчась на месте и с досадой глядя на распахнутую дверь.

— Говорю же: заходите! — не слушал он меня и настойчиво подталкивал Марину. — Вот, проходите, садитесь. Морсу вам сейчас и то-другое... А потом эту самую... медовуху попробуйте. Ай-ай! Получилась — ультра! Вы такой не пробовали.

Покряхтывая, хозяин тут же лезет в подпол. Слышно, как он там чем-то звякает, что-то переливает.

Сидя в неловких позах на стареньком диванчике у стола, мы от нечего делать озираемся. Дом у Михаила Леоновича крепкий, с высокими потолками и большими окнами, каких нет ни у кого в деревне. Но все же чувствуется отсутствие женщины: стол заляпан, никаких украшений, безделушек, картинок на стенах. Только на полке шкафчика, в рамке, фотография немолодой серьезной женщины, надо думать покойной жены. Вместо занавесок низ окна прикрывает снаружи куст боярышника с бледно-розовыми незрелыми плодами. Пахнет сушеными травами и медом.

— Это ж чудо, а не напиток! — появляется из подпола дядя Магдер, с торжественным лицом, бережно держа в руках лит-

ровую банку, наполненную желтоватой мутной жидкостью.

— Извините, Михаил Леонович, но я не буду, — предупреждаю я. — Марина как хочет, а я с утра не привык. Я с утра обычно чай пью или кофе...

Но хозяин уже наливает в плохо вымытые, с разводами, стаканы хваленую медовуху.

— Михаил Леонович, мне, пожалуйста, не наливайте, — хмуро твержу я.

— Ай! — отмахивается тот. — Попробовать же надо, иначе это... неуважение к хозяину и то-другое. Обидите.

Озадаченно переглядываемся с женой. Я обреченно вздыхаю и беру стакан.

Вопреки моим опасениям, напиток оказывается довольно приятным — холодным и душистым, хотя и чересчур приторным, на мой вкус. Сам дядя Магдер, махом осушив стакан, откидывается на спинку стула. Загорелое лицо его разглаживается от морщин, глаза сладко щурятся. Чувствуется, что это его любимое питьё.

— Это ж такая польза! — восклицает он после минутной нирваны. — Пчелки собирали. Это тебе не абы что: тут и мед, и перга, и пыльца. Где вы такое попробуете? И эту самую... запах какой! Ай-ай-ай! У меня ж всё по правилам, культурно: никаких дрожжей, только винные, микродоза. А то, бывает, дам рамок с сотами этим своим друзьям-охотникам, дак они дрожжей туда обычных кинут — не медовуха, а брага выходит. Вы, говорю им, продукт... ценный продукт переводите. Какая же это медовуха? Это ж дурота! «А мы ее на самогон перегоним, — говорят. — Самогон тоже ценный продукт».

— Ну, это варварство! — искренне возмущаюсь я, уже испытывая оглуляющее действие «ценного продукта». — Сотовый мед на самогон! Я бы на вашем месте не давал.

— Как не дашь? Друзья ведь, вместе зимой охотимся. У меня же к осени рамок этих — завал! Я уж тогда видеть их не могу, эти рамки с медом вместе.

— А чи пробовали вы холодник? — С этими словами дядя Магдер снова выплывает из подпола с наполненной банкой.

— О нет! — привстаю я, намереваясь уходить. — Никакой больше медовухи и никаких холодников!

— Ай! Да не буду я вас им угощать, бо сам еще не делал. Но вы обязательно должны попробовать. Это же такая вещь — холодник! Особенно сейчас, в спякоту. Ай-ай-ай! Чи есть у вас свекла?

— Есть, Михаил Леонович, — спешит заверить его Марина, опасаясь получить куль свеклы.

— Добре. Дак это... Огурцов я вам дал, укропа... Всё есть, все ингредиенты, как говорится. Марина! — И он требовательно смотрит на мою жену.

— Да-да, Михаил Левоныч, — послушно кивает та, потряхивая кудряшками. — Сделаю обязательно.

— А как делать, ты знаешь? Сейчас я этот... рецепт принесу, запишешь.

— Не надо, не надо! — дружно отмахиваемся мы. — Есть у нас где-то рецепт.

Зайдя к нам через день, дядя Магдер, словно начальник, выдавший накануне задание, справляется:

— Ну что, сделала Марина холодник?

— Еще нет, но собираюсь, — смущенно оправдывается жена.

— Ай-ай-ай! — досадливо морщится он. — Это ж такое блюдо! Вы все-таки в Белоруссии сейчас, а это национальное белорусское кушанье.

— «Дядя Магдер-дядя Магдер, — просительным голосом пародирую я себя после ухода Михаила Леоновича, — можно мы не будем делать холодник?» — «Не-ет! Обязательно! Никаких возражений! Вы в Беларуси и должны каждый день есть холодник и драники». «А можно нам иногда кашки?» — «Не-е-ет! Забудьте эту дуроту! Только холодник!».

Мы с женой смеемся и, разумеется, не собираемся возиться ни с какими холодниками. Однако, зайдя к дяде Магдеру с банкой вишневого варенья (которое Марина, увы, немножко переварила), мы неизбежно, несмотря на наши протесты, оказываемся за столом.

— Буду вас холодником угощать! — торжественно объявляет неумный старик. — Сами вы никогда не сделаете, я вижу. Ай! — пренебрежительно машет он на нас рукой.

— Михаил Леонович, — серьезно обращаюсь я к хозяйну. — Не обижайтесь, пожалуйста, но я не буду. Я только что позавтракал, ничего уже не хочу. Живот не примет, он у меня капризный.

— Холодник примет. Это же... ай! Все натуральное: свекла, картошка, огурчики — все свое. Квасу я только немного долил и кефиру.

— Еще и квасу! — ужасаюсь я.

— Да ты ж попробуй!

В общем, понятно, что не отстанет.

— Ладно, — сдаюсь я. — Но мне, пожалуйста, каплю, только чтобы попробовать. Две ложки.

В результате сидим перед большими алюминиевыми мисками и — хочешь не хочешь — хлебаем холодную лиловую жижу со скользкими кусками картошки, огурцов и крошечным укропом. Да здравствует белорусская кухня!

— Сейчас доедим холодник, — бодро объявляет дядя Магдер, — и пойдем с тобой, Максим, тмин собирать. Надо срочно его собрать, пока не скосили эти самые... комбайны. А это ж такое... Тмин! Это ж такой аромат! В любое блюдо — хоть тебе в драники, хоть просто в картошку.

5

День у дяди Магдера проходит в непрерывных хлопотах. Если он идет по деревне, то идет он не просто так, а целенаправленно, по конкретному делу; при этом голова его на тонкой шее при каждом шаге подается вперед, как у большой, озабоченной, хотя и тощей птицы.

Однажды прибегает к нам, весь всклокоченный, даже как будто в ужасе.

— Ну что вы тут?!!

— А что? — не понимаю я.

— Как — что?! Мы тут сидим, эту самую... ничего не видим, не делаем, а там... страшно всё!

— Да что стряслось, Михаил Леонович?

— Люди из Грядина, из Дворовичей в прошлые выходные, рассказывают, по десять-двенадцать ведер черники набрали! Ужас!

— И что? — снова не понимаю я.

— «Что»... А то, что собираться надо и идти. Если еще что-то осталось. Срочно! Вы тут мест не знаете, я вас проведу.

— Да не нужна нам черника, Михаил Леонович! — восклицаю я. — И вообще, ягоды собирать для меня — сущее наказание. Не люблю я это дело. И чернику эту кислую не люблю.

— Да это ж... Это ж такая ягода! — Теперь он не понимает меня. — Полезная. Для зрения. А зимой? Достанешь ее из морозилки, с молоком натолчешь — это ж ультра! А скоро еще клюква пойдет. Вы уже не застанете, а это ж такое удовольствие — собирать ее! Когда у меня это самое... упадок настроения, я уже знаю: мне надо на болотó. За клюквой. Там болотó... вы же не были, не знаете — края не видно. И такая там тишина! Райская. Спокойствие полное. Я, бывает, пособираю, пособираю да и вздремну даже. Там же ж воздух — стерильный. Найдешь где место посуше, на острове... ну, там я и вздремну. Помню, с матерью, помяни Господи, так же

было. Насобираем. Она: «Сынок, устал, поляжи». Вот я и прилягу. А потом вынесем эту самую... ягоду эту — ведро и мешок — сюда вот на берег; вечером отец приезжал на коне, забирал нас. И тогда я это любил, и сейчас.

«Слава богу, — порадовался я, — клюквы мы не застанем, а то пришлось бы на болото переться. Да еще и возлегать там во мху».

Вот что однозначно нравилось мне в дяде Магдере — так это его способность, несмотря на вечную занятость, видеть и ценить окружающую красоту.

Обычно деревенские жители эту красоту природы не замечают: не до нее. Дядя же Магдер, даже усталый, озабоченный, не упускал случая восхититься:

— Какое сегодня солнце! Ай-ай! Ласковое с утра, мягкое, в каждой росинке играет. А воздух? Где вы еще таким воздухом насладитесь? Тут же ж столько цветов, трав! Марина, чувствуешь?

— Да, — кивает моя жена, старательно вдыхая всей грудью.

Как раз в это время мимо проезжает трактор с прицепом, нагруженным старым перепревшим силосом, и нас обдает запахом перекишшего кваса и навоза примерно в равных пропорциях.

— Вы поглядите, какие облака! — восклицает наш друг в следующий раз. — Не облака — блюда! Ну не чудо ли?

Подняв глаза к небу, я вижу там множество сизо-голубых с белой каймой овалов. Они висят над землей на одной высоте, точно армада летающих тарелок. Сам я, пожалуй, не обратил бы на них внимания.

Где-то Михаил Леонович, вероятно, вычитал, что для глаз полезно смотреть на низкое солнце. Прогуливаясь по вечерам, мы с Мариной несколько раз примечали на выкошенном лугу за яблонями его тощую сутулую фигуру, с неподвижностью изваяния обращенную к западу. А оттуда, столь же оцепенело, глядело на него сквозь ветки круглое солнце, наверное, возмнившее, что и ему, в свою очередь, полезно смотреть на дядю Магдера. И думаю, за всю историю Ельников в них не было человека, который делал бы по утрам зарядку. Так что и тут дядя Магдер выходил оригиналом.

В общем, всякий раз дядя Магдер открывал нам что-то новое в окружающем нас мире или в себе самом.

Как-то Марина пожаловалась ему, что у нас перестала «фурычить» электрическая плитка. Признаться, в электрике, и вообще в разных там приборах я смыслю мало. Да и

смыслить, честно говоря, не стремлюсь: есть для этого мастерские. Михаил же Леонович плитку забрал и в тот же день вернул вполне «фурычащей».

— А что ты думаешь? — с заметной гордостью отвечал он на Маринины благодарности и удивление. — Я ж по электричеству этому специалист: я ж ЛЭТИ заканчивал. Ай! Как вспомню этот Питер: холод и холод! Но не в этом дело. Мы ж по всей Белоруссии электричество тянули. Программа была: «Первичная электрификация белорусского села». Я как в шестьдесят четвертом выпустился, так до пенсии этим и занимался. Поначалу — ай! Техники никакой, специалистов — два три человека. Всего лишь! И вот вручную капаем яму, баграми столб ставим. Что ты думаешь? А потом еще на этот столб на «когтях» раза три забраться надо — крюки ввернуть, на них — изоляторы, а на изоляторы провода заплести. Во как!

— Еще анекдот такой есть, — вспомнил я. — Анекдот-загадка: с когтями, но не птица, летит и матерится. Это электрик со столба упал.

Дядю Магдера мой анекдот не рассмешил.

— А электричество меня всегда интересовало, — продолжал он серьезно. — Потому я после армии и пошел в эту самую... в ЛЭТИ — Ленинградский электротехнический. Оно же, электричество, это что-то новое было, неизвестное. Это сейчас оно всюду. А тогда, когда я в Шмелёве в школу ходил... — мы же в Шмелёве сначала жили, до войны, — тогда какое электричество? Уходишь потемну, приходишь потемну. Хорошо, если гильза какая немецкая есть. В нее керосину мать нальет, веревочку вставит — вот тебе, сынку, фитиль. Вот и готовишь уроки при такой иллюминации. Поэтому я... Я вообще человек технический, со всякой техникой люблю разбираться и то-другое. Принесли мне вот недавно машинку, «Веритас». Не работает. Я день с ней посидел — без инструкции, без ничего — и готово, забирай. Эти удивляются: как ты? Как-как... Руки, голова тебе на что?

В общем, — подвел я итог, — пора исправить известную поговорку «Дело мастера боится». Теперь надо говорить: «Дело Магдера боится».

6

Раза два я помогал дяде Магдеру управляться с его пчеловодческим хозяйством. Обряженные в широкие шляпы с сетками, с дымарем, пыхающим, точно злостный курильщик, мы переставляли с места на место деревянные домики-ящики, хотя, правду сказать, какого-то смысла в этих переме-

шениях я не уловил. Под некоторыми из них мы выравнивали или меняли подкладки — короткие бревнышки или старые автомобильные шины.

Прежде я и предположить не мог, что ульи такие тяжелые.

— А что ты думаешь! — вскричал Михаил Леонович из-под сетки. — В них же мед! Да и сами пчелы. Их же там тысячи! Миллионы!

Дело происходило вечером, присмирившее солнце садилось за соседними садами, прохладная тень покрыла ульи, и все их обитатели уже сидели дома — *почивали*, как ласково сказал про них дядя Магдер.

— Михаил Леонович, — спросил я неосторожно, — вы где-то учились пчеловодству или постигали сами? Отец ваш, Марина говорит, тоже держал пасеку.

— И отец, и деды, — не без гордости отвечал потомственный пасечник, дымом загоняя обратно потревоженных и выползавших наружу обитателей улья. — Отцу я часто помогал и постигал заодно эту... весь этот процесс. А вдобавок читал литературу, и сейчас читаю. А специально не обучался, всё больше на практике. И вот видишь: кое-что получается: всех знакомых медом обеспечиваю и то-другое. Но, знаешь, я тебе скажу: это столько требует труда! Ай-ай-ай! Вот опять скоро «магазины» надо снимать, мед откачивать. Потом — в начале осени — надо все семьи просматривать, сокращать и эту... лекарство им ставить в каждый улей. Потом...

— Понятно, дело непростое, — попробовал я остановить поток ненужной мне информации. — Ну что, если закончили, предлагаю зайти к нам, чаю попить.

Однако дядя Магдер уже сел на своего конька.

— На зиму им сироп надо варить, — упорно продолжал он. — Им же один мед плохо давать, поэтому сахарный сироп добавляют. И вот каждый день в сентябре я варю им по десять-двенадцать литров сиропа. Каждый день! — (Мы поправили последний улей.) — А еще надо воск топить, ехать сдавать его...

— Ну что, пойдём? — нетерпеливо спросил я.

Дядя Магдер откинул с лица сетку, тщательно вытряс из дымаря остатки тлеющих гнилушек и повернулся ко мне.

— С конца мая до начала июня они обычно роятся, — сказал он. — То есть выходят рои, нельзя прозевать: сиди и следи. Целый день. В общем, ай! Одни заботы с ними.

Когда же мы, знатный пчеловод и его подмастерье, сели наконец к столу, разговор опять зашел о пчелах.

— Михаил Левонич, мне вот что непонятно, — спросила у гостя Марина. — Как пчелы носят нектар? Не на лапках же. У них что, есть какой-то резервуар?

Дядя Магдер, к этому моменту уже принявший микродозу настойки и пребывающий в благостном покое, тотчас же встрепенулся и даже шею вытянул, как птица из гнезда.

— Зобик! — провозгласил он радостно. — У них для этого специальный зобик имеется. А чтобы нектар доставать из цветка — этот самый... хоботок, который, когда надо, раскручивается, а так он скрученный. Это у рабочей пчелы, а вот, например, у матки пчелиной всё по-другому устроено.

— Матка, я слышала, вообще никуда не летает.

— Ну, это зависит... В основном она, конечно, сидит в улье и яички кладет. Но когда приходит время роиться, тогда матка прекращает эту самую... яички нести, и матку эту уже пчелы перестают кормить... а так они ее всё время кормят, сама она не кормится. И вот тогда она теряет вес и способна уже летать. И вот рой отделяется и вылетает с этой маткой, а оставшиеся пчелы остаются без матки.

— А как же яйца? — расстроился я. — Кто же будет яйца нести?

— Матка улетает, но там в улье до десятка, может и двух десятков маточников, — дядя Магдер выдержал паузу, чтобы мы прониклись этим фактом. — С них, с этих маточников, выходят новые матки, и получают уже молодые матки.

— А из них пчелы выбирают одну, — высказала догадку Марина.

— Если не предпринять никаких... то с молодой маткой выходит второй рой, а потом может и третий. А те, что останутся, матки, одна из них, самая сильная, побеждает других — убивает.

— Ничего себе! Серьезно как. — Марина и сама посерьезнела и распрямила спину.

— Вот так вот, — выпятил я губу, как будто это я объяснял ей тайны пчелиной жизни. — Законы природы безжалостны.

— Это всё непросто, — Михаил Леонович отхлебнул уже остывшего чая. — Рой, значит, вылетает, со старой маткой. А после этого, на четвертый или пятый день, выходит уже молодая матка. Ей надо тоже дней пять, чтобы прийти в себя. Покормили ее пчелки, и вот она вылетает на оплодотворение.

— Так быстро? — удивилась Марина. — И кто же ее оплодотворяет?

— Оплодотворяют ее трутни. После того как молодая матка вышла, она вылетает. Два-три раза. Всего лишь! С улья. Два-три раза. А больше она не вылетает.

— И за это время ее должны оплодотворить, — показал я, что слежу за рассказом.

— Да. И вот они вылетают следом, трутни эти, с семи или восьми ульев. Надо именно, чтобы из других ульев были трутни, тогда получается, по генетике... эту..

— Здоровое потомство, — подсказал я.

— Вылетают. И на лету они ее оплодотворяют. В воздухе! — дядя Магдер повел глазами на меня, затем на Марину. — Он с маткой спаривается и поднимается на двадцать-тридцать метров. Во как! И оба они падают. И трутень уже свой этот самый... оставляет у нее, и он — всё, помирает.

— Ого! — изумился я. — Круто! Хорошо, что у людей не так.

Михаил Леонович на мою шутку не отреагировал.

— После этого она снова взлетает. И после этого еще семь-восемь трутней эту самую... Чем больше, тем лучше, тогда у нее больше будет этих... яичек. Вот так она делает. То есть трутни на лету соединяются с маткой и падают. И они уже мертвецки... Отрывается у него там... И всё, понимаешь.

— Не позавидуешь, — посочувствовал я. — Одно спаривание в жизни — и смерть. Да еще и отрывается...

— Да, вот так, — довольно кивнул рассказчик.

— Это вы про молодую матку. А что же та, первая, которая улетела с роем? — напомнила ему Марина.

— Она на новое место садится. Тут главное — не прозевать рой и поместить его в пустой улей с рамками. И тогда она дней через пять-шесть снова обретает эту самую... пчелки ее снова кормят, и она уже начинает яички ложить.

— А перед этим трутни ее тоже оплодотворили? — захотелось мне внести ясность.

— Не, ее не надо, — спокойно возразил дядя Магдер. — Матка один раз в жизни спаривается с этими... Один раз. Старая матка может и вылететь с роем, но она имеет свои.

— Что же получается? — решил подвести я итог. — Матка кладет яйца и производит всё новых пчел, у трутней задача оплодотворить ее и помереть, а простые пчелы — эти только трудятся. То есть вся жизнь у них — одна работа и больше ничего.

— Да, у них так, — подтвердил дядя Магдер. — Они и живут от этого недолго. В летний период, например, рабочая пчела живет в течение месяца. Всего лишь! — поднял он палец.

— И всё? И умирает? — сделала скорбные глаза Марина, проникшись пчеловодческой темой.

— И умирает. А вот зимой... Поэтому надо, чтобы на зиму, в августе, вышла молодая пчела, не сработавшаяся, чтобы ей, этой пчеле, прожить полгода. А к весне она вышла, кото-

рая перезимовала, и она может только произвести одну подобную себе особь, и она уже тоже умирает.

— Что значит — подобную особь? — не понял я. — То есть, помимо матки?

— Имеется в виду: матка заложила, а дальше пчеле надо эту самую... выкормить эту личинку и то-другое — в общем, до пчелы. И она только одну личинку может выкормить и сама уже погибает. А вот летом, когда массовый сбор и тепло и то-другое — каждая пчела может вырастить трех!

— И тоже погибает, — вставил я.

— И тоже погибает, — кивнул дядя Магдер довольно равнодушно.

— И ее заменяют молодые пчелы, — договорил я за него.

— Ну, это зависит... То есть, это не сразу. Вот молодая пчела вышла из ячейки, и она вначале вообще не работает. Только внутриульевые работы выполняет.

— Внутриульевые работы! — прыснул я, скосив глаза на жену.

— Внутриульевые работы, — невозмутимо повторил дядя Магдер. — Она чистит ячейки, кормит личинок и дает эти... как его?... пластинки для строительства сот. И никуда не вылетает. А после пяти-семи дней она уже начинает эту... она уже считается рабочей пчелой — начинает вылетать. Разведчики ей скажут: лети туда, там есть корм. И она летит. И вот за месяц — всё, срабатывается. А трутни, дармоеды эти, ничего не делают, не работают, и еще пчелы их кормят.

— Кормят?! — воскликнул я, уже открыто хохоча. — Трутней?!

— Да, пчелки их кормят. Настолько они обнаглевшие, трутни эти, что сами мед не хотят кушать.

— Представляешь?! — со смехом повернулся я к Марине. — Ну и ну!

— Но потом, в конце июля где-то, — продолжал дядя Магдер, — пчелы прекращают их кормить, трутней, и, за ненадобностью, поскольку уже отроились, начинают их изгонять.

— Вот это правильно, — одобрил я. — Хотя не совсем понятно. Вы же говорили: они спариваются с маткой и погибают. Кого же изгонять, если они поумирали?

— Дак их же там тысячи! — дядя Магдер даже привстал в эмоциональном порыве. — Миллионы! А тут всего семь-восемь на одну матку надо. Всего лишь!

— А-а-а, — протянул я.

— Их же там миллионы! Тысячи! — продолжал восклицать пчеловод. — Даже в семьях, которые не роятся, в них тоже полно трутней.

— Но всех их в конце концов изгоняют, — пожелал убедиться я.

— Изгоняют, — снова сел на место дядя Магдер. — А он здоровый, зараза, почти в два раза крупнее пчелы, и он упирается. Тогда они садятся на него, и он эту самую... выползает с этого...

— Из улья, — подсказал я.

— Выползает с улья, а на нём две пчелы сидят, а он все равно поднимается в воздух и хоть тебе что. В общем, беда с ними, с этими.

— То есть не хотят изгоняться!

— Еще бы! Жизнь легкая, ничего не делают, а едят мед в три раза больше, чем пчела.

— И пчелы еще их кормят! О-о-о! — закатил я глаза и покачался на стуле. — Ну где справедливость?

— Как в человеческом обществе, — вздохнула Марина.

— Дармоеды, одним словом, — заключил дядя Магдер. — До обеда они вообще не вылетают, а в два-три часа начинается их лёт. И они — как вертолеты: вж-ж-ж! — Дядя Магдер описал рукой дугу, изображая полет трутней.

— Но когда они трутней изгнали, куда те деваются? — поинтересовался я. — Погибают?

— Трутни? Дак они ж!.. в другие улья летят! — воскликнул дядя Магдер с негодованием. — Особенно если улей без матки — они туда лезут. Или в семью, которая слабее — ее заполняют, так что одни трутни получают. Ужас! Ужас!

— И как же от них избавиться, в конце концов? Никак?

— Ну, никак. Ну, потом они уже сами как-то помирают и то-другое.

— От старости, то есть, — хмыкнул я. — В общем, ловко устроились. Но зачем их так много, если для оплодотворения надо всего семь-восемь? С запасом, что ли?

— Выходит, с запасом, — согласился пчеловод. — Кто его знает?

— Да-а-а, — протянул я. — Совершенно своя жизнь, не похожая на человеческую.

— Абсолютно, — поддакнула Марина.

— Но чем-то и похоже. Одни эксплуатируют других...

У меня было ощущение, будто во главе с дядей Магдером мы проникли внутрь улья и увидели воочию этот необыкновенный пчелиный мир.

— Вот видите, сколько я вам всего рассказал, — откинулся на спинку кресла Михаил Леонович, явно довольный произведенным впечатлением. — Это настолько сложно, всё это дело!..

— Сложно, зато интересно, — с чувством отозвалась Марина.

— Потому что это наука.

— Наука и практика, — дополнил я важно.

— И даже больше именно практики, — подчеркнул наш гость. — Вот наши деды теории почти не имели, всё делали исходя из опыта или по наитию. И пчелы у них водились, и мед был. Ну ладно, — завозился он в кресле. — Пошлепаю я, а то разболтался тут у вас. Вон темно уже! — поглядел он на окно. — Ай-ай! Кошмар! — Он взял с подоконника кепку. — Вот только одно меня печалит, — вздохнул он. — Одно только: передать мне это свое дело некому, вот что.

— Да, это действительно печально, — погрустнула и Марина.

— И вообще это занятие, пчеловодство, становится экономически не таким выгодным, — проговорил наш гость уже совсем остывшим, будничным тоном. — Я мог бы, вон как Сергей или Стасин внук, лисички сдавать и заработал больше бы, чем на пчелах. Но меня это... Как бы вам сказать...

— Просто вы любите это свое дело, — сказала за него Марина.

— Вот именно что! — подхватил дядя Магдер, обрадовавшись пониманию. — Я, можно сказать, живу им. Вот весна приходит, всё оживает в природе, пчелки начинают вылетать — и я тогда оживаю. Не могу я от них отказаться, и хоть ты что!

7

Как дядя Магдер в его возрасте управлялся со своим необъятным хозяйством, для нас было загадкой. Но удивительнее было то, что при этом он находил время и силы помогать другим. Помогал окучивать картошку своему угрюмому соседу Сергею, у которого после инсульта не действовала левая рука.

— Ну куда же он с одной рукой! — восклицал Левонич. — Поди-ка обработай такое поле одной рукой.

Бывало, он отпраплялся на своем «Рено» в Витебск, где проживала бывшая жена его покойного сына Лиля. Несмотря на то, что с мужем она развелась задолго до его смерти, Михаил Леонович всячески ее поддерживал и опекал — чинил у нее на даче парник, выпиливал засохшие деревья, косил траву. И всякий раз, отпрапляясь в город, он вез гостинцы — несколько банок меда, ведро яблок или вишни.

— Вот бегу в лес, — говорил он, присев на минутку на скамейке возле нашего дома. — Лилия грибов просила, надо при-

везти. А что делать? Женщина одна, надо ж помочь. Да и медком поделиться, деньжишек подбросить и то-другое.

Я молчал, не зная, что на это и сказать.

Частенько у Левоныча «паслись» его друзья-охотники из Дворвичей — выпивали у него, вдали от жен, угощались медовухой, набирали с собой меда, яблок сорта Мельбо, которые у дяди Магдера были самые вкусные в округе.

Но больше всего, по моему мнению, он помогал Галине Гавриловне. Я бы даже сказал: не помогал, а *обслуживал* ее.

Здесь, в Ельниках, откуда Галина была родом, ее считали своей и меж собой прозывали Гаврилихой, хотя всю свою сознательную жизнь она провела в Питере, и лишь выйдя на пенсию, стала ездить сюда на летние месяцы.

Это была полная приземистая женщина с длинным повислым носом, почти соединяющимся с верхней губой, чрезвычайно похожая на увеличенную до человеческих размеров мышь. Поскольку она считалась подругой Маринойной матери, то Марина как бы обязана была ее навещать.

Бывшая подруга матери усаживала гостью напротив себя и не отпускала до тех пор, пока не изложит ей все свои новости. Новости сводились к тому, сколько раз за ночь она вставала пить лекарства и какой плохой аппетит сегодня у Пафнутия, ее кота.

Кот был под стать хозяйке — такой же толстый, вялый и обремененный всевозможными хворями. Когда он перемещался ленивыми шагами по дому, то пузо его волочилось по полу. На улицу он не высовывал и носа, очевидно, памятуя день, когда бабы-Стасин рыжий кот Васька, не имеющий понятия о толерантности, задал чужаку такую трепку, что бедного Пафнутия пришлось везти в райцентр к ветеринару (возил его, разумеется, дядя Магдер). Была у Пафнутия странность: он не ел практически ничего, кроме сырых свиных почек. И мы, отправляясь в отпуск, везли с собой окутанное тряпками и полиэтиленом пластиковое ведерко замороженных почек — Галинин заказ.

— Это ему на месяц всего, — вздыхала озабоченно Галина, загружая субпродукт в морозилку. — Придется еще кого-то просить. Да, мой мальчик? — словно к ребенку, обращалась она к коту. — Не волнуйся, мамочка о тебе позаботится. Мы Левоныча попросим, он съездит, не откажет. Ой, Мариночка, скажи, сколько я тебе должна за почки?

— Да нисколько, Галина Гавриловна, мелочи, — отказывалась из ложной скромности моя жена.

— Ну хорошо, — сразу соглашалась Гавриловна. — Я тебя потом чем-нибудь отблагодарю.

Впрочем, память в таких случаях ее всегда подводила.

Весь день немощные Галина и Пафнутий проводили в кресле у телевизора. Наевшись свиных почек, кот забирался к «мамочке» на колени, и та, ласково называя его своим «мальчиком» и «деткой», почесывала ему за ушами, а он словно через силу урчал, не меняя хмурого выражения морды.

А в это же самое время дядя Магдер, который был старше Галины лет на семь-восемь, выкашивал участок вокруг ее дома, подправлял забор, прочищал забившуюся печную трубу, а поскольку печь все равно работала некудышно — мотался на машине в город за обогревателем.

— Ну что делать? — говорил он нам, вздыхая. — Мерзнет женщина. Печь у нее — ай! — дурота, а не печь. По уму, ее ломать надо и новую класть. Дак это... просит меня. Но ведь я ж не печник.

— Михаил Леонович, не соглашайтесь! — Я всё больше укреплялся в мысли, что Гаврилиха дядю Магдера просто-напросто эксплуатирует. — Да, пожилая женщина, больная — всё это так. Но должны же быть какие-то пределы!

— Дак у меня и времени на эту... нет совсем! — подхватывал он. — У самого вон — завал!

— Она вполне могла бы нанять печников, — убеждал я старика. — У нее пенсия раза в три больше вашей, она сама Марине хвасталась.

— Ай! Где ж она найдет эту самую... печников этих. Тоже мне искать. А что ты думаешь? Да и не хочет она переделывать ничего: это ж грязь, пыль и то-другое. Хочет, чтобы я чинил.

— «Хочет». А хотите ли вы — ее интересует?

— Женщина одна-одинок, ты пойми. Никого, кроме кота, у нее нет. Не бросишь ведь.

— И вы, кажется, один, — напомнил я.

— Я ж трудоспособный, а она больная. К тому же женщина, слабый пол.

Насчет слабого пола дядя Магдер явно отстал от жизни в своих Ельниках.

Как-то зашел он к нам, утомленный и как будто опечаленный. Опустился тяжело в старое продавленное кресло, снял кепку, припорошенную свежими опилками. Жидкие волосы и залысины под кепкой тоже были в опилках.

— Вот, — вздохнул он совсем по-старчески, — заставила меня эту самую... березу спилить. Затеняла она ей окошко, видишь ли. А какая была береза! Ай-ай-ай! Красавица, плакучая. Всегда я... как мимо проходил, всякий раз любовался.

— Жалко, — вздохнула и Марина.

— Я бы не стал пилить, — сказала я сурово. — Губить дерево по чьей-то прихоти.

— А что ты поделаешь? — как будто ища сочувствия, оглядел нас дядя Магдер. — *Захотелось кобыле вбцету*. Уксусу. Каждый день мне: спили да спили, спили да спили. Ну вот, добилась. Теперь надо ее, березу ту, раскряжевать, поколоть — и на дрова ей.

— Еще и дрова ей! — фыркнул я возмущенно.

Помимо всех этих хлопот, дядя Магдер постоянно тащил Гавриловне то грибы, то мед, то овощей со своего огорода.

— Ну что у нее там посажено? Лук один да петрушка, — объяснял он нам. — Это ж несерьезно.

Когда же у Галины испортился телевизор — главный ее спаситель от скуки, если не считать кота, то дядя Магдер, технический человек, провозился с ним почти целый день, но так и не смог наладить. И в результате отнес ей свой.

— А зачем он мне летом? — опять словно бы оправдывался он. — Летом же огород, пчелы, грибы — не до телевизора. Вот зимой другое дело.

— Марина, а мы давай отдадим ей радио и твой плеер, — с серьезным видом предложил я.

— Надо же людям помогать, — тоже серьезно повторил дядя Магдер свой излюбленный слоган.

— А на мой взгляд, — высказался я, когда мы с женой остались одни, — никакая это не помощь.

— А что же? — не поняла Марина.

— Это *пестование дармоедов*. Похвально, конечно, помогать другим, но только если эти другие того стоят и действительно нуждаются. К сожалению, большинство людей быстро привыкает к чужим благодеяниям и затем уже прямо требует их. Как чеховский профессор Серебряков. Словом, большинство людей, дай им только волю, охотно усядутся тебе на шею. Взять твою тетю Зину. Сын — двадцатилетний оболтус, нигде не работает и работать не собирается. Зачем ему работать, если мамочка с папочкой всегда дадут денег. Сняли квартиру для него и для его подруги, такой же богодулки, дак этого мало: тетя Зина еще ездит к ним туда уборку делать! Ну что это? Такая помощь, скажу я, только во вред, она лишь развращает.

— Может быть, ты и прав, — задумчиво проговорила жена, — но мне кажется, по-другому дядя Магдер просто не может. Родных у него никого не осталось, вот он и...

— Но ему восемьдесят лет! Восемьдесят два даже! Он старше этой Гаврилихи, и у него тоже давление повышенное, и спина больная, и кружится он с рассвета до темна со своими

пчелами, огородом. Да еще и к ней бежит что-то делать! — кипятился я.

— Нам ведь он тоже помогает, — заметила Марина.

— Нам? Да, но, во-первых, мы всегда отказываемся. Другое дело: попробуй от него отбейся... Ну и к тому же мы сами стараемся ему хоть чем-то помочь.

Это была правда, мы действительно старались при всякой возможности отблагодарить дядю Магдера за его щедроты, особенно глядя на Галину и боясь хоть малость уподобиться ей.

8

Однажды мы выдирали на дяди-Магдеровом картофельном поле нагло разросшиеся сорняки.

Трудились больше двух часов, потные, притрушенные землей, в окружении слепней, так что надоело это до чертиков. Наконец закончили. Мы с Мариной поплелись к ставку обмыть сапоги, как вдруг обнаружили по пути в кустах смородины... Гавриловну. Она сидела на табуреточке и сосредоточенно собирала ягоды. Это было столь неожиданно, что даже почудилось: загляни под какой-нибудь другой куст — и там будет сидеть Гавриловна.

— Откуда она взялась? — спросил я дядю Магдера, когда мы вдвоем направились к дому.

— Ай! — махнул он рукой. — Говорила: два-три литра соберу, а набрала вон уже эту... десятилитровое ведерко. Мне не жалко, что ты думаешь! — тотчас же поспешил объяснить он. — Но мне ж тоже надо: я же вино смородиновое каждый год делаю, не только виноградное. Ай-ай, какое это вино! Ультра! Угощу вас в следующем году, в этом не успеете, не выстоит.

С этими словами Левонич провел нас в дом, чтобы угостить — пусть не смородиновым вином, то хотя бы медовухой. Мы покорно сели к столу, зная уже, что сопротивляться бесполезно.

Однако едва хозяин наполнил стаканы, как в сенях слышались грузные шаги, и вошла Галина. Ей тотчас был подан стул.

— Я вообще-то спиртного не потребляю, — строго и даже назидательно проговорила новая гостя, принимая стакан с хмельным напитком, — ну да ладно уж, попробую. — И она отхлебнула из стакана с таким видом, как будто делала нам всем величайшее одолжение.

— Сажу тут с вами, — проворчала она через некоторое время, — а мой Пафнутий там один, скучает. Надо идти. Мак-

сим, ты сможешь донести мое ведро со смородиной? И табурет.

Мы с Мариной переглянулись.

— О чем речь, Галина Гавриловна! — воскликнул я с преувеличенным энтузиазмом. — Не Михаилу же Левоничу тащить эту смородину!

— Верно, верно, — закивала она. — А то я себя так плохо чувствую сегодня... голова кружится, и ноги как не свои.

— Может, это с медовухи? — предположил я.

— Вот доживешь до моих годов, тогда не будешь так подсмеиваться, — неодобрительно покачала головой Гавриловна.

Дядя Магдер тем временем сходил в комнату и вернулся с трехлитровой банкой, наполненной сушеными грибами.

— Вот вам эту самую... — протянул он банку Марине, — грибов. В благодарность за работу. Возьмете с собой. Тут одни белые. Будете зимой варить и меня вспоминать.

— Да не надо, Михаил Леонович! — в один голос вскричали мы с Мариной.

— У нас еще с прошлого года остались сушеные грибы, — заверила Марина.

— И какая может быть благодарность! — вторил я. — Это мы не знаем, как вас за все благодарить. И вообще: я сам люблю грибы собирать...

— Ай! Берите и всё. То у вас свои будут, а это от меня.

— Нет, не возьмем! — продолжали мы упорствовать.

Так препираясь, в пылу эмоций мы забыли на время про Галину. И тут она встает, протягивает руки к банке...

— Раз они не хотят, то я возьму, — молвит она. — Мне грибы нужны. А то Сережа принес мне свежих, я посушила, но маловато вышло.

И забрала. Глазом не сморгнув.

Я же вдобавок еще нес до ее дома табурет и ведро с хлявной ягодой.

— Дай-ка мне на тебя опереться, — говорила Галина, когда мы проходили по неровностям, и мне приходилось служить ей подпоркой. Не скажу, что это доставляло мне большое удовольствие. Меня так и подмывало убрать с плеча ее тяжелую влажную руку, бросить табуретку и ведро и уйти. Но я, конечно, не бросил и не ушел, а по-тимуровски доставил старушку с ее добычей до самого крыльца.

«А куда деваться?» — оправдывался я перед собой, как постоянно оправдывался дядя Магдер. Но от этого делалось только противнее.

Зато уж дома меня прорвало.

— Это черт знает что! — выкрикивал я, гневно вышагивая по избе. — Я дар речи потерял, когда она схватила эти грибы. Дядя Магдер сам остоленел. Наглецы, кстати, всегда этим пользуются — тем, что нормальные люди впадают в ступор от их нахальства. Люди теряются, когда перед ними так откровенно обнажают свою бессовестность — теряются, как при виде голого человека. И из-за этого не готовы поставить наглеца на место. Им самим так стыдно за него, что они боятся испытать еще больший стыд. И молчат. А наглецы и рады, и преспокойно получают свое, вернее, чужое. Да еще и дураками считают совестливых людей. Вот Галина наверняка считает Магдера дурачком. И нас тоже: отказались дураки от грибов. Действительно: если какой-то пентюх готов на тебя повкалывать и чем-то тебя, такую распрекрасную, одарить, то почему бы не воспользоваться?

— Так всегда было, Максим, и ты ничего не изменишь. Только нервничаешь понапрасну, — пыталась утихомирить меня жена.

— Нет, с этим надо бороться! — продолжал я бушевать. — Халявщикам, нахамам, дармоедам надо давать отпор! Так и говорить им: вы — халявщики, нахамы и дармоеды!

— Вот и скажи это Галине! — рассердилась жена, которой, видимо, надоели мои громы и молнии местного масштаба.

— Вот и скажу! Так и скажу: вы, дорогая Галина Гавриловна, бессовестно уселись на шею восьмидесятилетнему старику, пользуясь его добротой и терпением! Уселись, да еще и погоняете.

— И что? Можно подумать, она после этого перестанет им пользоваться, — скептически усмехнулась Марина. — Она просто посчитает тебя грубияном, оскорбляющим порядочную женщину, вот и все. И вообще, имеешь ли ты право отчитывать ее за дядю Магдера без его на то позволения?

— Да, верно, — уселся я наконец на кровать, огорченно кивая. — Так просто ее за хвост не ухватишь. Она скажет: Левоныч сам, без принуждения ей помогает. Все-таки получается: сами виноваты?

Какое-то время я сидел в унылой задумчивости, затем снова вскочил.

— Ладно. Выступать от имени дяди Магдера я не стану, но с нашей стороны!.. У нас она на халяву не прокатится: в баню к нам она больше не попадет.

Дело в том, что при жизни тещи, когда та топила баню, она обязательно звала мыться и Галину, у которой своей бани не было. В прошлом же году, когда Марина приезжала сюда оформлять дом, и в этот наш совместный приезд,

если готовилась баня, то, как бы по традиции, приглашалась и Галина.

— Что же выходит?! — разжигал я себя. — Я таскаю воду, дрова, топлю, ты там все чистишь, подметаешь, а эта барыня пришла, намылась и ни спасибо тебе, ни слова доброго. Как будто так и должно.

— Она привыкла, что так было всегда.

— Привыкла. Теперь придется отвыкать! — позлорадствовал я.

— И что ты ей скажешь? «Не пущу»? Почему? Послушай, Максим. Не связывайся ты лучше с ней: себе же дороже станет. Разнесет по всей деревне: пожалели старухе воды горячей. Пусть как мылась, так и моется, бог с ней.

— Вот так всегда. Вот почему наглецы и торжествуют. Мы стыдимся, робеем сказать им «нет», сказать им в глаза наше мнение о них.

— Макс, прошу тебя: не связывайся! — твердила жена.

— Ну уж нет. Если бы еще не эти сегодняшние грибы, еще бы куда ни шло. Но грибы меня добили. Ведь это не просто нахальство, это полная атрофия совести! Мы как-никак помогали старику, драли сорняки, а эта толстая мышь ягоды себе нагребала, а потом еще и грибков урвала! И всё в норку себе, всё в норку.

— Раньше она не была такой, — заметила Марина печально. — Это возраст. Может быть, мы в старости еще противнее станем.

— И тоже сядем Магдере на шею, — не удержался я от шутки. — А он вечен.

9

Наступила суббота, когда в деревне принято топить баню (мы же старались не нарушать традицию).

Уже с утра я чувствовал себя не в своей тарелке. Казалось бы, кто мне эта Галина? Ну испорчу я с ней отношения — и что? А между тем я ощущал какое-то неудобство, словно за шиворот мне угодил репей или мордовник и колет там, и елозит. Мне было неуютно в доме и неуютно вне дома, и завтрак прошел без всякой радости. Может, Марина права? (Я начинал уже колебаться.) И выйдет действительно только хуже? А Галину эту все равно не проймешь? Но тогда что же я корю дядю Магдера за его мягкотелость и потакание халявщикам, если сам боюсь отказать халявщице в такой мелочи, как баня? Ну не то, чтобы боюсь, а испытываю дискомфорт, тягость, мне самому от этого нехорошо. Будь Галина хотя бы

мужиком, было бы проще. А то ведь как-то несимпатично воевать с женщиной, к тому же пожилого (*полуживого*) возраста. С другой же стороны, думал я через минуту, смолчи я сейчас, как обычно и бывало, то и в этом случае мне будет нехорошо. Буду сознавать, что, как и многие, спасовал перед чужой беспардонностью. Нет, я должен высказать ей свое мнение. Это будет моя отповедь не столько конкретной Галине, сколько всем халявщикам в ее лице, всему их расплодившемуся ненасытному племени.

— Слушай, Максим, я боюсь, — неожиданно заявила Марина, убирая со стола посуду.

— Кого?! Гаврилиху?! — принужденно рассмеялся я. — Да кто она такая?! Она что, монстр какой-то?

— Нет, ее саму я вроде бы не боюсь... хотя, может быть, и побаиваюсь, — честно призналась жена. — Я больше боюсь, как бы это не вылилось в какой-нибудь некрасивый скандал. А в результате вся деревня будет на ее стороне. И все будут нас осуждать.

— И черт с ними! Уважение к себе дороже.

— Я думаю, и дядя Магдер это не одобрит.

— А без его одобрения мы и шагу теперь не ступаем. «Дядя Магдер, дядя Магдер, — вспомнил я наш прикол, — можно мы не будем Галину в баню приглашать?» — «Не-е-ет! Вы для того сюда и приехали, чтобы мыть Галину!»

Марина села на стул с кухонной тряпкой в руке.

— Можно было бы ее просто не звать, — размышляла она вслух, — но ведь она такая — сама придет: «Ну что, когда мне уже?»

— Придет — сто процентов, — не сомневался я.

И она, конечно же, пришла — со своим тазом, с огромным полотенцем через плечо, с пакетом тряпья, очевидно, на стирку.

Не давая себе времени стушеваться и отступить, я поспешил ей навстречу. А у самого так и мутило в душе (какие мы все-таки размазни, хомячки офисные!).

— Галина Гавриловна! — напряженным голосом и, наверное, излишне громко воскликнул я.

— Да, Максим, — остановилась та у скамейки. — Что, рано еще?

— Галина Гавриловна! — повторил я, не слыша ее вопроса. — Скажите, пожалуйста, Галина Гавриловна, я или Марина вам что-нибудь должны?

Та уставилась на меня недоуменно, но при этом как бы и припоминая: может, и вправду за нами какой-то должок?

— Нет, Максим, ничего, кажется, не должны.

— И мне так же кажется, Галина Гавриловна. В том числе и касательно бани.

— Ничего не понимаю, — забормотала старуха, сразу сделавшись одинокой, больной и беспомощной. — Я что же, не смогу сегодня помыться?

— Нет, — сухо сказал я, хотя внутренняя моя решимость быстро таяла. Хотелось тут же прибавить: «Просто сегодня у Марины много стирки, и воды не хватит». Но я, можно сказать, схватил себя за язык (настоящий герой!) и не дал себе выговорить эту позорную поправку. Более того, сумел выдать и одну из заготовленных заранее фраз, произнеся ее уже скорее на автомате, почти бессознательно:

— Магдер вас обслуживает, это его личное дело, но я вам не Магдер, Галина Гавриловна. Вот и всё.

— Такого еще не бывало, — пробормотала старуха и побрела прочь со своим пакетом, и тазом, и повислым носом.

Ну вот. Дело сделано. Казалось бы, я могу быть доволен собой, ведь всё, что я хотел сказать, я сказал. Однако удовлетворения не было. По правде говоря, стало даже еще поганее.

Марина же совсем расстроилась.

— Теперь мне ее жалко, — вздыхала она. — Зря мы так. Все-таки старый человек, больной, подруга моей мамы. Пришла с тазом и вот поплелась домой, обиженная. Фу, как нехорошо.

Я мрачно посмотрел на жену:

— Не подбрасывай мне червя.

— Какого еще червя? — насторожилась Марина.

— Червя сомнения.

Однако червь уже сидел во мне.

На другой день, направляясь с сумкой к прибывшей автолавке, я испытывал некоторое беспокойство. И, как оказалось, не напрасно. Инвалид Сергей, подойдя ко мне и кривя и без того кривое лицо, пробурчал:

— Что ж вы? Отказали Гавриловне в бане. Одинокой больной женщине. Нехорошо. Она ведь всегда у вас мылась. Я летом баню не топлю, во дворе моюсь, из таза, и Михаил Левонич так же. А вы что-то такое выдумали, не пойму.

Я молчал. Против «одинокой больной женщины» никакие доводы не могли быть убедительными. Да и противно было бы оправдываться.

— Она говорит, что ты на нее накричал, оскорбил и сказал: пусть теперь Магдер ей баню топит. И Левоничу пришлось вчера для нее топить.

«Ну если он такой дурак!» — хотелось мне выпалить в сердцах, но я, благо, сдержался.

Пока я делал покупки, подошла к автолавке и сама Галина. Она имела вид глубоко оскорбленной, но гордой мыши, и даже не взглянула в мою сторону.

— Я так и знала, — расстроено молвила Марина, когда я пересказал ей слова Сергея. — Конечно, все ей поверили. Вот увидишь: еще и с дядей Магдером нас рассорит. Она и ему наверняка изложила эту свою версию.

— Ну брехунья! — прошипел я. — А рассорит, значит, так тому и быть. Если дядя Магдер такой легковверный олух, то и черт с ним!

Досада владела мной, и уже дядя Магдер виделся мне не тем необыкновенным человеком, каким мы до сих пор его воспринимали, а всего лишь старым неумным чудаком.

— Я просила тебя: не связывайся с ней, — укоризненно смотрела не меня жена. — Хорошо, если только этим всё кончится.

И опять Марина оказалась права: Михаил Леонович перестал к нам заходить. Остальные жители деревни теперь не улыбались при встрече с нами, а в ответ на наше «здравствуй-те» бормотали что-то невнятное. Возможно, сказывались не только наговоры Галины, но и перемена в отношении к нам авторитетного Магдера, что сразу же уловили его односельчане.

— Хоть уезжай раньше срока, — едва не со слезами сетовала жена. — Вся деревня против нас настроена.

— А Пафнутий, наверное, наши почки не ест, в знак солидарности с хозяйкой, — пытался отшучиваться я.

10

Прошло три дня. На четвертый, когда по случаю недавней грозы мы сидели дома, а с крыши еще капало, раздался стук в дверь.

— Где вы там?! — донесся из сеней знакомый голос, и в комнату прошлепал дядя Магдер. — Сидите тут, — проворчал он притворно-сердито, — ничего не видите! А там такая... эта самая... такая радуга! Ай-ай-ай! Выходите немедленно! — уже требовал, по обыкновению, он.

Мы поспешили из дома, ободренные его визитом, проследовали за ним на дорогу, где было просторнее, и увидели картину. На проясневшем небе опять блистало солнце, уже предвечернее, не жаркое. С востока же протянулась к зениту се-

рая рыхлая тучища со свисающими с нее сизыми космами. И вот на фоне этой тучи грандиозной многоцветной аркой выгнулась радуга. Она была не меньше, чем в фильме Куро-савы «Сны». Размазанная туча постепенно смещалась к нам, и скоро под радугой было уже чисто-голубое небо со столь же чистыми крахмальными облаками вдаль. А на ближнем плане под этой аркой стоял на рулонах сена красноногий аист и гордо озирался.

— Неплохой получился бы снимок, — заметил я. — А вместо аиста можно посадить Марину.

— Михаил Леонович, — обратился я к гостю, когда мы, оживленные, повеселевшие, вернулись в дом. — Не хочется думать, что вы на нас в обиде. — По случаю примирения я налил в стопки уже традиционной настойки от сорока недугов. — Вы нас уже достаточно знаете, чтобы так просто поверить Галине.

Дядя Магдер достал из пакета темную запыленную бутылку.

— Ай! — вяло махнул он пустым пакетом. — Не слушаю я эти бабьи сплетни.

— И правильно! — обрадованно подхватил я.

Левонич вынул из бутылки пробку:

— Марина, ты должна попробовать моего вина, виноградного. С прошлой осени в погребе выдерживается, по науке. — Он наполнил вином поданный стакан, сам взял стопку. — Ну, давайте, за здоровье!

Выпив порцию-другую, дядя Магдер расслабился, потеплел глазами и казался уже не просто знакомым, а близким нашим родственником. Поговорили о погоде, об урожае, о нашем скором отъезде, о предстоящем дяде Магдеру зимнем одиночестве, и, наконец, поддавшись настроению, наш гость пустился в воспоминания.

— У отца с матерью нас трое было детей, — начал он не спеша. — Жили мы тогда не здесь, не в Ельниках, а в Шмелёво, в четырех километрах, сейчас там ничего нет. — Он помолчал, как бы давая прошедшему время на раскачку. — И вот помню... мне тогда шесть лет было... помню, как это война началось. Приехал разведчик на коне: «Всё, война началась». У нас же радио не было, ничего такого. «Война началась, будьте готовы», — и поехал. А после того жили и нхто... мы ж вдальеке от дороги от большой. Мужчин всех призывали, конечно. Батьку моего, правда, не взяли, по зрению. В общем... А потом немцы. Прошли нас и дальше пошли, к Москве, там их интересовало. А после того как прошли, начали полицаи тут... немцы их тут внедрили. И партизанщина

скоро пошла — подрывать стали и то-другое. То есть внутренняя война началась, на оккупированной территории. И для нас это тяжелейшее время было, страшнейшее время. — Михаил Леонович оглядел нас, как будто желая убедиться, что мы его понимаем. — И там неизвестно, кого больше надо было бояться — полицаев и немцев или наших партизан.

Я и до этого слышал, что героические партизаны не всегда вели себя героически, и потому не удивился.

— То есть вам и от тех и от других доставалось.

— Именно! — воскликнул дядя Магдер. — От партизан, конечно, не так: свои всё же и то-другое, но из-за них бывали беды. Если вот, к примеру, у кого-то они переночевали, партизаны, и кто-то проболтался — полицаи приезжают, и у кого эти самые партизаны были, кто помогал им — сразу расстрел.

— Полицаи сами и расстреливали?

— И полицаи, и немцы. Вот в нашей, в Шмелёво, не расстреливали... до сорок третьего года. А, к примеру, в Дворовичах — там конкретно. Обычно никто не предавал друг друга, мертво говорили: не знаем, не видели ничего. Иначе — беда, пуля в лоб. Ну а в Дворовичах одна женщина проболталась: мол, у того были, у того. Может, заставили ее сказать, неизвестно. Ну, тогда они эту самую... немцы и полицаи согнали этих людей в сарай, двери закрыли и подожгли. Не, — дядя Магдер наморщил лоб. — Кажется, вначале расстреляли, а потом закрыли и подожгли. А мы, мальчишки... дурные ж были... ходили потом смотреть, косточки выгребали.

Рассказывая о своем прошлом, Михаил Леонович пытливо и немного изумленно глядел на нас черными точками зрачков — так, словно это мы рассказывали ему о его жизни, а он лишь внимал и изумлялся.

— Помню я это всё, даже удивительно, — покачал он плечевой головой. — Помню: темно, ночью... стучат. Вот батяка открывает. Команда: «Вытопить баню». Партизаны. «Вытопить баню, сегодня придем мыться». Зима ж, холодно, помыться ж им надо. Батяка топит баню. И чтоб самогонка была после этого и закуска. Не знаю, откуда они и брали. А утром ушли. А если б узнали эти самые... полицаи — батяке сразу бы пуля. Нас же сколько раз, и партизаны, и эти... — батяку и мать — к стенке ставили. Сколько раз!

— А партизаны за что? — подняла брови Марина.

— За что... За эту самую... За что...

— Самогона не дали? — шутливо предположил я.

— Это... как его? Не самогона, а... Не докладываешь, кто с полицаями связан. Люди ж всякие... Которые и с полицаями сотрудничали. Но самое главное было — никого, ничего не

предавать. Молчать и всё: не видел, не знаю. Так что жизнь, я скажу, не дай боже...

Михаил Леонович закашлялся, отпил из Марининого стакана принесенного им вина:

— А в сорок третьем... В сорок третьем начали немцы... из-за партизанщины... деревни жечь. Ну, наша деревня тогда полностью выехала.

— Куда выехала? — не понял я. — Кругом же немцы!

— В лес. Всё пособирали, и скот забрали, и в телегах. В лес. А зима ж, эту самую... холод. Выкопали землянки, в землянках тех стали жить — в темноте, в тесноте, на болотах.

— На островах, что ли?

— Нет, не на островах, а... Там, не доходя болот, так называемые — раньше так звали — шантуры, на берегу этого большого болота. Там сухо, ели росли, сосны. Помню: утром встанешь — снег на ветках, красиво! Но недолго мы там сидели, на шантурах тех. Пока... Вот слышим утром: собаки, стрельянина. Аврал, одним словом. Ну, мы сразу! Всё кинули и от своих землянок побежали. По болоту. Бежим, лед эту самую... обламывается. Сашка, старший брат, бежит впереди, мать за ним, сестру Люсю батька на руках несет, а я позади у колдыбинах этих колыхаюсь. Колыхались, бежали, тогда это: островок, сухое место. Выбежали. Всё, думаем, слава богу. И тут опять: собаки, лай! И они нас окружили. И эту.. вот это я никак не забуду: «Ханде хох!» Руки вверх. И все мы подняли руки, — и дядя Магдер для наглядности поднял обе свои худые руки. — Вот так и стоим, руки вверх. А дальше нас всех построили и повели. В деревню Шмелево, нашу деревню.

— Обратном домой? — удивился я.

— Обратном домой. И вот ведут, и все до одного дома горят. Все до одного! Нас уже вели через горящую деревню. Мать мне голову платком покрыла, потому что... жар, искры. И вот до сего дня помню: мне не жалко уже было дома и то-другое, мне жалко было пчел. Батька ж от этих партизан два улья на чердаке прятал. И всё это горит, пчелки горят! По пчелкам я плакал. Ну а потом нас по этапам повели — до Полоцка. И вот что еще. Если вот кто-то это самое... Вот гонят нас. Если кто-то в сторону отошел — всё. Сразу — бух — и всё. Расстреливают. Не глядя, ребенок или кто. И вот гнали нас до станции, а там погрузили в товарняки и — в Литву.

— Не в Германию разве?

— Нет. Кого, может, и в Германию, а нас в Литву, туда повезли. А там помещики, литовцы. Привезли им рабов, значит. Кому надо рабочая сила — выбирай! А у нас трое детей же, это ж кормить надо и то-другое. Так нас разделили. И так

жили рабами, пока Красная Армия не пришла. И вот что интересно. Помешики те за неделю, как наши пришли, — ни одного не стало.

— Драпанули?

— Зникли куда-то. Не всё они забрали, — продолжал дядя Магдер. — Нам уж осталось... и курицы, и корова осталась. Красноармейцы разрешили нам корову взять. Тоже на то-варняк ее и — до Полоцка. А с Полоцка пешком, с коровой той. И благодаря корове живы остались. Это уже в сорок чет-вертом было.

11

Мы слушали нашего гостя, и в какой-то момент мне подумалось: насколько же его жизнь не похожа на нашу, такую благополучную и обыденную, насколько она и трагичнее и богаче.

— Воротились мы в это самое Шмелево, — продолжал дядя Магдер свою горестную историю, — ни одного бревна. Ничего. Так вот отец... А там в начале войны наши пленные делали эту самую... накаты. Через болотá. Немцы по ним технику свою перебрасывали. И там хорошие были бревна. И вот эти бревна вручную таскали по болоту, а потом еще три километра. И отец построил из них маленькую хабуньку, вроде сарайчика. А пока строил, мы жили в землянке.

Помолчали.

Я попробовал представить себе нас с Мариной живущими в землянке, в лесу, месяцами, и не смог.

— А еще вот что, — пошевелился дядя Магдер. — Как вернулись мы сюда из Литвы — сколько тут было оружия! Тут же ж кровопролитнейшие бои шли!

— Брошенное оружие?

— И оружие, и эту самую... трупы. Ай! А этих патронов!.. Кучи! Снарядов!.. Ужас, ужас! Это вернулись мы, а есть нечего — ни картошки тебе, ни хлеба. И крапиву там, и шавель ели, и что придется. Отца забрали на полгода где-то что-то перевозить, хотя он почти не видел. Мать в Полоцк ушла, за зерном. Зерно в мешках, на плечах, из Полоцка сюда носили.

— Откуда же его брали? — не понял я.

— Государство давало. Чтобы посевную и то-другое. И вот родителей нет, а мы, дети, в землянке одни, кинутые. А оружие ж море! Патронов — море! Главное, подобрать молокосо-су, какой патрон засунуть. Но потом быстро разобрались. Родителей нет. И вот мы ночью — трассирующими пулями! Ай-ай! Красота! Салют!

— Покруче, наверное, китайских петард, — сравнил я.
— А потом даже начали в войну играть. Друг в друга стрелять чуть не начали! Понимаешь? Во до чего!

— Как вы только живы остались? — Марина сочувственно посмотрела на гостя.

— Как-то Бог миловал. А вот в соседней деревне такие же мальчишки нашли эту самую... мину противотанковую — и в костер ее. Бросили, а сами за горкой, залегли. Лежат-лежат — ничего, не взрывается. Двое пошли еще дров туда докинуть. И тут она... И всё. Черная яма. Мальчишек тех двух раскидало — собирали потом. Во какие вещи.

— Страшно, — только и сказала Марина.

— А еще же как-то учились при этом, — подивился я.

— Как-то учились. В сорок пятом я еще из Шмелева сюда в школу ходил, пешком, пока нас в Ельники не переселили. А последние классы уже в Грядине кончал. Там и жил.

— В интернате?

— Какой интернат? Это ж не то, что сейчас. У этого жил... у частного, мне дальний родственник. Приютили меня и то-другое. Есть нечего. У них своих трое детей, а тут меня корми. Не знаю, как я это вытерпел все. Ай! Но суть не в этом. Суть в том, что в Грядине в этом своя дизель-электростанция была, в лесхозе стояла, и в школе уже при свете начали заниматься. И вот тогда у меня родилась эта задумка, что... вот должен я постичь, что такое электричество, откуда оно берется и как. И буду я только электриком. Только электриком! И еще такое: что буду я людям электрический свет давать, по всем деревням. Молодой был, романтик.

— Мне кажется, вы до сих пор романтик, Михаил Левонич, — улыбнулась Марина.

— Ай! — пренебрежительно, но и польщенно махнул он рукой. — Всё прошло. Годы и то-другое. Хотя, скажу вам, и сейчас я, бывает, мечтаю. Больше всего — чтобы деревня наша возродилась. И другие деревни. Но чтобы хозяйство... эту самую... чтобы все по науке, а не абы как. Чтобы всё культурно.

Помолчали. Дядя Магдер повернулся к окну:

— Засиделся я тут у вас. Пойду.

— Да уж отдохните сегодня. Хоть один вечер можно же отдохнуть.

— Тогда пойдем лучше на воздух. — Дядя Магдер налепил на голову свою кепочку.

Мы переместились из дома на скамейку, уже подсохшую после дневного дождя. И как бы сами собой переместились туда и стопки с бутылкой. И снова Михаил Леонович рассказывал нам о своей судьбе, о том, как он отработал всю

свою жизнь инженером, а выйдя на пенсию, имея в Витебске квартиру, решил после смерти жены поселиться здесь, в Ельниках, в родительском доме.

Потом мы просто сидели, отмахиваясь от комаров, погруженные в тень и в предночную тишь. Где-то далеко, за сливами и яблонями, разлилась клюквенным морсом заря. Со стороны леса донесся негромкий протяжный звук. Как будто сам лес вздохнул, засыпая.

Наш гость вдруг расплылся в улыбке, обратив лицо вверх.

— Ну что, мои хорошие? — проговорил он.

Я тоже поднял глаза: на проводе чернели на бледном небе две ласточки и тоже, казалось, вслушивались в тишину. Лишь изредка, то одна, то другая, подергивали сложенными острыми крылышками.

— Люблю я вот их, — расслабленно улыбался старик, — ласточек этих. Такие веселые, ай! Одна у меня на веранде живет, и мы с ней разговариваем. Вот какая у нас тут жизнь: с птицами вместе, с пчелами.

— С ужами, — прибавил я, вспомнив, как у нас в доме выполз из-под пола длинный блестящий уж, поглядел на нас черными капельками глаз и чинно удалился.

Дядя Магдер в тот вечер совсем размяк, расчувствовался от воспоминаний. А может, сказалось и мое рукодельное снадобье. Марина предложила проводить его, но он решительно отмахнулся:

— Ай! Не дойду я, что ли? Я ж тут.. у себя дома, — обвел он рукой вокруг.

Шел он медленно, даже слегка пошатываясь. Тропа, которую он сам регулярно выкашивал и которой пользовалась вся деревня, проходила мимо дома Гаврилихи.

12

На другой день, придя с ведрами к общественному колодцу, я столкнулся там с «одноруким» Сергеем. Подтягивая левое плечо к уху и возбужденно помаргивая, он выложил мне последнюю деревенскую новость. А именно: дядя Магдер вчера добирался от нас до дому едва держась на ногах. Новость эту пустила по деревне Гавриловна, присовокупив к ней разгадку, почему Михаил Левоньч с нами дружит и всячески нас «обхаживает». А потому-де, что мы его постоянно подпиваем.

Сергей, мне показалось, был втайне доволен, что авторитет Михаила Леоновича поколебался.

— Вы ведь в самом деле ему налиivate? — пытливо зыркнул он на меня.

— Конечно, — отвечал я, с трудом сдерживая негодование. — И ему, и себе. Каждый день напиваемся! — И я энергично принялся крутить ворот.

Вернувшись в дом, я грохнул ведра у печки:

— Конечно!

— Что — конечно? — вышла из комнаты жена.

— Конечно: Гаврилиха добралась и до дяди Магдера, — и я пересказал ей Сергееву «новость». И тоже не без торжества.

— Ну вот, получил дядя Магдер от Галины благодарность! За все свои благодеяния, и за баню в особенности. Я ж говорил: нельзя таким людям потакать. Они никогда не будут благодарны, да тебя же еще и грязью при случае охренчат.

— Бедный дядя Магдер, — сердобольно вздохнула Марина. — Хорошо бы он не узнал об этом.

— Наоборот! Пора открыть ему наконец глаза! Вот я ему их и открою. Сколько можно ему прислуживать этой хитрющей мыши!

— Он привык помогать людям, — возражала жена, — а ты хочешь его убедить, что люди не стоят того, чтобы им помогали.

— Не все люди, а только такие, как эта Гаврилиха, закоренелая халявщица.

— А его друзья-охотники?

— И эти тоже. Тоже халявщики. Пользуются стариком.

— А его невестка?

— Да, и она. На шею уселась старому человеку и сидит без зазрения совести.

— В общем, все, кроме нас с тобой! — рассмеялась жена.

— Ну.. мы же и вправду стараемся не быть у него в долгу.

— Но мы через несколько дней уедем, а он останется в этом своем мире. Максим, это не твоя, а его жизнь.

И всё же возмущение переполняло меня, как тогда в случае с грибами, и когда Михаил Леонович зашел к нам выпить кофейку, я выложил ему всё, то есть какие сплетни разносит о нем его подруга Галина.

— Теперь вы убедились, что это за Бабариха? Вот ее благодарность за вашу помощь и дары! Вы и после этого будете ее обслуживать? Михаил Леонович, даже ваши пчелы изгоняют трутней-дармоедов! Ведь эта Гаврилиха настоящий трутень! А вы у нее, извините, на побегушках.

Я умолк: мне подумалось, что дядю Магдера могут обидеть или рассердить мои слова.

Он тоже помолчал, потом посмотрел на нас с Мариной своими прозрачно-голубыми глазками во впадинах и проговорил:

— А чи нужны вам кабачки? Наросло их — ай! Завал! Пришли бы, эту самую... с собой повезли бы.

— Михаил Леонович! — рассердился я вместо него. — Я вам про Фому, а вы мне про Ерему.

— Ладно, — промолвил он, уставившись в окошко, как будто там, в тенистой глубине сада вызревало его решение. — Мне это тоже надоело. Пусть сидит со своим котом.

— Вот! — искренне обрадовался я. — Наконец-то! Давно бы! А то присосалась, пиявка, и знай сосет. А у вас у самого и давление, и поясница...

— Да, да, — как-то печально и рассеянно покивал наш гость. — И потом... то одно, то другое. Вот даже сегодня. Там это... пятно у нее на потолке. Протекает. Дак эту... лезь на чердак или где — искать причину.

— Можно подумать, у вас обязательства перед ней или договор на обслуживание, — старался я закрепить достигнутое. — У вас своих дел по горло.

— В том-то и вопрос.

— В общем, Михаил Леонович, забудьте этого трутня.

— О себе подумайте, — присоединилась Марина.

— Да, да. И правда: ни к чему мне это.

Прозвучало это, впрочем, как-то уныло, без малейшего энтузиазма. Да и сам дядя Магдер в эти минуты имел облик бесконечно уставшего понурого старика с глубоко запавшими тусклыми глазами. И уходил он от нас понуро, старчески шаркая калошами-сабо. Не чувствовалось, что человек освободился наконец от ненужной ему обузы.

И под стать его настроению, вскоре после его ухода заморосил дождик. И моросил весь вечер, так что в доме было сумрачно и скучно и хотелось уже скорее домой, в город. И всю ночь было слышно, как дождь шелестит в кустах, шепчется о чем-то с цветами топинамбура, шебуршит в траве под самыми окнами, как будто всё что-то ищет там и всё не находит.

К утру, однако, туча ушла, и мир вновь заблестал голубым и зеленым, вымытый, посвежевший, как после бани. Мокрая песчаная дорога легонько курилась под теплыми лучами; деревья, кусты, обдуваемые ветерком, стряхивали с себя прозрачную влагу. Захотелось прогуляться перед завтраком, подышать этой свежестью, ароматами омолодившихся трав и цветов. Тем более что это был один из последних в это лето наших дней в деревне.

Я прошел по дороге, оставляя на сыром песке четкие следы, свернул на тропу, скользкую, с темными лужицами и плавающими в них утопшими дождевыми червями.

Не доходя метров пятидесяти до дома Гавриловны, я заметил скособоченную, монотонно колышущуюся фигуру и признал в ней дядю Магдера. И тотчас остановился, забыв про воздух и ароматы.

Дядя Магдер косил. Как ни в чем не бывало, как будто ни о чем вчера не говорилось, он выкашивал траву перед калиткой Галины.

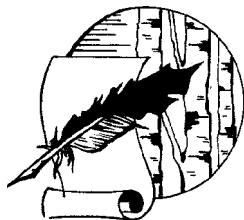
— Какое утро — ай-ай! — протянул он вместо приветствия. — Ты только послушай эту самую... как они верещат! Такая радость у них после дождика! — Опираясь на косу, он с умилением глядел вверх, на раскидистые кроны старых лип, откуда рассыпалось цветным горошком птичье разноголосье. И мне показалось: он сейчас запоет вместе с птицами.

Мне же самому вдруг сделалось грустно. Как-то даже горько. Но скорее не за дядю Магдера, не за то, что он по-прежнему обслуживает Галину, а за себя. Может быть, оттого грустно, что нам с Мариной скоро уезжать. Или оттого горько, что я не умею быть таким вот счастливым, как этот неутомонный восьмидесятилетний старик, переживший войну, потерявший всех своих близких и столько всего претерпевший.

— А погляди, какие облака! — вывел меня из оцепенения этот самый старик. — Это ж чудо!

Безотчетно и послушно я запрокинул голову и увидел облака. Пышные горы-облака медленно проплывали над деревней. Мы стояли внизу, крохотные среди крохотных домиков, заборов и яблонь, а они проплывали в голубой вышине, величаво и просто, даря всем без разбору свою красоту и тень.

— Вот докошу, — вернул меня на землю дядя Магдер, — и пойдем с тобой, Максим, эту самую... перьев чеснока нарежем. Возьмете с собой, обязательно. Это ж такое!.. чеснок!.. это ж лучшее средство от моли!

Валерий АВДЕЕВ

Валерий Николаевич Авдеев родился 26 декабря 1948 года в поселке Сынтул Касимовского района Рязанской области в многодетной семье врача и медсестры.

По окончании средней школы работал слесарем-монтажником на местном чугунолитейном заводе, служил в армии. Завершив учёбу на литфаке Рязанского государственного педагогического института, учительствовал в сельской школе, был редактором областного отделения издательства «Московский рабочий», заместителем директора бюро пропаганды художественной литературы, заведующим отделом поэзии ежеквартальника «Рязанское узорочье».

Печатался в журналах «Молодая гвардия», «Октябрь», «Смена», «Север».

Автор сборников «При своём деле» (1984, проза), «Сосновый хлеб» (1987), «Родня» (1988), «Трилистник» (1997), «Время высмолить лодку» (2003), «К путеводному свету» (2003).

Погиб 15 июля 2003 года.

ВЫШНИЙ СВЕТ

ДЕНЬ ПОЭТА

Общих слов наслушались мы разных:

Все они — обычная брехня!

Нынче вольно разметался праздник

За любовь, которая — моя!

Не терплю слашавых словоблудий,

Бархат не люблю и всякий шёлк.

...Вы-то сами испытали, люди,

По каким он перепутьям шёл?

Разве зря он пел избу простую,

Дух её с младенчества вобрав?

Разве зря, стеноя и тоскуя,
Он тянулся к половодью трав?
Вам бы улыбаться под гармошку,
Воспевая сытое житьё.
Ну а он-то, он не понарошку
Жизнь прожил и высказал её!

ЕСЕНИН

Не ушёл —
Такие не уходят
В мутные
Загробные края.
Вот он, вон
В осенней чаще бродит,
Чуб волнистый
Весело струя!
Без Руси
Ему бы стало тесно,
Без людей,
Без луга — не творить...
Не ушёл,
А растворился в песнях,
Чтобы с нами
Сердцем говорить...

ЕВГЕНИЮ МАРКИНУ

Это было не раз,
полубредом набитая ночка
Вдруг поднимет меня,
вижу — ты с папиросой сидишь.
Как же смог ты прорвать
тот загробный барьер в одиночку
И явиться ко мне
в эту тускло-дождливую тишь?
Фёдрыч, нужен совет,
то ли рифма, а то ли сравненьё
Не дают мне покоя,
и так ли я в жизни беру?
Укажи, коль не в такт
удаётся мне стихотвореньё,
Просквози мою душу,
как ветер на вешнем яру.

Лишь бы слово твоё,
что уверенно душу питает,
Замечанье какое
иль просто понятливый взгляд.
Мне сегодня вот этого, Женя,
взахлёб не хватает.
Я хотел бы вернуть всё,
но разве вернёшься назад?
Ты сидишь предо мной,
улыбаешься мальчиком взрослым,
Серебро почернелое
катится тихо со лба.
Но молчат навсегда
над клетинским зелёным откосом
И мудрёность твоя,
и шальная, как ветер, судьба!

* * *

Меня всегда
Коробили слова,
Рождённые в безудержном запале:
«Я Русь люблю!
Она вовек жива!» —
Я искренность тех слов
Приму едва ли.
Не стоит
О любви своей
Шуметь —
Завянут уши у рябин и ветел.
Ты запросто живи,
Чтобы и впредь
Никто твоей любви не заметил.
Но втайне умились у родника,
У ряской зацветающей бочаги,
У ботничка,
У ив,
У костерка,
У поля, что изрезали овраги.
В орешнике,
Где голубой прострел,
У лопухов над серыми венцами,
Над огородом,
Где ты порадел,
Чтоб вырастить картошку
С огурцами...

Стою на взгорье
С русским мужиком —
Не говорит он
О любви к России,
Но взгляд глубок и чист
Под козырьком,
И верю я его тоске
И силе!

* * *

Не кляню я Богом данную —
Уж какая есть! — судьбу.
Предлагай мне жизнь туманную,
Заграничную, обманную —
Видел я её в гробу.
Хорошо мне жить на севере,
Мне на севере легко.
В тимофеевке и клевере
Нежно зреет молоко.
Побежит оно из вымени,
Тонко дзенькая в ведре.
Отражён в коровьем имени
Мой поклон родной заре.
Хорошо сидеть у печки мне,
Представлять, как от избы
В небо прыгает овечками
Кудреватый дым трубы.
Хлеб печётся, сено мечется,
Земляники полон бор...
И не надо опрометчиво,
Глупо
 рваться за бугор.

ПОЛОВОДЬЕ

Мы ловим рыбку в вешних водах,
Летит ольховая пыльца.
Вода уже на огородах,
Вода у самого крыльца.

Сейчас никто не удивится
И не воскликнет:
«Вот те на!»,

Коль рыба плещет и резвится
В кустах сирени у окна!

Вода —
Кругом.
Деревья, птицы,
И лодки, и прозрачный лес —
Всё это виснет
И двоится
Меж двух огромнейших небес!

Представить запросто смогли бы
Себя в космической дали,
Когда б не крепкий запах рыбы
Да тяга
Матушки-земли...

РАДОСТЬ ОБНАЖЕНИЯ ВОДЫ

Буду я и мрачным,
И седым,
Выбреду с клюкой
На берег мая —
Радость обнажения воды
Всё же всколыхнет меня,
Я знаю!

Радость обнажения воды —
Это как любимой
Обнаженье.
Блеск, и свежесть,
И дурман движенья
Открывают,
Уплывая,
Льды!

Ветерка весеннего рука
Гладит волны
Бархатистой кожи,
В лоне берегов
Лежит река,
Будто бы любимая
На ложе!

УМЕНИЕ СВИСТЕТЬ

Я впервые полюбил
В семнадцать:
Девушка — мечтание одно!
Я уже умел и целоваться,
Но теоретически, признаться, —
Видел,
Как целуются в кино.
Мой любовный трепет
Был неистов,
Да вот только —
Экая беда! —
Ту девчонку
За калитку
Свистом
Надо было вызывать всегда.
Я ж совсем не знал
Такой науки —
Свист не получался...
И пока
Издавал я у калитки звуки
На манер шипенья гусака.
Изнывая от любовной тяги,
Я решил схитрить —
На всё пойдёшь! —
И купил свисток себе
В сельмаге:
Тоже свист —
Искусственный,
Но всё ж...
У калитки,
Под густою вишней,
Мой концерт был долог
И неплох...
Но девчонка
Всё-таки не вышла:
Разгадала, видимо,
Подвох.
Я упрямо за ученье взялся,
Злясь на неумение своё...
А под вишней
Кто-то заливался,
Трели сыпал,
Щёлкал соловьём,

Щебетал,
Разбойник ненавистный!..
Вдруг и свадьба —
Как не обалдеть?!
Вот когда я
Чисто,
Громко свистнул...

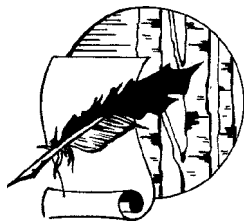
Научитесь вовремя свистеть.

* * *

Ночь поздняя,
А вот совсем не спится:
Мне вышний свет покоя не даёт.
Квадратную луну на половицах
Перекрестил оконный переплёт.

Цветы в стеклянной банке луговые
Мерцают,
Будто чем удивлены,
И наклоняют венчики живые
В лилово-серебристый свет луны.

В душе дрожит
Глубокая тревога —
Не та, что за последствия стихий,
А та тревога,
Что идёт от Бога
И от которой пишутся стихи...

Олег ИГНАТЬЕВ

НА СКВОЗНЯКЕ ЗЕМНЫХ СУЕТ

* * *

Мы на ветру знамёна развернули,
Поцеловав нательные кресты,
И дети к нам, как ангелы, прильнули,
В своей любви безгрешны и чисты.

Нам суждено идти из сечи в сечу,
Оборонять молитвенную Русь.
Чтоб с утренним туманом над поречьем
Истаивала в песне чья-то грусть.

За нами летних радуг семилучье,
Престол царей, пасхальный перезвон,
И грозный выплеск молнии блескучей,
Как Божьей рати натиск и заслон.

Её напор и доблестная сила,
Которую попробуй одолей,
Не зря на битву родичей водила
Орлиными просторами степей.

Плечом к плечу, как деды — стремя в стремя,
Промеж собой выравнивая строй,
Мы свято ощутили наше время
И купно влились в полк передовой.

В крови гудит Христовой веры пламя,
Брунжит струна преданий вековых,
И резво мчатся кони — с бубенцами
В летучих гривах и на сбруях их.

За нами Китеж-град и птица-Феникс,
Пред нами тьма, закутанная в дым,
И подлый враг, бахвалясь, ерепенясь,
Шумит о том, что он непобедим.

И не лисицы бешеные брешут,
Чужие глотки давятся слюной.
Змеиный яд охулок и насмешек
На злобе их замешан нутряной.

Опять горят леса родного края,
И мгла пожарищ, пламя истрепава,
Словно волчица старая, слепая,
На пепелищах гложет черепа.

Вот почему, сойдясь в набатном гуле
Плечом к плечу, среди высоких трав,
Мы на ветру знамёна развернули,
Нательные кресты поцеловав.

* * *

Поэт рождается поэтом,
Как ангел с именем людским,
Попутно окрылённый светом
И словом песенным храним.

Обласкан миром иль поруган,
Он так живёт, словно ему
Дано сойти с земного круга
Во Град Христов, а не во тьму.

* * *

Сирень, как в бусах, в утренней капели,
В цветных накрапах солнечного дня,
И птицы, словно целый век не пели,
Ждут похвалы, восторженно звеня.

Стучит состав товарный по-над речкой
И рельсы гомонят издалека,
Как будто дед мой мелко-мелко сечкой
На лавке крошит листья табака.

Степь собирает звуки отовсюду,
Ей дорог мир калиток и садов,
Наполненных густым пчелиным гудом
И хлестким перещёлком соловьёв.

Не утаю: мы с ней давно знакомы.
Когда её коснулся я руки.
Она мне показалась невесомой
И нежной, как дыхание ольхи.

Её отратно-ласковое имя
Хранит любви живые семена
К тем ерикам, что я зову своими,
К тем травам, что сердечно чтит она.

В её сказаньях — дух необоримый
И думки полуночные про то,
Что всё на этом свете повторимо,
И всё же нас не повторит никто.

Мы неподдельны, как цветные бусы,
Что подарил сирени майский дождь,
Весёлый, ясноглазый, светло-русый,
Лишь на себя который и похож!

В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПАРКЕ

Под липами, где листья пахнут прелью,
Где мокрый куст намохлил с утра,
Любимый в детстве уголок веселья
Насквозь продули хмурые ветра.

Мальчишки вездесущие ответят,
Что спятили кривые зеркала,
Всё в истинном показывали свете,
А лживых раздевали догола.

Их вывезли рабочие на свалку.
Аттракцион решили заменить.
Конечно, зеркала такие жалко
И жаль, что ничего не возвратить.

А я хотел сегодня посмеяться,
Бренчал деньгой разменной в горсти.
Не видеть мне весёлых деформаций,
Как летних радуг в кучу не сгрести.

И, смахивая листья со скамеек,
Мне верится, что я совсем не шут,
Когда хочу того, что не имею,
И не хочу того, что мне дают.

* * *

Любитель праздный звуков и созвучий
Сменив на лютню чашу со змеёй,
Не ведал я, что грусть медянкой жгучей
Ударит в сердце так, что — Боже мой!

Ни охнуть, ни вздохнуть — одни стенанья,
Бессонница и запах горьких трав,
Как будто, перепутав расписание,
Бреду впотьмах, от поезда отстав.

Шагать по шпалам — горе и мученье,
По осыпи — ещё куда ни шло.
Нелёгко путь земной во мгле вечерней,
Когда уходят силы, как назло.

Пока состав товарный прогрехочет,
Да литерный на стыках прогремит,
Как много в жизни сбудется пророчеств,
Которыми я был по горло сыт.

— Куда попал я, голова на шее?
Кто путнику ответит без вранья?
— В Хазарию! — подсказки не жалея,
Одёрнет ветер за руку меня.

— В Захарьево! — аукнется повтором,
И сразу ярче станет мглистый свет,
Как будто на разъезде сяду в скорый
«Иркутск — Москва», знакомый с детских лет.

* * *

Валерию Хатюшину

Душа колеблется, как пламя,
На сквозняке земных сует,
И лишь поэту за словами
Неугасимый виден свет.

Пусть взор его порой печален,
Пусть даже петь он перестал,
Поэт не может быть раздавлен
Могильной тяжестью креста.

Не сам настраивал он лиру,
Не сам, когда ещё был мал,
Решил идти навстречу миру —
Господь позвал и голос дал.

* * *

Задумка вражья нехитра:
Добраться — в целях растерзанья! —
До церкви русской, до ядра
Национального сознания.

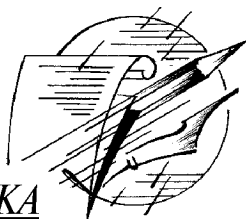
Да только злыдням Дух Святой
Подмять ли силою закона,
Когда наш храм Своей рукой
Господь создал «во время оно»?

г. Москва

ЗАБЕГ ВОКРУГ КУРИЛ

Волна комментариев, пояснений, исторических справок, хлынувшая в последнее время от искушённых специалистов и не очень в средства массовой информации, как это ни удивительно, так и не смогла до конца вылиться в чёткое понимание в обществе ситуации с Курильскими островами и перспективы её трансформации в ту или иную сторону. «В ту сторону» — это значит к заключению формального мирного договора с Японией с отторжением российских островов, «в иную» — оставить всё как есть и не расчёсывать присохшую ссадину.

Если слушать комментарии из наших «верхов», то складывается впечатление, что оттуда ведут с обществом разговор глухого с немым. У власти явно до сих пор нет внятного объяснения, зачем затеяны переговоры, грозящие потерей российской территории и водного пространства вокруг неё. Например, пресс-секретарь президента Д. Песков во всеулышание по телевидению (передача «Москва, Кремль, Путин») даёт ошеломляющее обоснование потребности в мирном договоре: «Нам нужно завершить Вторую мировую войну».

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Казалось бы, чего проще — открыть учебник по истории и узнать, что Вторая мировая война на самом деле была завершена подписанием Японией полной и безоговорочной капитуляции 2 сентября 1945 г. Непризнание её территориальных итогов Японией — это исключительно её проблема. Как писали классики: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

В свете таких вопиющих заявлений пресс-секретаря президента приходится, как на дополнительном занятии для неуспевающих учеников, вновь повторить два факта: статья 1-я Совместной декларации 1956 г., к которой так прикипели душой лидеры России и Японии, гласит: «Состояние войны между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией прекращается... между ними восстанавливается мир и добрососедские отношения». Вроде бы всё предельно ясно — мир провозглашён и, более того, в том же 1956 г. ратифицирован парламентами обеих стран, иначе говоря, приобрёл силу закона. То есть уже 63 года мы с японцами официально состоим в мирных отношениях. О *добрососедских* отношениях и о том, что они подразумевают в японском понимании, должен быть отдельный разговор. И второй — самый главный: мирный договор на деле означает получение Японией Малой Курильской гряды (гряды Хабомаи и острова Шикотан) — на первом этапе. Весь этот хоровод именно для того и затеян, во всяком случае японцами. Однако, по замыслу Токио, движение к заветной цели ради дипломатической тактики следует расфасовать на два этапа. Сначала — острова Малой Курильской гряды, а затем двигаться дальше к заветной цели — требованию и потенциальному получению более значимых в военном и в экономическом отношении островов Большой Курильской гряды: Кунашира и Итурупа. Прибратъ к рукам все эти острова, пусть не сразу, а «в рассрочку» — национальная установка Японии, вполне официальная, имеющая силу закона. Для этого уже сейчас в преддверии второго этапа переговоров внедряется идея их «совместного хозяйственного использования», причём руководство России покорно на это идёт.

Но если Москва не сможет настоять на том, что эта установка, охватывающая все «северные территории», должна быть официально отменена, то это будет означать одно — Россия осмысленно подставляется под дальнейшие, более «загрёбуемые» требования. Вопрос, в какой форме произойдёт (если произойдёт) отмена этой установки, очень важен. Одно дело, если премьер С.Абэ при встрече с глазу на глаз с В. Путиным прошепчет ему на ухо, в приступе «подлинного доверия», такое признание. И совсем другое — если это будет сде-

лано официально, на государственном уровне и публично. Для начала следует настаивать на том, чтобы парламент Японии отменил закон, в котором упомянуты «северные территории» как часть Японии. Не должна сложиться абсурдная ситуация, когда японцы в какой-то по-азиатски изощрённой форме признают российский суверенитет над островами, но и оговорённые своим законодательством островные претензии оставляют в неприкосновенности.

Д. Песков, являющийся в некоторой степени голосом президента России, продолжает удивлять, корректируя самого себя в зависимости от стадии переговоров. Если ранее он оправдывал заключение мирного договора тем, что «нам нужно привлекать инвестиции, выстраивать отношения в области высоких технологий с этим очень важным партнёром», то ныне все меркантильные соображения оказываются как бы забытыми и несущественными. По Д. Пескову, теперь «речь не о том, чтобы что-то отдать или что-то получить, а подписать мирный договор». Дело обстоит ровным счётом наоборот: получение островов Малой Курильской гряды (для начала) — это и есть по японским меркам стержень мирного договора, его смысл и неперемный императив, а вот что Россия получит — это для всех остаётся пока в тумане. Очевидно, что в Кремле дальше мечтаний по этому поводу не идут. Если поверхностно воспринимать сентенции Д. Пескова и кое-какие комментарии депутатов Госдумы (естественно, от «Единой России») и прикормленных журналистов, то получается, что Россия просто из благодушия хочет иметь некую формальную бумагу общеполитического назначения под названием «мирный договор», которая будто бы каким-то образом сама по себе утрясёт или обойдёт спор с японцами. Вроде как можно будет с облегчённым вздохом повесить этот документ в рамке на стену и любоваться на него, считая историческую задачу выполненной. Но стоит обратить внимание на то, что в Кремле и в МИДе неуклюже замалчивается, как же будет выглядеть в мирном договоре центральный вопрос — о так называемых «северных территориях»: в случае признания принадлежности островов России, отдаём их всё-таки или нет? По всей видимости, Малая Курильская гряда запрятана в недрах переговорной позиции России (чтобы не возбуждать российскую общественность), именно ею и, соответственно, её акваторией готовы в итоге пожертвовать. Эта жертва лишь пока придерживается, оговаривается психологически и политически непростыми, но преодолимыми условиями, будучи единственным российским козырем, за который будет выторговываться из сферы экономики и техноло-

гии то, что мерещится Москве. Японцы эту игру хорошо понимают и не нервничают — помимо островов вся остальная начинка мирного договора для них вторична, если вообще имеет какое-то значение. Переиграют они в этом Москву легко, захотят выполнять то, под чем подпишутся, — будут, не захотят — не будут, никто заставить не сможет. Тем более, что в главном изменений нет: российское руководство хоть и недовольно хмурит брови на публике в ответ на вызывающие и самоуверенные эскапады Токио и лично С.Абэ по поводу островов, даже вызывает «на ковёр» посла Японии, но при этом, как зомбированное, послушно повторяет за японским премьером, что «отсутствие мирного договора — ненормальное явление». Хотя — и это показательно, что до сих пор ни один японский политик не сообщил, чем же ещё, кроме получения островов, Япония хотела бы насытить текст будущего договора, чтобы вывести отношения на «качественно новый уровень» и утвердить в них атмосферу и практику «подлинного доверия».

Особенность нынешнего момента по теме будущего Курил — повсеместно выдвигающийся Москвой на первый план термин «суверенитет». Именно на это понятие власть и переводит сейчас внимание российской общественности, демонстрируя свою переговорную жёсткость. Так и неясно, то ли это реальное препятствие, то ли уловка. Вот уже премьер С.Абэ в предвкушении получения островов заявляет, что размещение там американских военных объектов может произойти только с согласия Японии. Фактически перефразируя Д.Пескова, японский лидер нас заверяет, что «автоматического размещения американских баз там не будет». Заметьте — он даже не обещает не давать такого согласия Вашингтону в принципе, да и о потенциальном развёртывании на островах собственных военных объектов помалкивает. Неужели наш МИД безропотно проглотит и не учтёт этот самоуверенный японский демарш на переговорах в Мюнхене?!

Отправная формула на переговорах с Японией, которой успокаивают нашу общественность: «Сначала пусть признают наш суверенитет над островами, то есть территориальные итоги Второй мировой войны, всё остальное потом». Вопрос ещё и в том, распространяется ли это требование на все острова Курильской гряды (Большой и Малой) или только на те, которые названы в Совместной декларации: Хабомаи и Шикотан. Это — принципиальный вопрос. Только настояв на полном и безоговорочном признании российского суверенитета над ВСЕМИ Курильскими островами как итога Второй мировой войны, с их скрупулёзным перечислением, можно поставить точку в ситуации, которую искусственно создали японцы.

А создали они нехитрую конструкцию. Во всём мире, и в первую очередь у России, одно представление о том, что такое Курилы как географическое понятие, какие острова в них входят, а у Японии для удобства её переговорной позиции есть Курилы и отдельно есть «северные территории». Якобы они: гряда Хабомаи, острова Шикотан, Итуруп и Кунашир, относятся к острову Хоккайдо, а не к Курилам. Поэтому «размытые края» в признании Токио всеобъемлющего российского суверенитета как над Малой, так и над Большой Курильской грядой допускать нельзя.

Понятно, что даже если японцы ради получения суверенитета начнут давать какие-то ограничивающие их заверения по части распоряжения островной территорией и прилегающей громадной акваторией, верить им, конечно же, не приходится. Их рыболовы уже сейчас в нашей 200-мильной экономической зоне в районе Малой Курильской гряды хозяйничают, точнее, браконьерствуют по-наглomu. А как же они тогда станут вести себя, имея такую охранную грамоту, как мирный договор?! По их традиционным представлениям, поворот в ситуации даёт им право изменять в одностороннем порядке и дававшиеся ранее обязательства. Ни о какой нашей коррекции Японии в её распоряжении своим суверенитетом над островами и окружающими их водами можно и не мечтать. Сейчас японцы просители, а потом мы с ними помеемся местами — разницу нетрудно уловить.

Но если Москва настаивает, как это и должно быть, на признании японцами нашего суверенитета над всеми Курилами (не забыть ещё и про южную часть Сахалина!), то такая позиция при всей её исторической справедливости всё же не гарантирует, что острова Малой Курильской гряды так и останутся российскими. А если японцы пораскинут мозгами и найдут для себя и для российских переговорщиков удобную, обтекаемую формулу признания российского суверенитета над ними, что тогда? Как честные люди будем вынуждены жениться? То есть всё же отдать острова? И получается, что наше требование признать их на данный момент российской территорией — отнюдь не сейфовая дверь с невысказанно сложным замком, гарантирующим сохранность послевоенного территориального размежевания. Абэ, при должной и умелой обработке японского истеблишмента и населения, сможет его открыть одним поворотом ключа. Для того чтобы предотвратить этот взлом, у Москвы должна быть в переговорном арсенале формула ещё проще, базовая: «Острова — российские и таковыми и останутся, с мирным договором или без него». И сразу не надо будет гадать, чей на них распростра-

няется суверенитет и в какой форме. С гарантией можно будет сказать, что пылкий интерес Токио в лице С.Абэ к заключению мирного договора развеется, как «с летних яблонь дым». Снова заживём спокойно и не будем терзать нервы ни нашей, ни японской общественности. Как говорится, «лучше кошмарный конец, чем кошмар без конца».

В. Путин говорит нам, что «предстоит кропотливая работа по формированию условий для выхода на взаимоприемлемое решение». Он упомянул и о том, что это «решение должно быть приемлемым для народа России», который в массе своей категорически отвергает эту сделку. Поэтому можно понять и так, что эта кропотливая работа будет направлена также и на приучение общественного мнения России к невинности будущего мирного договора в отношении наших интересов на Дальнем Востоке, к оправданию принесения в жертву Малой Курильской гряды ради пробуждения у Японии неких абстрактных дружественных чувств к нашей стране и выпрашивания у неё высокотехнологических подачек.

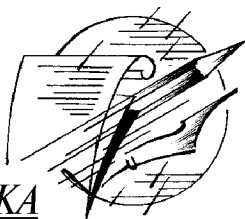
Недавний опрос ВЦИОМ россиян по поводу передачи островов Японии показал, что 80% твёрдо против этой затеи. Можно и не проводить обязательный по Конституции РФ референдум на согласие урезания границ нашего государства. Собственно, и переговоры, с учётом активного и такого массового неприятия населением перспективы нарушения территориальной целостности России в пользу Японии, по хорошему, должны были бы быть свёрнуты, заморожены, а лучше — прекращены. Да и вообще им не стоило начинаться без выяснения мнения граждан России. Но защитники Курил (а тем самым и национального достоинства России) в своих лозунгах, с которыми они выходят на площади: «Курилы — наши!», «Курилы — русская земля!», всё же делают смысловую ошибку. Это сейчас они пока ещё наши, под нашим суверенитетом, мы все это знаем и в этом не сомневаемся. Правильнее было бы заявлять так: «Курилы были и будут нашими!» А можно и вообще сжать все лозунги в один — «Хрен вам, а не Курилы!» Может быть, всё же стоит когда-нибудь начать внедрять такие откровенные послания из глубины русской души, как пел В.Высоцкий, «для осознания и просветления» в деле её понимания нашими дальневосточными соседями?

Regnum

СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

Ностальгия по Советскому Союзу огромна. Это связано не только с постоянным ухудшением жизни буквально по всем значимым параметрам. Люди все лучше и лучше понимают, что они потеряли. Разумеется, и возвышение СССР и его падение — случились не без санкции Господа Бога. Однако было ли это благословением Божиим или Его попущением? Такие вопросы для историка-христианина чрезвычайно трудны. Не навязывая своей точки зрения, мы считаем, что и в случае возникновения Советского строя, и в случае его уничтожения действовало не попущение, а явная воля Божия. Для того чтобы это показать, мы, оставив в стороне многие важные вопросы (например, национальный), постараемся высказать главное.

А главное заключается вот в чем: основное преимущество социализма перед капитализмом — в общественной (государственной) собственности на средства производства. Этим самым был нанесен сильнейший удар мамоне за все времена. Ибо мамона подчиняет себе людей через обладание, через желание иметь больше, чему в огромной степени спо-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

собствует частная собственность. Конечно, полной победы над мамоной не произошло, поскольку желание иметь побольше тлело в душах многих людей. Но социализм этому желанию долгое время не давал разгореться и полыхать в виде непрекращающегося социального пожара, как это имеет место при капитализме.

Именно ради этой победы Господь благословил новый строй. И действительно, Октябрьскую революцию, распространение власти большевиков по всей стране следует рассматривать как совершённое Господом чудо. И в самом деле, один батальон правительственных войск в октябре 1917 г. — и мы бы о большевиках ничего не слышали. Но вот не нашлось такого батальона! Хотя в условиях войны это видится более чем удивительным. И дальнейшие победы в Гражданской войне, а после и в Великой Отечественной войне только подтверждают тот покров Божий, который распространила над Советской Россией Богородица.

Остальные преимущества советского социализма по сути дела вытекают из этого основного свойства социализма — общественной собственности на средства производства. Прежде всего — справедливость. Она была реализована в СССР хотя и не абсолютно, но в гораздо большей степени, чем где-либо при капитализме. Дециль в 1968 г. составлял 2.7, что и близко не было достигнуто ни в одной капиталистической стране. Но высокий уровень справедливости возможен только на основе общественной собственности, и никак иначе.

Другое завоевание социализма — запрет на бесстыдство (после 1925 г.), сатанизм и вопиющую пошлость в культуре и искусстве. При капитализме этого достичь нельзя, ибо капитализм в основном живет продажей греха и поэтому его всячески раздувает.

Еще одним преимуществом советского социализма оказалась построенная на базе общественной (государственной) собственности экономическая система. Она, как показала история, была намного эффективнее капиталистической. Причина — плановое хозяйство, которое позволяло гораздо более рационально расходовать ресурсы — и натуральные, и денежные и людские.

О трудовой мотивации. При капитализме мотивация одна — иметь больше и больше, благо никаких ограничений не предполагается. В Советском Союзе существовали ограничения на богатство, в принципе сопоставимые со святоотеческими рекомендациями: необходимый достаток — хорошо, но имение сверх необходимого осуждалось. Точнее, дос-

тичь изобилия могли только люди, сделавшие выдающийся вклад в развитие страны (т.н. «открытый счет» в банке). Но, кроме того, советский человек имел мотивацию служения Родине, своей земле, народу. По сути дела, это была мотивация любви к ближнему, мотивация солидарности, чувства единой семьи, в которой он живет. И это была отнюдь не демагогия — эти мотивы воздвигали людей на великие подвиги, как трудовые, так и ратные.

Надо сказать, что для создания общества более высокого, чем капитализм, одной общественной собственности недостаточно. Необходима еще власть, поддерживающая строй общественной собственности. В этом смысле сочетание советов, регулирующих управление на местах, и партии, объединяющей всех, оказалось успешной задумкой (позже роль советов была свернута). Она обеспечила тот социализм, который Ленин, пусть и немного прагматично, характеризовал так: «Социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией». Именно эта «монополия» и позволила СССР иметь невиданные при капитализме темпы роста экономики.

Возникшее доверие к власти в сочетании с неуклонным ростом благосостояния обеспечило уверенность в том, что народ стал считать эту власть своей. И не без основания, поскольку исчезла необходимость расталкивать друг друга локтями. Следствием стала высокая солидарность и уверенность в завтрашнем дне, что очень помогло в потрясающей по своей трагичности схватке с нацизмом.

Безусловно, СССР набирал силу. Великая Победа в Великой Отечественной войне настолько сплотила народ, что казалось бы, социализму еще жить и жить... Но тем не менее Советский Союз развалился, а советский социализм погиб. И в этом видна не случайность, а воля Господа. Что же означает разрушение СССР?

Это означает, что Господь, ранее благословив существование и могущество Советского Союза, разрушил его, когда тот перестал выполнять свое назначение, ведь в истории всё, что перестает отвечать замыслу Господа, в конце концов разрушается Его сильной рукой. Какие же грехи обусловили столь неумолимый суд Божий?

Может быть, ГУЛАГ? Об этом без усталости говорят наши демократические СМИ. Грех, конечно, тяжелый, и оправдывать его нельзя. Но Советская Россия преодолела этот грех — ГУЛАГ ликвидирован за 45 лет до советской катастрофы, он осужден обществом, его жертвы (виновные и даже

невиновные) были реабилитированы — так сказать, общественное покаяние произошло, и, может быть, это единственное хорошее деяние Хрущева. Так что основную причину, думается, надо искать в другом

Как сказано выше, главный смысл советского строя заключался в создании стены, защищающей русский народ от власти мамоны. Значит, к моменту развала советский строй изменил свою сущность, перестав оберегать народ от сребролюбия и жажды наживы. Почему это произошло?

Главная причина катастрофы — государственный атеизм. Вот тот тяжелейший, фатальный грех, который подкосил советский строй. К сожалению, являясь одной из фундаментальных основ марксистской идеологии, он в разной степени существовал во все периоды жизни СССР. В том числе и в последний — период загнивания. Действительно, хотя начиная с 1938 г. расстрелы верующих и заключение их в ГУЛАГ почти прекратились, но не прекратились гонения на церковь — началась война Хрущева с приходами и храмами, и он даже грозился показать по телевизору «последнего попа».

Собственно, для верующего сознания причина гибели очевидна: дом советского социализма был построен на песке атеизма. Понятна и сама логика катастрофы: социализм являет нам общество высокое, опирающееся на самые светлые стороны человеческой природы. Но такое общество не может долго существовать без Божией помощи. Ибо добро и истина в падшем человеке должны возобновляться, а пополнить их можно только через канал связи с Богом. Общество может жить и на человеческих добродетелях, но лишь какое-то время. Это как ноутбук — при подключении его к электрической сети он может работать очень долго, но если отключить питание, он, проработав несколько часов в автономном режиме, отключится. Марксистская идеология СССР с самого начала оборвала связь с Богом, а время его автономного жития, как оказалось, было равным лишь 74 годам. И вот тогда, после катастрофы, уровень человеческой падшести показал себя во всей «красе». Недаром С.Н. Булгаков говорит о «религиозной природе» социализма: только религиозный, ищущий Бога социализм жизнелюбив. В этом кардинальное его отличие от капитализма, который эксплуатирует самые низкие, присущие падшему человеку стороны, апеллирует не к Богу, а ко греху, к мамоне, т.е. к сатане. В этом мамонизме-сатанизме и заключается секрет устойчивости капитализма. Устойчивости, разумеется, временной — вспомним предсказанный в Апокалипсисе суд над вавилонской блудницей.

Сказанное выше подтверждает и сама история разрушения советского социализма. Она началась с идеологии. Идеология стала рушиться в связи с приходом шестидесятников. В 70-е годы автор (будучи аспирантом ВЦ АН СССР) воочию убедился, насколько далеко зашла коррозия марксистской идеологии — очень многие ученые АН (если не большинство) были скрытыми диссидентами. Над официальным «учением» смеялись, травили многочисленные анекдоты, причем диссидентство было отнюдь не славянофильского толка, а откровенно западно-либеральное. Вся работа по коммунистическому воспитанию подрастающего поколения превратилась в демагогию. В 80-х годах, думается, что, видя происходящие процессы деградации, уже почти никто всерьез в марксизм-ленинизм не верил.

Соответственно этому происходила коррозия партии. Безусловно, в начальный период СССР партия играла исключительную роль в жизни страны. Туда стремились наиболее честные и жертвенные люди. В Великой Отечественной войне погибло около 4,8 млн. членов партии — больше половины всех потерь на фронте. Но в 60-е годы партия стала претерпевать негативные изменения. Полезли карьеристы, ибо система была такова, что сделать карьеру партийным было гораздо проще. К началу перестройки людей, которые стремились не послужить Отечеству, а преследовали свои эгоистические интересы, оказалось значительное большинство (хотя в ней всегда оставались честные, болеющие за страну люди). Высшее руководство партии или не понимало, что происходит (Брежнев), или было скрытыми разрушителями (Яковлев, Горбачев).

И в это же время начал возникать тёмный слой советского общества — теневая экономика плюс прослойка антикоммунистов и ненавистников советского образа жизни. Этот теневой слой быстро разрастался при практически полном попустительстве партии и властей — крупные партийцы и руководители производства сами составили сердцевину этого слоя. Складывалась такая ситуация, большинство элиты — партийной, хозяйственной, культурной — оказались в этом теневом слое, который фактически стал темным двойником всего Советского Союза. Там возникли вполне мамонистские отношения с оглядкой на Запад. Руководители управляли громадными предприятиями, но, согласно идеологии, не могли владеть ими. Значит, чтобы овладеть собственностью, нужно было сломать идеологию (уже превратившуюся в демагогию) и затем ликвидировать общественную собственность и сломать общественные отношения, которые были

выстроены на ее основе, установив капиталистические порядки. До поры до времени теневики затаились, оставив всю советскую социальную структуру нетронутой. И до сих пор многие с огромной симпатией вспоминают поздний СССР. Но вот сбросил маску Иуда Меченый, и они поняли, что пора выступать.

Заметим, что чисто теоретически, в конце 80-х было возможно построение обновленного социализма на основе христианской веры, т.е. построение христианского социализма. Но практически это было невыполнимо — к этому совершенно не были готовы ни партия, ни церковь. Оставался только путь в омут капитализма. Он и реализовался в контрреволюции 1990—1991 годов.

Разрушительным смерчем прошла контрреволюция по Советской России. По самым скромным подсчетам около 10 млн. молодых и здоровых людей легло на кладбище, «не вписавшись в рынок». От большого российского пирога отрезали больше половины (по населению) земель. Но самое страшное, что этот пирог был разрезан по ширине, так сказать, по начинке. Мерзкий лозунг Ельцина «Обогащайтесь!» означал, что предлагалось два пути. Один — грести деньги лопатой, но аморальным способом: просто присваивать то, что было создано невероятным трудом другими, фактически стать вором, бандитом, примкнуть к уже сформировавшемуся темному капиталистическому слою. И другой — остаться честным человеком, за которого государство больше не в ответе: живите как можете, но платить зарплату оно не обязано.

В результате образовалось два больших класса. Люди одного класса, которым разрешили грабить, с воем кинулись это делать. Из них возникли наши депутаты, олигархи, бизнесмены, хорошо устроившиеся рантье, чиновники и все, которые сумели вовремя к ним примкнуть — в общем, верхушка общества. Этот класс образовал, если мерить по моральной шкале, нижний слой современного общества, хотя и всплыл наверх и стал властвовать и хозяйничать.

Впрочем, у этого класса было, так сказать, «подбрюшье» — люди, желающие разбогатеть, но не достигшие этой цели, — различного рода авантюристы, жулики, неудачливые предприниматели и пр. В общем, «люмпенбуржуазия». Таких и сейчас пруд пруди.

Другой класс составили «совки» — воспитанные советским строем граждане, которые продолжали честно работать, несмотря на созданные для них невыносимые условия. Учителя продолжали учить, хотя школу и высшее образование упорно разлагали, врачи продолжали лечить, хотя средства

на медицину сжимались, как шагрeneвая кожа, инженеры продолжали налаживать реальное производство, военные, те, которые были верны своему долгу, по-прежнему защищали Родину, честные милиционеры боролись с преступностью. И благодаря именно их самоотверженному, мужественному труду Россия не была уничтожена. Она выжила, хоть и осталась искалеченной. Перед неопределенным до сих пор подвигом «совков», спасших в 90-е годы Россию от неминуемой гибели, наш народ должен преклонить колени.

Да, здание советского социализма было построено на песке атеизма. Это тяжелый просчет, обусловивший его гибель. Но сама архитектурная задумка была верной. Ведь уже стало до очевидности ясно, что альтернативный путь, путь капитализма со стопроцентной вероятностью ведет к уничтожению России (и православия). Может быть, в этом знании и состоит духовный смысл сегодняшнего периода. А также в осознании того, чем социалистический проект может быть кардинально улучшен, — надо строить на камне веры во Христа. Иначе говоря, по-прежнему актуален проект православного социализма. Дело за немногим — за решимостью.

ПОПУТЧИКИ

РАССКАЗ

Август шлёпал босыми ногами по асфальту вокзального перрона. Близилась календарная осень, но жаркое лето и не думало уступать холодам. Станция «Голутвин», как всегда, была похожа на растревоженный муравейник. Людские ручейки двигались по эстакадам и линиям перронов, водоворотами закручивались у дверей небольшого вокзала. Голос характерной диспетчерской интонацией раздавался из динамиков, грохотали мимо товарные составы, шипя, раскрывались и закрывались двери электричек; в общем, царил обычная привокзальная суматоха.

Зуев уже сидел в вагоне электрички и наблюдал из окна за людьми. Судя по седой голове, ему перевалило уже за шестьдесят. Но вот так прямо назвать его стариком было нельзя. Иван Николаевич, скорее всего, выглядел мужчиной красивого старения. Высокие скулы и заметная линия острого подбородка только молодили его. Он был одет в элегантный замшевый пиджак, претенциозные выцветшие брюки и никак не выглядел мужчиной старческих лет.

ПРОЗА

Вдруг внезапная картина за окном хлестнула его по глазам, наполнила короткой и острой болью. На перроне стояла Ирина — живая и красивая, и ветер трепетал в её вьющихся светлых волосах и складках лёгкого платья. Но вот девушка обернулась, солнечный блик скользнул по её лицу — и это уже была не Ирина. Она и не могла ею быть, потому что его Ирина умерла много лет назад.

Зуев вытер неожиданную испарину на лице и глубоко вздохнул, стараясь успокоить тревожно пульсирующее сердце. «С чего это? — пронеслось в голове. — Как можно так обознаться?! Столько времени прошло... И где твоя юность?»

Поезд тронулся.

Электричка отправлялась в Москву.

В Коломне пятигорский экспресс не останавливался, так что Зуеву ещё раз предстояло проехать знакомым путём.

Когда электричка подошла к Казанскому вокзалу, его пятигорский поезд стоял на своём пути. В купе он был пока единственным. В окно вагона уже заглядывал вечер. Солнце устало провожало уезжающих. Платформа, легко вздохнув, отдыхала от летней жары. И уже чувствовалось, что не за горами то время, когда небо затянется серой шалью и на землю ляжет долгая-долгая зима.

Купе заполнилось как-то разом. Соседи поднимали нижние полки, укладывали чемоданы и сумки. Всё обошлось без споров и обид. Хотя, на первый взгляд, вещей было столько, что, казалось, их не уложить и в целом вагоне. Всё рассовали, убрали, на виду остались только пакеты с продуктами. От них запахло копчёностями, душистыми яблоками и сладкими подмосковными грушами.

Начали знакомиться. Место на верхней полке на половине Зуева досталось молодому военному. Выглядел он почти юношей. Если бы не военная форма с лейтенантскими погонами, ему вряд ли можно было бы дать больше двадцати лет.

Напротив расположились две женщины. Одна — молодая, с кудрявыми рыжими волосами, в джинсовых брюках. Другая — деловая и в возрасте. Но выглядела неплохо. Лицо смуглое, без морщин, красивое. За привлекательной внешностью угадывался решительный характер.

Молодого лейтенанта звали Андреем, рыженькую с кудряшками — Зоей, а вторая женщина представилась Анастасией.

Зуев любил такие путешествия, такие встречи, когда в считанные часы незнакомые вроде люди становились близкими и даже родными. Поезд летит в даль далёкую, сквозь время, сквозь бесконечные русские просторы, а в нём, в этом поез-

де, складывается свой мир — под присмотром рачительной проводницы, которая должна забрать билеты и выдать постельное бельё, да и чаем напоить. Сегодня она что-то запаздывала. Зоя выглянула в коридор, посмотрела в обе стороны и сказала:

— Нет никого.

— Титан, наверно, разогревает, — предположила опытная Анастасия.

— На службу едешь, сынок? — поинтересовался у своего соседа Иван Николаевич.

— Да нет, по личным делам, — уклончиво ответил лейтенант.

— Наверное, за невестой? — попытался угадать Зуев. — А потом куда-нибудь вместе на Камчатку?

— Женат я уже, — улыбнулся военный и показал старику правую руку с обручальным кольцом. — Дома она. Скоро наследника мне родит.

— Ну и правильно, — одобрил Зуев и улыбнулся. — Такое дело — чем раньше, тем лучше.

Он хотел ещё что-то сказать, но в купе вошла проводница.

— Вот вам, мои залётные, свежее бельё, — заворковала с порога хозяйка вагона, улыбнулась всем широкой улыбкой и ловко бросила два пакета около мужчин, два других — около женщин. — Платить за него не надо: оплата входит в стоимость билета. Теперь посмотрим ваши билетки...

А поезд уже миновал Коломну, вырвался за город и летел серой стрелой мимо старых заводских кварталов. Уже мелькнула стрельчатая готика Голутвина монастыря, сверкнула под мостом широкая Ока, миновало Щурово с его «византийским» храмом, а впереди уже показалось таинственное Чернореченское лесничество, когда-то воспетое самим Куприным...

Иван Николаевич философски произнёс:

— Надо же, жили до этого, друг друга не знали, — и вот вместе едем, в одном вагоне. Может, пройдёт время, и каждый ещё не раз вспомнит этот наш «круиз». Я вот, например, с пацанских лет люблю путешествовать. Мне в вагон что заскочить, что выскочить — без разницы.

— А я часто езжу по этой дороге, но ни разу ни с кем не пришлось встретиться по второму кругу. Это сколько же народа едет! — заметила Зоя.

— Челночница, что ли? — поинтересовалась Анастасия.

— Да какая там челночница?! — возмутилась молодка. — Еду домой, к маме, за ребёнком. Он всё лето у неё. А теперь

вот надо в школу готовить. Как будем жить? — вздохнула Зоя. — Мы ведь со Стасиком вдвоём. Отец от нас ушёл в другую семью. Как бизнес завёл, денежки появились, — так мы стали ему больше не нужны.

— Что, совсем не помогает? — удивилась Анастасия.

— Да помогает... — тихо отозвалась женщина. — Но это такие крохи...

И повлажнили её глаза...

Сменялись вечерние пейзажи за окном, постукивали на стыках колёса, а в купе звучала обычная история. Денег еле на еду хватает, а надо ещё ребёнка в школу собирать, и с работы не уйдёшь, а работа — укладчицей, и в тридцать лет уже руки болят, и непонятно, как до пенсии дожить...

Но только зашёл разговор о пенсии, Анастасия не выдержала и разразилась по адресу правительства такими сложными и непечатными выражениями, что даже Зуев с молодым человеком смутились.

— Ты-то молодая, — говорила она, сцепив подрагивающие пальцы. — А мне вот, к примеру, что делать? Не в пенсии дело — на неё, знамо дело, не проживёшь: всё равно придётся горбатиться, пока можешь. Но всё же была хоть какая-то подачка от государства, так и её эти... отобрали!

— А я вот что хотел сказать, — вмешался в разговор Зуев. — Конечно, какую ни возьми историю — везде виноват мужчина. Но это не совсем так. Тут вопрос в психологии. Здесь дело больше не в том, что все мужчины подлецы, просто мы не любим жить спокойно и тихо.

Анастасия не выдержала и, как вихрь, налетала на него:

— Ну ладно: женщину ты разлюбил, а ребёнок в чём виноват? Да если бы и мы так поступали, человечество давно бы вымерло. Слабаки вы по жизни, вот что я скажу!

Но тут из коридора послышался голос проводницы. Она разносила чай.

— А не пора ли и нам стол собрать? — встрепенулся Иван Николаевич, уже пожалев, что вступил в разговор. — А ну, пойдём, командир, на рекогносцировку, — и они вдвоём с Андреем вышли в коридор.

Стол накрыли такой, что хоть свадьбу справляй! Копчёная курочка, с десяток яиц, помидоры, огурцы, аккуратно нарезанный карбонад, дюжина домашних пирожков... Много даже не поместилось на крохотном пространстве стола. Андрей включил местное радио. И по купе полилась знако-

мая музыка. Зоя вспомнила:

— Так это, кажись, из фильма «Русское поле». Там ещё Мордюкова играла!

— Золотой фильм! — согласился Зувев. — Какое время было! — вздохнул он. — Ведь почему тогда легче жилось? Да потому что родину любили! А сейчас кругом одно предательство и нищета...

А за окном, словно в подтверждение его слов, расстилались некошенные поля, навевая непонятную грусть.

Под музыку еда пошла бойчее. Скоро от курочки остались только косточки. Одним стаканом чая тоже не ограничились: бегали за кипятком по нескольку раз.

А из динамика всё звучали и звучали новые мелодии. Все оживились, когда запела Пугачёва:

*За окном сентябрь
Провода качает,
За окном с утра
Серый дождь стеной...*

Анастасия немного поуспокоилась, и за горячим чаем как-то сам собой сложился её рассказ о другом сентябре, почти таком же, как нынешний, только много лет назад.

Она только-только вышла замуж. Было, вроде, всё хорошо. Быстро забеременела. А тут вдруг у мужа появилась сумасбродная идея: переехать жить к его родителям на Украину, в Донецкую область.

— Богдан, да как же так? — расплакалась она. — У нас всё тут устроено: квартира, работа, да и мне скоро рожать. — Она сложила руки под животом. — Какой тут переезд? И как я там одна буду? Языка вашего даже не знаю.

— Почему одна? — продолжал он её уговаривать. — Мы вдвоём. Да и поедем не в чужие края, а к моим родителям. И какой «язык» ты ещё придумала? Донецк — это же русский край. Да и украинским не стоит смущаться. Пару недель поживёшь — и лучше меня на мове разговлять будешь!

Богдан нервно ходил по комнате. Ему явно не нравилось, что жена не соглашалась с ним. Но от своего намерения не отступал. «Уговорю! — думал он. — Куда она, беременная, денется?»

Но Анастасия продолжала настаивать на своём. Ей казалось сейчас, что она не только за себя сражается, но и за того маленького человечка, который уже зародился внутри и который обязательно потом у неё спросит: «Мама, а зачем ты так поступила?»

— Я понимаю, — соглашалась она с ним: Украина твоя родина, но и я тоже не без родины живу! — выкрикнула она. — Ведь это большой грех — оставлять свою землю. Здесь у меня всё! И могила моей мамы, между прочим. Мне её тоже бросить? Без меня же всё здесь зарастёт травой!

Слово за слово — и поругались они: глупо, нелепо, на пустом месте.

И он ушёл. Беспорядочно покидал в чемодан свои вещи и, хлопнув дверью, вышел из дома. Только в прихожей остановился и крикнул напоследок:

— Дура!

Рожала Анастасия действительно одна. Сына назвала Сергеем. Богдан больше не появился. Ни через год, ни через пять лет — никогда. Поступил работать на отцовскую шахту, начал новую жизнь, женился на другой, дочка появилась.

— Тяжело это простить, — поглядывая в окно, тихо сказал Зуев.

— Да некого прощать, Иван Николаевич... — с каким-то надрывом отозвалась Анастасия. — В четырнадцатом году отдыхали они на пляже, а тут украинский самолёт... Ну и покрыло всю семью — всех троих разом. Не послушался он тогда меня... а я ведь чувствовала: ничего хорошего из этого переезда не получится. И как в воду глядела...

Тишина повисла в купе, только слышно было, как позвякивают стаканы в подстаканниках.

— Ну а вы, Иван Николаевич? Далеко ли едете? Небось, к внукам в гости? — спросила Анастасия, смахивая молчание, словно паутину.

— К дочери, — с какой-то важностью уточнил Зуев. — Никогда её не видел. Даже не знал, что она у меня есть.

— Вот тебе и новость, — удивилась Зоя. — Как это — «ни разу не видел»?

— Да вот так, — грустно усмехнулся мужчина. — Позвонили с телевидения, сказали, что меня разыскивает дочь. Как меня нашли — ума не приложу! Проверили — всё подтвердилось. Вот и еду сейчас к ней. Вроде вины моей нет, а всё равно как-то не по себе.

— Как это «вины моей нет»? — возмутилась Анастасия, нахлебавшаяся горя на своём бабьем веку. — Бросил семью, а теперь...

— Да погодите вы мерить всех своим аршином! — возмутился Зуев. — Не женат я был! Служил в тех местах. Дружили с ней... Она в общежитии жила. Тоже, как и я, детдомовская. Думали, отслужу — вместе жить будем. А получилось по-другому... Когда до дембеля оставалось несколько месяцев, при-

ехали к нам в часть «покупатели» из Сибири, с «ящика». Искали квалифицированные кадры для работы на режимном предприятии. Жильё обещали... Я и согласился. Ирине, конечно, всё рассказал. Ну, мы и решили: как только квартиру получу, так сразу же вернусь за ней. Ни про какого ребёнка она мне не говорила. Ну, а там, в Сибири, всё завертелось, закружилось... Сибирские девчата бедовые. И опомниться не успел, как женился. Виноват, конечно: Иринке даже открытки ни разу не написал. Думал: ну что, жена она мне, что ли? Но долго в Сибири я, конечно, не задержался. Я ведь парень головастый был: заметили, послали учиться в московский вуз. А когда закончил — направили меня работать в Подмосковье. Тамара, моя жена, к тому времени родила мне трёх пацанов. Дом построили. Сад вырастили, парней на ноги поставили. И тут такой звонок из прошлого... Собрали мы семейный совет, обговорили всё и порешили: надо ехать...

— И сколько лет вашей дочери? — поинтересовалась Зоя.

— Да как тебе, наверное... — смерив взглядом женщину, ответил Зуев.

— А Ирина одна живёт?

— Нет больше Ирины... Умерла она, — мрачно ответил собеседник.

— Ну, хорошо, что так всё закончилось, — вздохнула Зоя. — А то умер бы и не узнал про родную дочь.

— Да какая она ему родная! — резко возразила Анастасия. — Из роддома не забирал, на руках не носил, в школу не водил... Да что там говорить: даже не помогал. Эх, вы, мужики!

Анастасия была прямолинейна.

Лишь один Андрей заступился за старика:

— Ну, ладно вам, чего вы накинулись на человека! Он вам душу раскрыл, а вы его в самое больное место...

Долго ехали молча. Зуев был сосредоточен и отрешён. А за окном неожиданно пошёл дождь, в небе заворочались грозы. Людское молчание и звуки грома словно соперничали друг с другом.

Иван Николаевич сидел, пряча глаза. Откровенный разговор словно перевернул всё у него в душе. Он заново передумывал жизнь... Какая-то невидимая граница оказалась пройденной. Это раньше он всегда радовался тому, что Бог столько времени даровал ему для жизни. А сейчас вдруг впервые подумал: а жив ли он вообще? Может, его сердце перестало биться ещё тогда, когда он обманул свою Иришку? И любил ли он вообще свою жену? Может, всё в его жизни было пусто-

той? Куда-то бежал, чего-то накапливал, а самого главного не достиг... Без любви — это разве жизнь? Ему ли сегодня светит солнце, идёт зимой снег, расцветает весной душистыми шапками сирень?..

Сердце стучало тяжело. Жаль было Ирину, жаль было и жену Тамару, которая ни в чём не виновата. Как он посмотрит в глаза дочери, что скажет ей в своё оправдание? И вообще, нужно ли было ему ехать?

Он стиснул зубы, накинул на плечи пиджак и вышел в коридор. Здесь шла своя жизнь. По коридору вагона бегали дети, и Зуев, стоя у холодного окна, иногда оглядывался на их радостную суету. Один мальчик остановился около Ивана Николаевича и спросил:

— Дедушка, а ты что такой грустный? Тебя кто-нибудь обидел?

— Да нет, внучок... Никто не обидел. Это дождь за окном виноват. Потому что на душе так.

Вдруг дверь соседнего купе открылась и оттуда выглянула красивая женщина.

— Васёк, ты чего к людям пристаёшь? — И, обратившись к Зуеву, спросила: — Он вас замучил, наверно, своими вопросами?

— Напротив, — ответил Иван Николаевич. — Он пытается исцелить меня от меланхолии.

— Не печальтесь. Всё у вас будет хорошо! Пошли, сынок.

Юный незнакомец широко улыбнулся Зуеву и отправился вслед за матерью.

От улыбки ребёнка на душе полегчало. Иван Николаевич вернулся в купе и услышал весёлый голос Андрея.

— Чаю хочется. Вам принести кипяточка?

— Не откажусь.

Парень вернулся с чаем. Анастасия не удержалась и любопытствовала у него:

— Ну а ты к кому едешь, Андрей? Если это только не военная тайна.

— Да какая там тайна? На родину к деду еду, — признался лейтенант. — Вот везу книгу Лермонтова в его родную библиотеку.

— И всего делов? — удивился Зуев.

— Это на первый взгляд кажется, что это маленькое дело, а на самом деле оно огромное, как человеческая жизнь, — интригующе ответил ему Андрей.

Все повернулись к парню одновременно с интересом и недоумением.

Лейтенант задумался и начал свой рассказ негромко, слово вглядываясь в глубину памяти.

— Мой дед был на войне с самых её первых дней. Многое он мне про неё рассказал, особенно в связи с книжкой, которая прошла с ним всю войну. Слушая его воспоминания, я уже тогда думал: вырасту и обязательно стану военным!

Деда призвали в армию перед самой войной. Когда собирали вещмешок, кто-то из домочадцев положил... томик Лермонтова. Было бы это в войну, никто бы этого не сделал. Какие там книги! А тут мирное время...

Занесло его из родного Пятигорска на Дальний Восток. Там и застал начало Великой Отечественной... А попал он в знаменитую 32-ю дивизию Полосухина. И непростая это была часть — отлично укомплектованная, обстрелянная. Она очень хорошо показала себя под Халхин-Голом. С тех пор Сталин и держал её на Востоке: на случай нового вторжения японцев.

Но когда стало ясно, что Япония на Союз не двинется, Ставка решила перебросить дивизию на Западный фронт.

Когда война грянула, деду было столько же лет, сколько мне сейчас. Я вот всё думаю — что он чувствовал тогда, в солдатской теплушке, в поезде, который мчался по бескрайней стране...

Отправили их под Ленинград. Рослые сибиряки в полубудках должны были деблокировать осаждённый Питер. И вооружены они были не в пример остальным частям. Достаточно сказать, что у них на вооружении было восемьсот с лишним автоматов, а тогда это оружие было редкостью в наших частях.

Но в октябре сорок первого под Москвой стало совсем плохо... Немцы совершили страшный прорыв, остатки советских войск дрались в так называемых «вяземских котлах», а дорога на столицу оказалась почти без прикрытия.

И дивизию полковника Полосухина, пятнадцать тысяч сибиряков, перебросили под Можайск, в самое пекло. Там ещё народ был: и курсанты, и добровольцы. Но беда оказалась в том, что силы пришлось «размазывать» по всему фронту в 50 километров, а это даже для полнокровной полосухинской дивизии много. Но делать нечего: вгрызлись в землю и приготовились к жестокой драке. И символично, что фронт прошёл по Бородинскому полю, тому, на котором Кутузов встречал Наполеона по дороге на Можайск. Удивительно всё совпало: и место оборонительных сооружений, и даже штаб

Полосухина расположился как раз в том месте, где когда-то командовал сам Кутузов.

Даже французы были в составе немецких войск — пара батальонов в летнем обмундировании...

Говорят, что наше командование раздало по воинским частям русские знамёна 1812 года, которые не успели вывезти из Бородинского музея. Многие сошлось вновь на Бородинском поле, и с обеих сторон понимали, что обратного пути нет.

Так началась страшная мясорубка. Ряд за рядом покрывали русскую землю солдаты французского легиона. Русские и французы стояли насмерть. Немцы пёрли со всей дури, не только потому, что бесноватые командиры гнали их вперёд, но и оттого, что чувствовали: ещё один удачный прорыв — и Москва покорится. А наши ребята вцепились в родную землю и не отступали ни на шаг. И если артиллеристы батареи Раевского, дивизии Лихачёва, Неверовского, Коновницына казались далёкими тенями, то в эти шесть дней они как будто вернулись в Бородино...

Всё поле было завалено трупами убитых и замёрзших, и с нашей стороны картина рисовалась не лучше. Дед мой, глядя на трупы, разорванные в кровавые ошмётки, есть даже не мог. А прошло уже несколько дней, и он еле держался на ногах. Спас его пожилой старшина, сибирский охотник, который взял своего рода шефство над парнем.

Запомнилось, когда однажды на полевую кухню привезли макароны, смёрзшиеся от холода. И старшина заставлял моего деда сделать глоток водки из фронтовых ста грамм, и после каждого глотка совал ему в зубы кусок этих чёртовых макарон...

Страшное дело — война. Звучит банально, особенно для тех, кто не нюхал пороха. А когда человек напрямую сталкивается с кровавой грязью, он начинает понимать, что значат эти слова. Дед рассказывал, как кричали на поле боя раненные французы и немцы. А потом переставали кричать, потому что вытащить их не было никакой возможности, и они просто замерзали, там, у Бородина.

Общее дело сближает людей; есть такое понятие — фронтовая дружба. Но война ведь такая штука: сегодня у тебя есть друг, а завтра... Старый охотник, который его опекал, в бою был постоянно рядом: палил из противотанкового ружья, а дед из автомата лупил по немецкой пехоте. И вот: раздался взрыв. Искорёженный ПТУР отлетел в сторону, а старшине

осколком полголовы снесло, так что кровь и частицы мозга забрызгали деду лицо.

А он... А что он? Утёрся варежкой и продолжал стрелять.

Почти неделю грохотал этот ад. Дорогой ценой было заплачено за эти шесть дней. Но жертвы того стоили. Из-за таких боёв и Москва устояла.

Так вот, когда немцы дрогнули и отступили с поля боя, части 32-й дивизии отвели с передовой, и полосухинцы, что называется, переводили дух, дед, вытащив из вещмешка, раскрыл книгу Лермонтова, и в тесноте, при свете печурки, читал своим товарищам по взводу «Бородино»: «Да, были люди в наше время... Богатыри...»

Бойцы поднимали головы и прислушивались к словам. Раненые просили: «Почитай ещё. Ведь это про нас...»

Несколько раз пришлось ему читать эти строки: снова и снова. А потом и другие стихи пошли. И тогда бойцы стали просить: «Слушай, браток, вырви мне одну страничку... Мне от этих стихов на душе теплее станет. Война ведь ещё длинная... Не скоро ей конец будет...»

И незаметно том Лермонтова похудел.

Но дед, вырывая странички из книги и вручая тому, кто остался жив, приговаривал: «После войны обязательно верни в мою библиотеку. И не вздумай помереть!»

И каждый эту страничку клал в карман гимнастёрки, где бережно хранил фотографии матери, жены, детей...

А деду осталась потрёпанная книга в потёртой синей обложке, вот эта, которую сейчас держу в руке. И вроде как талисманом она ему стала. Был покалечен, но остался жив. Ранение было тяжёлым: пол-лопатки разорвало осколком от мины. Вначале один госпиталь, затем другой, комиссовали по ранению... Но книгу удалось сохранить. Берёг её всю жизнь. Только отвезти в библиотеку, как планировал, как-то не получалось. В Пятигорск не вернулся: уехал на родину голубоглазой медсестрички, которая его полуживого вынесла с поля боя. А на родину съездить здоровья, да и времени не хватило...

И только перед самой смертью дед поручил это мне. Мы созвонились с той библиотекой. И оказалось, что из этой книги к ним поступило семь страничек! Семь полосухинцев выжили; в память о них эти страницы в музей передали. Не хватало только самой обложки с печатью библиотеки. И вот я теперь везу эту книжку...

— Выходит, ты как будто из того батальона будешь? — задумчиво сказал Зуев, когда лейтенант закончил свой рассказ. — Вроде как их наследник?

— Выходит, так, — согласился Андрей. — Честно сказать, мне тот Бородинский бой временами снится — будто я сам в том дедовском окопе сижу...

Ночь летела за окнами.

Все притихли, и никому не хотелось продолжать разговор. Да вроде всё уже и сказано.

Жаркое летнее солнце насквозь пронизывало вокзал Пятигорска, перед его стеклянными стенами высились стройные ели, на площади ждали пассажиров автобусы и маршрутки. Анастасия и Зоя прощались со своими попутчиками с улыбкой, в которой чувствовалась горчинка грусти — о том, что они уже никогда не встретятся с теми, с кем свела их судьба.

Прощаясь, Зуев вдруг почувствовал нежданную нежность к парню и по-отечески обнял его. Тот улыбнулся, козырнул спутникам и отправился своей дорогой. Распрощались и остальные трое... Зуев остался один, оглядываясь по сторонам.

И тут внезапная картина обожгла его вторично: у начала платформы стояла его Ирина... Да нет, конечно! Иренина дочь, Татьяна, стояла и вглядывалась в него, и ветерок играл складками её платья и прядями светлых волос. А рядом с ней кружился белобрысый мальчуган, точь-в-точь похожий на него, Зуева, каким он был много лет назад. Что-то защемило в глазах у Ивана Николаевича...

Тут Татьяна наклонилась к мальчишке и с улыбкой показала на Зуева. И внук, что-то крикнув, стремглав побежал к деду. И тёплая волна воздуха толкнула Ивана в самое сердце.

г. Коломна Московской обл.

ТУВИНСКИЙ ЗАЯЦ

РАССКАЗ

Генеральный секретарь Тувинской народно-революционной партии Салчак Тока, учась в Москве, подружился с одним генералом из соседней Монголии.

И вот однажды генерал со свитой прибыл в гости в столицу Тувинской Народной Республики — Кызыл. Генеральный секретарь решил порадовать гостя чем-то необычным. Но чем? Природой генерала не удивишь — в Монголии не хуже; дворцов, памятников архитектуры в Кызыле нет. Да и после красавицы-Москвы с ее Кремлем, Красной площадью, собором Василия Блаженного разве можно этим удивить? Остается одно — роскошный стол. Благо при нем служил хороший повар — кореец по имени И Го.

Генеральный секретарь пригласил И Го к себе в кабинет:

— Скажи, чем можно порадовать дорогого гостя? — спросил у корейца.

Повар задумался. Любое блюдо он мог хорошо приготовить, поэтому пожал плечами и тихим голосом со скромным достоинством ответил:

— Как скажете, Салчак Колбахо-рекович, а я постараюсь. Вы меня знаете.

ПРОЗА

— Знаю, знаю, — доброжелательно сказал генеральный секретарь.

Он не спеша встал с удобного кожаного стула, медленно вышел из-за большого красивого дубового стола, неслышно ступая по толстому ковру с тувинским орнаментом, подошел к повару и положил ему руку на плечо. Тока знал этого сухощавого, сутулого и способного корейца уже много лет — с тех пор, когда И Го пришел с Сибирской армией командиров Щетинкина и Кравченко в Урянхайский, а теперь Тувинский край.

— И Го, сколько дней вы шли из Красной республики Степного Баджея до Белоцарска? — задал генеральный секретарь традиционный уже в их отношениях вопрос.

Кореец улыбнулся, он знал, что Большой дарга задаст этот вопрос.

— Тридцать четыре, Салчак Колбахорекович.

— Тридцать четыре, — удовлетворенно повторил генеральный секретарь. Он покровительственно улыбнулся своему повару, снял руку с его плеча и не спеша прошелся по ковру, заложив руки за спину. — Знаю, знаю, — задумчиво и доброжелательно повторил Тока... — Баран ему и дома надоел, марал у них тоже водится... Рыба, балычок, икра? У тувинцев и у монголов эти блюда не в большом почете, хотя, конечно, на столе и они будут — на закуску. А вот, так сказать, основное блюдо?! Вокруг которого и разговор должен оживиться и чтоб запомнилось оно надолго. — Генеральный секретарь замолчал подошел к широкому окну, и посмотрел на серую, отливающую сталью под хмурым октябрьским небом реку.

В кабинете было хорошо натоплено, но Салчак Колбахорекович зябко поёжился. Он, глядя на ледяные воды Улуг-Хема (Енисея), вспомнил, как в детстве, в своем урочище, ходил на охоту. Не от хорошей жизни, конечно, он пошел на охоту в тот холодный день с пронизывающим ветром и снегом — есть было нечего. И ему повезло — вернулся с добычей. Мама тут же зажарила длинноухого. Он ел зайца, облизывал пальцы, и ему казалось, что в мире нет ничего вкуснее...

Салчак Колбахорекович вернулся к своему столу.

— А зайца можешь приготовить?

— Могу, — не задумываясь ответил И Го. — Только у нас зайцев нет.

— Будет, иди, — генеральный секретарь снял тяжелую трубку большого черного телефона, сказал по-тувински. — Мерген, поймай зайца и отдай повару. Немедленно! — Тока плавно опустил на рычаг трубку. Задумался.

По распоряжению большого начальника был снаряжен отряд из десяти всадников министерства обороны ТНР. Всад-

ники, проскакав по пыльной центральной улице мимо первого в городе двухэтажного здания, бывшего переселенческого управления, на балконе которого когда-то любил пить китайский чай царский комиссар по делам Урянхайского края Григорьев, выехали к войлочным юртам, стоявшим на краю столицы. Старший — полковник Мерген Оюн подскочил к ближайшей юрте, плёткой огрел лаявшую собаку и спросил у хозяина, выглянувшего из-за тонкого войлочного полога, прикрывающего вход:

— Зайцев где-нибудь в округе видел?

— Да, да, — закивал радостно хозяин юрты. — Вон там, у подножия тех гор, — он показал рукой на невысокую, из песчаника, горную гряду, покрытую карагатником.

Полковник отпустил уздечку, хлестнул по крупу низкорослого монгольского жеребца, вынул из ножен шашку и понёсся галопом. Если честно, то работы у полковника Мергена Оюна, несмотря на его высокую должность в государственстве — начальника личной охраны самого генерального секретаря, было немного, и поэтому он рьяно старался выполнить каждое редкое поручение члена президиума Малого Хурала ГНР. Ко всему прочему, он, как и каждый настоящий тувинец, любил охоту. Потому и понеслись на всем скаку всадники под его началом, оставляя после себя выбитую копытами дернину да клубы пыли. Мерген несколько не сомневался, что выполнит приказ большого начальника — хоть из-под земли, но найдет и загонит зайца. Единственное, что его беспокоило в приказе Салчака Колбахорекевича — слово «немедленно!» Сколько это «немедленно» — час, два, день? И не осерчает ли он, если «немедленно» генерального секретаря не совпадет с его «немедленно»?..

К счастью для полковника Мергена Оюна, уже у березового колка, который находился на полпути от юрты до гор из песчаника, всадники вспугнули косога. Заяц оказался крупным с длинными сильными лапами, которые понесли его прочь. Но длинноухий уже почти отлинял и выделялся ярко-белым пятном на серо-желтом фоне невысокой травы, полусъеденной и вытоптанной овцами еще летом.

И потому заяц вскоре был загнан и почетно доставлен на кухню к корейцу И Го.

У корейца И Го на кухне был порядок идеальный, хотя помощников у него имелось всего двое. Два Василия. Один — русский парень, истопник, водовоз и поварёнок в одном лице. Второй — огромный сибирский кот Васька, сторож провизии. Васька ловил мышей, и, конечно, был любим небольшим коллективом кухни.

И Го с детства любил кошек, но на Сахалине, где он родился, их большая семья еле-еле сводила концы с концами — на детей еды не хватало. Потом пришли японцы, и И Го с родителями переехал на материк. На материке с десяти лет он начал работать на кухне у трактирщика — богатого корейца Кима. Потом началась революция и гражданская война. И Го ушел от Кима к партизанам. За годы войны он постепенно перекочевал в Восточную Сибирь, откуда вместе с Сибирской армией красных командиров Щетинкина и Кравченко, в которой он служил поваром, пришел в Урянхай, где и обосновался в Белоцарске — маленьком, но столичном городке края, где в основном проживали русские, но где, к своему удивлению, он встретил скромную и сразу запавшую в душу коряночку, выросшую в бедной русской семье, — Машу. Поженились. На краю городка И Го вырыл землянку, рядом разбил огород. Теперь, казалось, можно было и кошку завести, но его пригласил на работу сам генеральный секретарь, партия которого к тому времени пришла к власти в Урянхае, а потом начали рождаться дочери и, хотя огород и кухня давали достаточно пищи, чтоб прокормить большую семью, землянка была тесной. На настоящий же дом средств не хватало.

Так маленькая детская мечта о кошке и осталась бы не осуществленной, если бы однажды в дверь кухни не постучал мальчик-оборваныш и не попросил хлеба. И Го пожалел его, накормил, потом нагрел воды на плите. И вот тут, когда мальчишка снимал свои лохмотья, кореец услышал странный звук: жалостливый и тихий. И Го сунул руку в лохмотья и вытащил из них маленький серый комок, который испуганно замяукал, пытаясь уцепиться острыми коготками хоть за что-нибудь, а так как кроме руки корейца, которой он держал котенка на весу, поблизости ничего не было, котенок вцепился в руку И Го. Кореец от неожиданности вскрикнул, но тут же засмеялся и прижал беззащитное животное к себе.

Оборваныш смыл грязь и оказался белобрысым русским мальчиком.

— А я думал, что ты китайса, — пошутил И Го. — А звать тебя как?

— Вася.

— Откуда ты, Вася?

— Из Верхне-Никольского. Подхребтинского района.

— А родители где?

Мальчик стал смотреть в окно, по щекам потекли слезы.

— А его как звать? — Кореец с улыбкой посмотрел на прижавшееся к нему крохотное существо.

— Васька, — сглотнув ком, застрявший в горле, сказал мальчик...

Заяц был крупным. И Го положил освежеванную тушку в чан, залил ее холодной колодезной водой, добавил уксуса. Конечно, можно было сделать проще: сначала отварить зайца, а потом сверху обжарить — так было бы гораздо быстрее, но вкус был бы совсем иным. И Го не мог себе этого позволить. И даже не потому, что ему генеральный секретарь или кто-то из гостей сделал бы замечание, — заяц был бы всё равно вкусным, а потому, что со времени работы у богатого корейца Кима он привык всё делать на совесть, чтобы не было повода даже в мыслях, даже во сне себя в чем-то упрекнуть.

Через три часа И Го вернулся к зайцу: достал его из чана, нашпиговал тушку бараньим жиром, натер солью, обложил чесноком, луком и только ему известными очищенными и нарезанными кореньями, полил маслом и поставил в духовку жарить.

— Вася, прикрой поддувало и пока дров не подкладывай, — сказал он своему помощнику.

Во время жаренья И Го поливал зайца с ложки соком, образовавшимся на противне.

Наконец заяц был готов. Повар поставил аппетитную тушку на стол остывать. Оставалось его только переложить на красивое блюдо, украсить зеленью и добавить соуса. К зайцу И Го решил приготовить не менее пяти соусов. Вася во дворе рубил дрова, поэтому он сам пошел в кладовую, где хранилась провизия, чтобы выбрать нужную для особого привкуса соуса траву, которая в засушенном виде пучками висела под потолком.

И Го был доволен собой: и заяц прожарился равномерно и в меру, и трава у него была заготовлена впрок, и порядок у него был отменный — на кухне и в кладовой, и помощники у него хорошие: мешки все целы, не прогрызаны, да что там говорить, мышами здесь даже и не пахло. И Васе уже можно поручать готовить некоторые блюда самостоятельно — хороший парень: аккуратный и уважительный, настоящий повар получится...

И Го задумался: «Вот и старшая дочка Аришка подрастет, симпатичная, вся в мать, не успеешь оглянуться — и уж замуж невтерпеж. Это и хорошо. Лишь бы парень хороший достался. Вот Вася. Хоть и русский, а работающий, как кореец... — И Го вздохнул. — Вот только жить им негде».

И Го давно уже собирался поговорить с большим начальником, Солчаком Токой, чтобы ему помогли с кругляком и дали разрешение на строительство. Лучше на том же месте. Поставил бы сруб вокруг землянки, крышей накрыл, окна пропилил, рамы вставил, а там бы разобрал старую землянку

ку, пол настелил, а на месте землянки погреб бы соорудил. Всем бы места хватило, и Аришке с Васей. «Ну всё, сегодня пусть гуляют, зайца едят, а завтра пойду к самому Токе», — решил для себя И Го.

Повар выбрал траву для добавки в соусы, наложил в ковшик густой сметаны, вернулся на кухню и, еще закрывая за собой входную дверь, услышал знакомый звук. Звук, к которому он привык за много лет и потому на который не сразу обратил внимание. И Го прошел мимо плиты к большому столу, поставил на него ковшик со сметаной, положил пучок травы и лишь после этого посмотрел в ту сторону, откуда раздавался звук. Посмотрел и замер от увиденного.

Кореец на мгновение умер, потом вдруг сердце его опять забило, кровь ударила в голову и, не помня себя, И Го, схватив разделочный острый нож и рубанул по шее урчавшего от удовольствия кота, пожиравшего зайца.

Когда Вася с охапкой березовых полешек вошел на кухню, он удивился тишине, стоявшей там. Его шеф, которого Вася почитал за приемного отца, хоть и старался всё делать без лишней суеты и уж тем более без лишнего шума, своей неутомимой ежесекундной, ежеминутной работой создавал на кухне особую атмосферу созидания, в которой обязательно присутствовали звуки режущего ножа, размешивающей ложки, бульканья варева на плите, щипения на сковороде или потрескивания дров в печи.

На кухне стояла непривычная тишина и лишь редкие капли, ударяющие о чисто вымытый деревянный пол, словно ход часов, напоминали о том, что жизнь продолжается, что время идет, независимо ни от чьего желанья его остановить или тем более повернуть вспять.

Вася положил дрова возле печи и подошел к корейцу, сидевшему на большой кастрюле с крышкой возле стола, на котором лежал заяц с обглоданной задней лапой, а рядом на боку вытянулся кот. Из-под кота стекала кровь, которая большими красными каплями падала со стола на пол. Кореец сидел, опустив голову в натруженные неутомимые руки, и был недвижим.

— И Го, — тихо сказал Вася. — Папа! — в следующий момент вырвалось у него. — Папа! — Парень опустился на колени перед поваром и неумело обнял его за плечи.

Кореец И Го словно очнулся, отстранил Васю, встал, осмотрел стол, на котором лежали заяц и убитый кот. Времени до ужина генерального секретаря с монгольским генералом оставалось уже немного.

«Пока начнут, разомнутся закусками, поедят под водочку с лимоном кровяной колбасы, тут и поспеет», — размышлял повар.

— Вася, обдери кота, — сказал И Го...

Стол был великолепен. После конной прогулки с генералом аппетит у генерального секретаря был просто ошеломляющим.

«Да, повезло ему с поваром, повезло», — размышлял, довольный, Салчак Колбахорекович. Генералу из Монголии тоже всё очень нравилось, и особенно понравился заяц.

— Какой жирный, — говорил гость, уплетая основное блюдо и покачивая головой от удовольствия. — У нас в Монголии заяц не такой.

— Это тувинский заяц! — с гордостью за свой прием, за свое государство, за своего повара-корейца И Го сказал Тока...

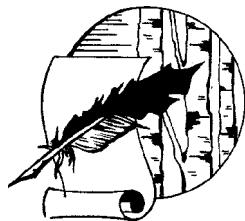
На следующий день, после бессонной ночи, кореец И Го пришел на прием к начальнику личной охраны генерального секретаря полковнику Мергену Оюну и попросил, чтобы его уволили. Уговоры полковника Оюна и Солчака Токи, к которому повар был приглашен, не подействовали. Причину, по которой он увольнялся, кореец И Го никому не сказал.

Лишь через пятнадцать лет, после того, как ТНР добровольно вошла в состав России, мой отец, направленный служить в республику и живший на квартире у корейца, узнал про этот случай.

Вася женился на дочери И Го Арише, работал поваром в обкоме партии и получил большую благоустроенную квартиру в том районе, где проживали одни «шишки». А потом его забрал с собой в Москву приехавший с проверкой в Туву большой человек из Центрального Комитета. Говорят, что в умении готовить Вася превзошел самого И Го.

А И Го, похоронив свою единственную любовь — кореянку с русским именем Маша и вырастив дочерей, которые разлетелись кто куда, доживал свою долгую жизнь один, в землянке, построенной еще в пору своей молодости и революционных преобразований, от зари до зари копошась в своем огороде. Кошку он так и не завел и от предложений переселиться к кому-либо из дочерей отказывался — не мог жить без своего огорода.

А когда, заболев, слег, Василий Игоревич увез его все-таки в Москву, определил на лечение в стационар 4-го Медицинского Управления, где он и умер. Похоронили корейца И Го на московском престижном кладбище.

Наталья РАДОСТЕВА

Наталья Радостева родилась и живет в г. Воркуте. Окончила Московскую государственную юридическую академию. Возглавляла Воркутинское городское литобъединение «Сполохи».

Автор стихотворных книг «Приворот» и «Звёзды в ладонях», лауреат IX Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2018). Публиковалась в журнале «Дон», в газетах «Литературная Россия», «Поэтоград», «День литературы», в альманахе «Глагол».

БЕЗ КРАЯ И МЕРЫ

* * *

От важных деяний —
До страстных желаний,
От пашен, от чёрных грачей —
Раздвинь занавески дымов и сияний
Моих заполярных ночей!

От гордых вокзалов,
Где я не бывала,
Где ты — сам себе голова;
От слов, что шутливо тебе прошептала, —
До шёпотной веры в слова.

От веры — до веры
Без края и меры,
Взрывая судьбы берега,
Явись, презирая чужие примеры,
Где люди винили снега.

ПАПКА

Хожу поминать часто. Сиж у могил долго.
Как не было б там мокро, и не было б мне зябко.
Но лишь у одной плачу и сердце стучит колко.
Но лишь на одной — в голос... Где папа лежит, папка!

Что с юности слыл гордым. Что тряпками звал вещи.
Что в минус любой стужи едва поднимал ворот.
Сильнее, чем он, — щёки, побрившись, меня хлещет
Ветрами пурги Север, где строил он наш город.

Прости, не курю, папка. Могу помянуть водкой;
Как ты, подвязав уши ушанки своей пышной...
И пусть МЧС гонит, пугая штормов сводкой,
Сиянье сочит небо, позёмка шуршит слышно.

В угоров кольцо мог бы пьянить нас с тобой воздух.
У печки сейчас жил бы, смолил «Беломор» утром.
Собаке трепал уши, колодезну пил воду.
Но вышло — уйдя рано, межзвездно молчишь мудро.

У дочи твоей дерзкой опять против зла схватка.
За правду и честь — насмерть. Гордился бы мной, знаю.
И верит она детски — Наталка твоя, Натка —
Прости атеизм, Боже! — Отмолит тебя в мае.

Кому же ещё в рай-то, когда не таким честным?
Когда не таким смелым с прищуром твоим умным?
Мне так без тебя пусто, так в теле моём тесно!
Лечусь от тоски грешной лишь светом твоим лунным.

* * *

А я молюсь Пантелеймону.
Он мне в мгновение помог,
Когда впервые от иконы
Христа
К нему направил Бог.

И прошептала-то две строчки,
И повторила с пару раз,
Но как в миру — без проволочек —
Он враз откликнулся и... — спас.

Першенье, жженье, кашель...
Бабки
Заозирались на меня, —
А я от службы, взглядов, давки,
Всё ощутив и всё поняв,

Уже хрустела по морозу,
В своей одарена судьбе.
И больше не было вопросов.
Совсем. Ни к Богу. Ни к себе.

ПРИВОРОТ

За водою на колодец не от жажды, а со смыслом —
Почерпнула. Пригубила блики солнца из ведра.
Ощущаю, как изящна, умиряя коромысло,
Как колышется водица выше уровня бедра.

Редкий случай, где походка не стремительна, а — павы,
Где на статные берёзы смотришь — словно им под стать.
И песком искрится тропка, по краям которой травы:
Вышла в люди — окрылиться, день из лучиков сверстать.

Улыбнусь, коль кто приветлив, а смурного не отмечу.
Если ж с поводом проводят, через сени в дом войдя, —
Из ковша подав напиток, и настырного привечу.
Не без шуток отвечая. Глаз вприщур не отводя.

Первой мне не предлагайте, вслед хлебнуть — себе дороже.
Не без вызова раскрою: это был бы приворот!
Ещё бабушка учила — пить за кем-либо негоже,
От глотка воды за кем-то — к несвободе поворот.

Пусть не каждого и жалко, не рискуйте зря — пустое.
Не сгублю грехами душу — паутин любви не вью.
Не настаивайте. Смелость мне доказывать не стоит.
Всё равно — не убедите. Всё одно — не отопью.

Уж и так ресничный трепет ловит плавные движенья.
Как зачерпнута водица. Как с улыбкой подана.
Без воды приворожила. А не будет продолженья —
Не чудесницы проказы, не кудесницы вина.

ИЗБА

Кверху мехом тулуп
На лежанке печи.
В свято-красном углу
Свет лампад и свечи

На иконах — игрой
В полумраке теней,
Где вечерней порой
Хор молитв обо мне.

А на круглом столе
Самовар на семью.
Сахар снега белей
Я вприкуску запью.

Сочни горкой тепла,
Маконина, блины
Ближе к центру стола —
С жару принесены.

Не считаю года
По седин белизне,
А прошу погадать
Мою бабушку мне...

Подольёт в кипяток
Нам кагор с хитрецей.
Чуть свободно платок
Обрамляет лицо.

Разрумянят покой
Семь сошедших потов.
Загорелой рукой
Мне раскинет вальтов.

Я в колени уткнусь.
Мой диванчик — что трон.
Нагляжусь. Нашучусь.
Напоюсь в унисон.

Как люблю этот дом!
Половиц ширину,
Яркость шторок и тон,
Что подходит к окну,

Гнотость ножек резных —
Простоты непростой,
И часов заводных
Кукованья настрой.

Разве не ритуал —
Гирьки вверх подтянуть?
И взгрустнуть у стола...
И кого помянуть...

Вятский говор и смех:
«Попустись-ко» — «Окстись!»
Предрекали успех
На грядущую «жисть».

Помню бабушкин вздох:
«Ныне хоть не постись.
Охрани тебя Бог,
Завтра есть, что поисть».

И крестила рука:
Уж поди-ко, ложи-и-сь.
Молодая пока...
Разомлей. Отоспись.

Я взбиралась наверх,
На лежанку тепла —
В те подушки и мех —
И так сладко спала...

До своих петухов...
До другого утра...
Где от слёз да стихов
Вся подушка мокра.

* * *

И дождя не было, а цветёт радуга
Против свет-солнышка. Фоном ей — синь.
Как рассвет радовал — так закат радует.
Грусть моя русская, наконец, сгинь!

Где в лицо капельки? Где трава росная?
Жду в лугах скошенных пересверк гроз.
Русь моя белая, ты — моя Крёстная.
Закрести беженку. Кончен мой кросс.

За права каждого. Против зла злющего.
Мне б тетрадь общую да огня дрожь.
Наконец выскажу всё как есть лучшее,
Всё о нас лучшее — не иных ложь.

Про с ленцой доброе. Про в боях гордое.
Про веков разницу или льна синь.
Закрести, Крёстная. Утверди бодрою.
Грусть моя русская, наконец, сгинь.

ВЕЩУНЬЯ

Не скупясь, этим летом вещунья кукует —
Видно, тысячу лет ещё млеть от цветов.
Не смотрите мне вслед — оглянусь, околдую...
Не смотрите, прошу, не рискуйте, а то...

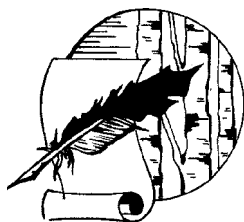
Не смотрите мне вслед, я сегодня прекрасной
Ощущаю себя, кто бы что ни сказал.
Не смотрите мне вслед — я боюсь, что напрасно
Вы утонете в дерзко-смешливых глазах.

Миллионы живут, никого не спасая.
Вместе с ними ли сдаться, пассивность избрав?
Я живу вопреки — я с пелёнок такая.
Я спасу этот мир от попраiania прав!

Просветлеет душа — только это и важно:
Ни пред кем не клонюсь и неправд не терплю.
Я сегодня такая, что клеточкой каждой
Всю Россию — от храмов до кладбищ — люблю.

Каждый ждёт от других — кто любви, кто участия,
Чаще — манны небесной на блюде с каймой.
Я не жду, а, случаясь источником счастья,
На гармонию жизни меняю настрой.

Не смотрите мне вслед, полюбите не глядя —
С полувзгляда и слова за дерзость и смех;
Пусть со мной ни вчера, ни сегодня нет сладу.
По-иному — легко, ну а *так* — не у всех.

Ольга КОЗЛОВЦЕВА

ЗА ЛЕСАМИ СИЗЫМИ

* * *

Благодарю Тебя, Всевышний,
За безграничную любовь,
За то, что видишь всех и слышишь,
И помогаешь в час любой,
За то, что миру Ты являешь
Пример вселенской доброты
И милосердно позволяешь
С Тобою говорить на «Ты».

НИКОЛЬСКИЙ ХРАМ

Давно звонарь старинный город
Не звал к молитве по утрам.
Царил вокруг и мрак, и холод
С тех пор, как был разрушен храм.
Но всё же, преклонив колена,
Мы дух смиренья сберегли.
И ветер в час благословенный
Возжег кадилные угли.
Восстал над старым храмом купол,
Вознесся крест над ним опять.
Туман, что долго город кутал,
Сменила Божья благодать.
И как бывало, до околиц —
Колоколов державный звон.
И вновь Великий Чудотворец
Взирает радостно с икон.

ПОЗДНЕЕ ПИСЬМО

Пишу тебе, и боль ломает строчку,
Слова сжигает скорбная слеза...
Прости за всё свою родную дочку
Так, как прощала много лет назад.
Друг друга мы всегда оберегали
От горя, от нужды и ото зла.
Без званий, орденов и без регалий
Ты самая бесценная была...
Но между нами выросла граница,
Солит ладони слез печальный дождь...
И до тебя теперь не дозвониться,
Посланье это тоже не прочтешь...
Который год снимают шапки клены,
Который раз сирень роняет цвет, —
Туда, где ты, не ходят почтальоны —
На серый холмик положу конверт.
Дыханьем фотографию согрею,
Прочту письмо и молча постою...
И клен поникший веткою своею
Погладит нежно голову мою...

В МЕСТНОМ АВТОБУСЕ

Я еду в автобусе местном
Знакомой сторонкой своей,
И мне от соседей не тесно,
А даже намного светлей.

Водитель — веселый парнишка,
Поет о березке куплет,
Девчонка с коротенькой стрижкой
Задорно кивает в ответ.

У папы уснул на коленях
Кудрявый смешной карапуз,
Прижался щекою к сиденью
Большой полосатый арбуз.

И сводка последних известий
Звучит у меня за спиной:
Кто едет к любимой невесте,
И кто поругался с женой.

И мы улыбаемся вместе,
Торопится солнце вослед.
Я еду в автобусе местном,
Где места унынию нет.

ПРОДАМ МАШИНУ..

Продам машину!
Срочно! Ради книги —
Чтоб передать своей души полет!
Продам!
И нет здесь никакой интриги —
Поэт стихи за деньги издает.
Я цену не завысила нисколько,
Моя машина — золота ценней,
А потому и тяжело, и горько
Мне согласиться на разлуку с ней.
В движении романтику нашли мы,
Исколесили вместе полстраны,
И лучшие стихи мои в машине,
Под песни ветра были рождены.
Она — мой первый слушатель и цензор,
Я ей стихи читала сотни раз,
И если слово проникало в сердце —
Она мгновенно прибавляла газ.
И пусть машина сделана из стали,
Она, поверьте, может слышать стих.
Мы вместе с ней одну судьбу верстали,
Одну мечту делили на двоих.
Передо мной сегодня выбор сложный,
Как будто столкновение двух стихий:
Не продавать машину, или всё же —
Продать —
чтоб свет увидели стихи!

ОТЧИЕ КРАЯ

Ты овей меня ветрами
И дождями напои,
Ты предутреннею ранью
Озари пути мои.
И опять я благодарно
Припаду к тебе, земля.
Мне и больно, и отраднo
Видеть отчие края.

Я вольюсь в твои озера,
Лягу травкой на лугу
И малиновою зорькой
По долинам пробегу.
Все тревоги и сомненья,
Оставляю позади
И прошу благословенья
Я у матери-земли.

НА ДЕРЕВНЕ ПЫШКИНО

Травы журавинские
на ветру кудрявятся,
По деревне Пышкино
плещется заря.
За лесами сизыми
облака румянятся
И лучами светятся
цвета янтаря.
Пристань журавлиная
стихла за туманами,
Распустила волосы
ива у реки.
Стороны желаннее
до сих пор не знала я,
Здесь моей фамилии
бьются родники.
Избы белостенные
сладко пахнут пышками,
Поклонюсь хозяевам
у резных ворот.
И родню проведаю,
что в деревне Пышкино
Продолжает издавна
мой старинный род.

ИНТЕРНАТСКОЕ ДЕТСТВО

1
Цветные байковые платья,
По счету — ровно двадцать пять,
Висят на стульях у кроватей,
Пока хозяйки крепко спят.

Что снится нам в мороз и стужу:
Далекий дом, подруга, мать?
Я сна чужого не нарушу,
А свой смогу ли рассказать?
Картина трепетно знакома —
Сундук на кухне у печи,
В углу старинная икона
И блеск мерцающей свечи.
Играет розовое пламя,
Тепло стекает на ладонь,
А мы сидим, прижавшись к маме,
И смотрим с грустью на огонь.
Мы отдаемся безраздельно
Мечте незыблемой, одной —
Продлить на целую неделю
Короткий этот выходной.
...Давно живем не в интернате,
И снятся нам другие сны —
Цветные байковые платя
И дом, в котором мы росли.

2

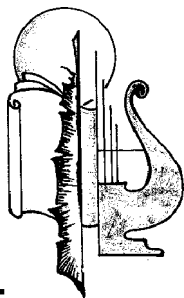
Встречала детство по одежке
И провожала по уму.
В чём сомневалась хоть немножко,
Сегодня, может, не приму.
Пусть не просила Христа ради,
Но знала цену и рублю...
Мы дружно жили в интернате,
Где всех считали за родню.
Где было всё: надежда, вера,
А жизнь давала свой урок —
Ботинки странного размера
К ноге привязывал шнурок.
Смотрели, будто на картины,
На городскую суету,
Чужие сладкие витрины
Мы обходили за версту.
И были все мы так похожи
На инкубаторских цыплят...
Но почему же всё дороже
Мне с каждым годом интернат?

г.Ряжск Рязанской обл.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПЕСНИ

Известная всему миру советская песня «Катюша» создана в 1938 году поэтом Михаилом Исаковским и композитором Матвеем Блантером. Тема далёкого пограничья возникла в ней не случайно. В это время Красная Армия вела тяжёлые бои с японскими самураями у озера Хасан. Непокойно было и на западных рубежах нашей Родины. В воздухе тревожно носилось предчувствие большой войны. Поэтому тема Родины, защиты её от врага была первостепенной и важной в творчестве советских деятелей культуры и искусства.

М.Исаковский в 1938 году написал яркое и запоминающееся восьмистишие — первые два куплета будущей знаменитой песни. Затем работа приостановилась, и незаконченное стихотворение некоторое время хранилось в черновиках поэта. Вскоре состоялось знакомство М.Исаковского с композитором М.Блантером. Листок с восемью строками о девушке Кате попал в руки композитора. Когда он подобрал подходящую к ним мелодию, Исаковский находился на отдыхе в Ялте. Не откладывая дело в долгий ящик, Блантер направился в Ялту и уговорил поэта дописать чудесное сти-

ИСТОКИ

хотворение, накрепко притянувшее его внимание. Тот немедленно засел за работу и вскоре предложил композитору несколько вариантов законченного текста. Через несколько дней совместной работы родилась великолепная песня.

Существует несколько версий первого исполнения «Катюши». Одна из них гласит, что впервые «Катюша» прозвучала 27 ноября 1938 года в Москве в Колонном зале Дома Союзов. Её исполнила джазовая певица Валентина Батищева вместе с джазовым оркестром под управлением Виктора Кнушевицкого. Зрители, заполнившие зал, трижды вызвали песню на «бис».

Другая версия приписывает первое исполнение «Катюши» Вере Красовицкой, Георгию Виноградову и Всеволоду Тютюнику. Они исполнили её 28 ноября 1938 года с оркестром под управлением Кнушевицкого.

Третья версия сообщает о том, что первое исполнение произошло на несколько дней раньше. На последней репетиции оркестра Кнушевицкого присутствовала народная певица Лидия Русланова. Услыхав «Катюшу», она сразу влюбилась в неё и, не удержавшись, через несколько часов исполнила её по памяти на концерте в том же Колонном зале.

Кто бы ни исполнил впервые «Катюшу», песня сразу покорила сердца слушателей и быстро распространялась по Советской стране. Её стали часто исполнять в концертах Лидия Русланова, Георгий Виноградов, Вера Красовицкая. А вслед за ними её стали петь чуть ли не все профессиональные и самодеятельные хоровые коллективы, армейские ансамбли, солисты филармонии и эстрады. Она зазвучала на демонстрациях, собраниях, в домашнем кругу.

Через год песня перешагнула границы Советского Союза. В сентябре 1939 года, во время освободительного похода Красной Армии по Западной Украине и Западной Белоруссии местное население встречало наших бойцов пением «Катюши».

Лёгкая, запоминающаяся мелодия и душевные слова быстро стали популярными и ушли в народ. Но запелась она в народе не легко и буднично, а в предчувствии большой беды с глубоким и тревожным чувством. В годы же Великой Отечественной войны она приобретёт ещё более глубокие смысл и значение.

Первая пластинка с песней вышла в Москве весной 1939 года. Песню «Катюша» на ней записала Валентина Батищева. Затем пластинки были изданы в Ленинграде и Свердловске.

М.Исаковский дописал еще один (последний) куплет песни:

*Отцветали яблоны и груши,
Уплыли туманы над рекой.
Уходила с берега Катюша,
Уносила песенку домой.*

Но широко в народе эти строки не прижились, исполняли их крайне редко. Окончательно песня утвердилась в её первом гармоничном и совершенном варианте.

Особую популярность песня «Катюша» приобрела в годы Великой Отечественной войны. Она стала своеобразным социальным феноменом. Миллионы советских людей воспринимали героиню песни как живую, реальную девушку, полюбившую бойца и ждущую от него ответа. Этой Кате-Катюше бойцы писали с фронта письма. Появилось много интерпретаций на тему широко известной песни. Тексты в этих самодельных песнях были не совсем совершенными, но нежными, искренними и сердечными. Песни эти советские воины посвящали своим любимым.

Бытовало, например, такое четверостишие (автор его неизвестен):

*Если пуля вдруг шальная
Настигнет в дальней стороне,
Не грусти, моя родная,
Расскажи всю правду обо мне.*

Это был фронтовой фольклор.

Однако на фронте воевали реальные героини по имени Катя. Одна из них — старший сержант Екатерина Пастушенко, отважная пулемётчица, награжденная многими орденами и медалями. Эта реальная Катюша уничтожила десятки фашистских захватчиков. Зимой 1943 года газета 44-й Армии «На штурм!» опубликовала стихи о Кате Пастушенко.

*Мы любим петь о девушке Катюше,
Что выходила на берег крутой.
О Кате песню новую послушай,
О девушке суровой и простой.
Когда враги вдруг налетели стаяй,
И замолчал внезапно пулемёт,
Катюша наша, девушка простая,
Одна рванулась занимать расчёт.*

На войне звучала и другая песня о другой реальной девушке — Кате Ивановой.

*Наш вишневый сад в цветенье снова,
И плывут туманы над рекой.
Выходила Катя Иванова
На высокий берег, на крутой.
Выходила — твердо порешила
Мстить врагу за родину свою.
Сколько воли, сколько хватит силы,
Не жалея молодость в бою.*

Катя Иванова из кубанской станицы Медведовской была отважной, гордой, скромной и очень красивой девушкой. После окончания школы добровольно ушла на фронт. И сразу попала под Сталинград. Была санитаркой, пулемётчицей, служила в связной роте авиаполка. Её славный боевой путь начался на Волге и закончился на Балканах.

В других песнях фронтового фольклора Катюша стала санитаркой, парашютисткой, партизанкой. И ждала весточки то от танкиста, то от летчика, то от связиста.

Летом 1941 года у советских воинов появилось грозное артиллерийское оружие — реактивные минометы «БМ». Особый ужас испытывали фашисты, попадая под обстрел «БМ-8» и «БМ-13». Первый залп из них в июле 1941 года сделала батарея капитана И.А. Флёрова. Это произошло под белорусским городом Орша, рядом со смоленской родиной песни.

Но девичье русское имя реактивных минометов появилось чуть позже — в сентябре 1941 года под Одессой в 8-й отдельной гвардейской миномётной дивизии.

Новому ласковому названию артиллерийского оружия в боевых частях нетрудно было прижиться, так как его появление совпало с ростом популярности «Катюши».

Имя девушки, взятое из песни, оказалось настолько подходящим, что все артиллеристы во всех воинских частях стали называть свои минометы «БМ» «Катюшами». Гитлеровская армия дрожала при слове «Катюша». За рубежом её называли «Сталинским органом». Обрушивая шквал огня на противника, советские артиллеристы приговаривали: «Привет от Катюши!»

В военное лихолетье песня помогала советским бойцам выжить, поднимала их боевой дух, укрепляла веру в победу. Она нравилась даже гитлеровцам, настолько душевной оказалась мелодия, неразрывно слитая с текстом.

Поэт Илья Сельвинский, воевавший на Керченском полуострове, описал в своих воспоминаниях случай, когда однажды советские бойцы услышали из немецкого расположенного поблизости окопа песню «Катюша». Она несколько раз подряд прозвучала с советской пластинки. Наши сол-

даты не стерпели этого и бросились в атаку на немецкий окоп. Завязалась короткая схватка. Пластинку с любимой песней вместе с патефоном отобрали у немцев и принесли к себе как духовную святыню.

В годы войны «Катюша» воевала на фронте и в партизанских краях. В июле 1942 года фашисты зверски расправились с жителями села Каспля Смоленской области за то, что они помогли партизанам. Когда приговорённых к расстрелу повели к вырытой на берегу озера яме, в наступившей тишине неожиданно раздалось: «Расцветали яблони и груши, Поплыли туманы над рекой!»

Солдат, воевавший под Ленинградом, вспоминал, что однажды, когда до врага было всего 700 метров, до советских бойцов доносились звуки немецких губных гармошек и песня «Майне Гретхен». Но вдруг из мегафона раздался громкий голос: «Рус Иван! Спой «Катюшу!» Немцы эту песню хорошо знали, так как наши бойцы ее часто пели в промежутках между боями.

О боевых «Катюшах» было написано немало песен. В некоторых воинских частях бойцы пели «Катюшу» на мотив песни «Дан приказ ему на Запад». В этой песне мать напутствовала своего сына быть храбрым солдатом, не щадить врага и со скорою победой вернуться домой вместе с Катюшей, о которой он так тепло рассказал в своем письме. Той Катюшей была не девушка, а грозная реактивная техника.

«Песня о «Катюше» была напечатана в газете Карельского фронта «Часовой Севера» 25 мая 1943 года. Стихи написал боец-пулеметчик Василий Шишляков.

*Пишет мать родному сыну
из колхозного села:
«Расскажи-ка, милый Ваня,
как идут твои дела.
Расскажи мне, как воюешь,
сколько фрицев перебил
и какую там Катюшу
ты на фронте полюбил».
«Слушай, мать, родного сына,
не тая, скажу тебе:
сроду я такого друга
не встречал еще нигде.
Признаюсь, что Катерина
мне мила и дорога.
От любви и дружбы нашей
нет покоя у врага».*

В 1943—1945 годах существовали фронтовые варианты знаменитой уже не только в Советском Союзе песни:

*Все мы любим душеньку «Катюшу»,
Любим слушать, как она поет,
Из врага вытряхивает душу,
А друзьям отвагу придает!*

* * *

*Шли бои на море и на суше,
Грохотали выстрелы кругом.
Распевали песенки «Катюши»
Под Калугой, Тулой и Орлом.*

* * *

*Вот к передней «Катя» подходила,
Подвозя снаряды за собой,
И такую песню заводила,
Что фашисты поднимали вой.*

Также в военные годы была популярна фронтовая версия песни, посвящённая непосредственно гвардейским минометам. Первый её куплет звучал так:

*Разлетались головы и туши,
Дрожь колотит немца за рекой,
Эта наша русская «Катюша»
Немчуре поёт за упокой.*

По подсчетам исследователей, у песни «Катюша» было не менее двух десятков фронтовых вариантов.

В годы Второй мировой войны «Катюшу» пели не только советские воины, но и бойцы армии Сопротивления во Франции и Италии. Наши соотечественники, сражавшиеся в партизанских отрядах Италии в дни победы, направляясь на прием к папе римскому, вошли в Ватикан с пением великой советской песни. Будучи в Италии осенью 1957 года, М.Исаковский с удивлением узнал, что около 80% населения этой страны знает и поет русскую «Катюшу».

В 1944 году М.Исаковский сочинил «Песню про «Катюшу», то есть про советское минометное оружие. Начиналась она так:

*И на море, и на суше,
По дорогам фронтовым*

*Ходит русская «Катюша»,
Ходит шагом боевым.
Подчистую немцев косит,
Подчистую гадов бьет.
И фамилии не спросит,
И поплакать не дает.*

Музыку новой «Катюши» написал В.Г. Захаров. И очень скоро песня, исполняемая хором имени Пятницкого, зазвучала сначала в Москве, а потом и по всей стране, а также на фронтах ещё продолжавшейся войны.

В военные и послевоенные годы появилось множество переделок «Катюши» — своеобразных ответов на неё, продолжений и подражаний. Они стали известны еще во время финской кампании. Переделки, приспособленные к местным условиям, распевались почти повсеместно. В них Катюша была не только любящей и верной девушкой, но и храбрым воином, отчаянно сражавшимся с врагом. «С автоматом девушка простая...» или: «Раны Катя крепко перевяжет, на руках из боя унесет».

Профессор И.Н. Розанов собрал около 100 переделок и продолжений «Катюши» и ответов на неё.

В послевоенные годы в Советском Союзе было установлено около десятка памятников славному миномёту «Катюше» — оружию и песне, в честь которой оно было названо. Памятники стоят в белорусской Орше, смоленской Рудне, Белгороде, Туле, Челябинске, Санкт-Петербурге и в других регионах России. Также стела «Катюша» стоит в Одессе.

В конце 30-х и в военные годы «Катюшу» часто исполняли Лидия Русланова, Георгий Виноградов, Вера Красовицкая. Позже (в 1960—2010 годы) из наиболее известных артистов ее стали петь Эдуард Хиль, Анна Герман, Дмитрий Хворостовский и другие.

В годы Второй мировой войны и после «Катюшу» полюбили и за рубежами нашей Родины. Здесь она приобрела особое значение. Мелодия песни использовалась в марше «Primavera» 250-й испанской дивизии вермахта («Голубой дивизии»). В Италии советская песня была известна в двух вариантах: «Катарина» и «Дует ветер» («Fischia il vento»). Здесь наша песня стала гимном бойцов Сопротивления. Во Франции она была также широко популярна в рядах бойцов Сопротивления. В Болгарии «Катюшу» долгое время считали партизанским гимном. В США после войны её пели негры на хлопковых плантациях.

В Израиле нашу «Катюшу» окрестили «Катюшкой», а в Финляндии — «Karjalan Katjuusa» («Катериной из Карелии»).

Мелодию песни в 1980 годы в начале и в конце своей композиции «USSR» исполнял Эдди Хантингтон.

Существует целая серия фольклорных переложений и продолжений нашей песни, исполняемых на тот же известный мотив. Мелодия песни звучит в припеве песни «A Little Moment Of Desperation» швейцарской группы «Lunatica». На мотиве «Катюши» основана песня «Mystery of the Night» итальянской метал-группы «Skylark». Немецкая группа «Tanzwut» исполняла «Катюшу» на русском языке во время концертов в Москве и Санкт-Петербурге в 2012 году. Песню исполняла итальянская панк-группа «Talgo». У американской группы Abney Park в альбоме «The Circus at the End of the World» (2013) есть англоязычная версия песни «Katyusha».

Хорошо знают «Катюшу» и в других странах. В послевоенные годы она была популярна в Японии. Здесь «Катюшу» исполнял знаменитый хор «Поющие голос Японии». Дошла она до Кореи и Китая.

На фестивале военной техники «Армия-2015» «Катюша» исполнялась на шести языках, первым из которых был китайский.

«Катюша» популярна среди российских футбольных болельщиков. Её организованно поют на трибунах во время матчей сборной России и московского «Спартака».

В последние годы песня стала очень популярна в Японии. В Токио работает кафе под названием «Катюша», в котором песня «Катюша» исполняется не менее одного раза ежедневно.

В 2015 году журнал «Русский репортёр» провел социологический опрос. Текст «Катюши» занял 13-е место в хит-параде самых популярных в России поэтических строк из русской и мировой классики.

Трудно найти на Земле страну, где бы ни знали нашей «Катюши». Песня уже не принадлежит её авторам, так как стала народной, более того — интернациональной. Русская девушка Катюша стала символом верности и надежды для миллионов людей по всему земному шару.

«Катюша» сыграла большую роль в победе русского народа над немецким фашизмом. Она поднимала бойцов в атаку, согревала сердца на привале, помогала выстоять в невероятно тяжелых условиях, выжить и дождаться близких тем, кто оставался в тылу и, не покладая рук, трудился у станков и в поле.

В 1985 году в селе Выходы Угранского района Смоленской области недалеко от деревни Глотовка, родины М. Исаковского, в Доме культуры создан музей песни «Катюша». В его

экспозиции и фондах собрано большое количество личных предметов поэта. В связи с этим музей переименовали в мемориальный музей Михаила Исаковского.

На берегу реки Угры, недалеко от музея, стоит памятник «Катюшин берег». Он появился здесь в 1990-е годы. По словам старожилов, именно про этот берег поётся в песне. Памятник символизирует крестьянскую избу, рядом лежит большой гранитный валун. Раньше к камню была приделана табличка. На ней гравировка с силуэтом девушки с развевающимися на ветру волосами.

Летом 1985 года в Москве проходил XII Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, для которого необходимо было придумать символ, который послужил бы своего рода паролем. Гостей со всего мира в столице встречала симпатичная, улыбчивая девочка с ласковым и певучим именем Катюша. И повсюду звучала известнейшая во всем мире песня.

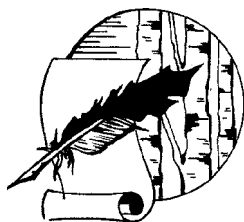
В 2007 году Всероссийский фестиваль народного творчества воинов Вооружённых Сил Российской Федерации, других силовых структур, ветеранов войны и военной службы, членов их семей впервые прошел в России под символом «Катюши».

Песня стала не только символом духовной связи поколений и нашей Победы, но и, переведенная на многие языки мира, дружбы народов мира.

Памятник Катюше, героине великой советской песни, в 2013 году поставлен во Владивостоке.

Вряд ли найдется в нашей стране хотя бы один человек, не знающий «Катюшу». Она и сегодня в строю — звучит по-прежнему молодо, сердечно и по-боевому. Песню разучивают в российских школах. Её знают и любят наши школьники и совсем маленькие дети.

Этой лучезарной советской песней русский народ будет гордиться всегда. Гордимся ею и мы, внуки и правнуки тех, кто победил в великой битве немецкий фашизм.

Валерий ХАТЮШИН

МОЯ ПУШКИНИАНА

К 220-летию со дня рождения А.С. Пушкина

БАХЧИСАРАЙ

В разгаре солнечного лета,
объехав морем южный край,
былой дорогою Поэта
я посетил Бахчисарай.
Все принижается, старея...
Столица Крыма, груды скал...
Я на могиле Хан-Гирея
без интереса постоял.
Я видел тайные чертоги,
его дворец, его шатры...
И здесь я был судьей не строгим
жестоким нравам той поры.
Но то, что в душу мне запало,
о чем не мог помыслить хан, —
под сводом древнего портала
я видел мраморный фонтан.
Живой фонтан Бахчисарая!
Что наречен фонтаном слез.
Где капли падают, стекая
по лепесткам печальных роз.
Что вспомнил Он? Какие грезы
здесь русский гений пережил?
Так и лежат две свежих розы
с тех пор, как Он их положил.
И будут вечно слезы падать
из этих мраморных глазниц,
и человеческая память
не обретет себе границ...

1981

ВЕЧНОЕ ОБВИНЕНИЕ

И Франция, добыча славы...
А.С. Пушкин

В Святых Горах — метельная завеса,
под ней — Поэта снежная постель...
Никто из русских не убил Дантеса,
за Пушкина не вызвал на дуэль.

И потому кровь русского Поэта
взывает к чести, Франция, твоей.
Была не раз ты Пушкиным воспета,
упившаяся гордостью своей...

Не знала ты любви к чужому сыну:
чужая гордость — пустота и тлен.
Нет, не взошел Дантес на гильотину
и сохранил свой титул Геккерен.

Убийцу сам король вниманьем нежил,
достиг он всех чинов, что свет сулил...
Как жалко мне, что я в те годы не жил
и низкий лоб его не прострелил.

...А воздух тут пропитан общим горем,
и как тогда, январская метель
метет, метет над светлым Святогорьем,
стеля Поэту снежную постель...

1985

СУДЬБА

Сраженный, как и он, безжалостной рукой...
М.Ю. Лермонтов

Поэт с собой уносит тяжесть
поруганного идеала...
Одна рука, одна и та же,
поэтов русских убивала.
Она всегда была проворной
и хладнокровной в высшей мере,
верна себе на речке Черной,
на Машуке и в «Англетере».
И не однажды будет точной...

Ведь ей без жертвы нет покою...
Разит она не в схватке очной, —
чужой, предательской рукою.
И Пушкин понимал всё это,
судьбу предчувствуя заране,
ту, что российского поэта
достанет даже в Тегеране...
И что б ни делал, где бы ни был,
он всех вернее знал в России,
что рок ему готовит гибель,
а пред судьбой и Бог бессилен...
Судьбой ему повелевалось
оставить подлость без ответа,
чтоб чёрной кровью не смывалась
кровь неотмщенного поэта...

1987

ПУШКИН

Летающий сквозь громады лет,
огнем небес отмечен,
поэт в России, он — п о э т,
не больше и не меньше.

Он и творец, он и боец,
певец, гонец победный,
а выше — только лишь Отец
и Сын, и Дух Заветный.

Есть слово-символ, как пароль
для всех в России, — Пушкин.
За вечную любовь и боль
нальем по полной кружке.

Когда земные времена
погрязнут в общем блюде,
его строка, хотя б одна,
но в русском сердце — будет.

И пусть во власти высших сил
течет веков громада, —
останется: «Я вас любил...»,
и большего — не надо.

21 июня 1998

ПЕЧАЛЬ

У фонтана,
поднявшись над липами,
скорбный взгляд
опустив на гранит,
сняв цилиндр,
и в раздумье молитвенном
опечаленный Пушкин
стоит.

На бегу
замечают прохожие
в мельтешенье
дневной суеты,
что к ногам его
кем-то положены
бесконечно живые
цветы.

Но в тоске
одиоко-отчаянной,
словно праздному свету
в укор,
до сих пор он стоит
опечаленный...

Что-то мучит его
до сих пор...

1977

* * *

Все игрушки-ловушки,
все наши дела — трын-трава.
У России был Пушкин,
и этим Россия жива.

Ни ракеты, ни пушки
не значат для нас ни рожна.
У России был Пушкин,
и этим спасется она!

10 марта 2010

ОТРЫВКИ ИЗ ПРОШЛОГО

Я ровесник войны. Пережил эпохи Сталина, Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина и уже 19 лет живу в эпоху Путина — назло Пенсионному фонду.

Послевоенный Новосибирск представлял собой огромную деревню с деревянными домами, печным отоплением, «удобствами» во дворе, водоколонками за 1,5—2 квартала, с огородами, а во многих дворах — с курами и даже с коровами (потом Хрущёв с живностью решительно расправился). Многоэтажные кирпичные дома возвышались как отдельные скалы на равнине. Правда, были ещё «соцгорода», т.е. целые кварталы многоэтажных домов, но это — на заводских окраинах. В центральной части мощёным был Красный проспект и ещё 3—4 «магистральные» улицы, на остальных — «грунтовое покрытие».

Телефонов тогда не было, и гости приходили зачастую без приглашения — не только в воскресенье, но и по вечерам в будни. А мы, дети, вообще ходили друг к другу, как к себе домой, а если попадали во время трапезы, то и кормили нас, как своих детей. Потом быт стал налаживаться, появились телевизоры и телефоны,

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

люди постепенно «оуклились» и милые патриархальные отношения навсегда ушли в прошлое.

Взрослых мы тогда побаивались. За непослушные шалости на улице они могли запросто накрутить уши или не поленились отвести к родителям. Если чужой ребенок в беде или просто рискует здоровьем, они не проходили равнодушно мимо. Потом вместе с «оукливанием» пришло и равнодушие.

Мы, мальчишки, город свой любили и были искренними его патриотами. Поднимаясь на виадук около вокзала, смотрели на обилие коптящих небо заводских труб за Обью (там располагался знаменитый, ныне разорённый «Сибсельмаш») и гордились этой «экологией», гордились тем, как много у нас заводов. Конечно, особой гордостью были оперный театр и вокзал — самые большие в стране.

Мои патриотические чувства к городу действительно проявились в 4-м классе. Тогда мы начали изучать географию и знакомиться с картами. Я обнаружил, что Новосибирск обозначен кружочком, который соответствовал населению от 100 до 500 тысяч человек. Негодованию моему не было предела. Как же так, ведь население наше уже давно около миллиона, а может, и больше миллиона (тут я хватил через край)! Тогда я решил написать об этом в Главное управление геодезии и картографии — это учреждение с адресом было напечатано на карте. На удивление, скоро пришёл ответ, который начинался словами: «Уважаемый товарищ...» В нём вполне серьёзно было выражено понимание моей озабоченности и сказано, что при составлении карты пользовались данными последней переписи, которая была аж в 1939 году. Это смягчило моё негодование, но не устранило: а что, разве в Москве не известно, какое население в городе сегодня?

Несмотря на тяготы послевоенного времени, детство наше было счастливым. Во-первых, потому что это детство, во-вторых, потому что нам доставалась небольшая часть тех тягот, что несли взрослые. А главное, было твёрдое ощущение, что о нас заботится страна, что жить становится лучше и что дальше будет ещё лучше. И это было действительно так.

На рубеже 1940—1950-х годов в Новосибирске появились первые асфальтировщики — рабочие с длинными граблями и тяжелыми дизельными катками. Я любил наблюдать за их работой и даже подружился с дядей Федей, бригада которого асфальтировала пл. Сталина (ныне Ленина). Он настолько проникся ко мне доверием, что дал как-то 3 рубля и попросил сбегать за папиросами «Норд» — так раньше назывались «Север», по 1 руб. 40 коп. за пачку. В киосках у площади их не оказалось, и я побежал дальше к Первомайскому скверу.

Купил, поворачиваю назад и лоб в лоб встречаюсь с дядей Федей. Тут он мне и признался, что, увидев, как я побежал с площадки, заподозрил во мне воришку и решил догнать меня и наказать. От радости, что я не оправдал его худших предположений, он мне тут же накупил каких-то сладостей. Вот ведь превратности судьбы: украл бы я трёшку, был бы поколочен, не украл, возведен в ранг героя — и никакой середины!

Шкодили мы в детстве много. Среди невинных шалостей была такая. Зимой наливали воду в бутылку, заходили в какой-нибудь дом и в сенях оставляли бутылку. Вода замерзает и со стеклянным треском разрывает бутылку. Кто этот звук слышал, говорил, что впечатляет, особенно ночью, когда мороз сильнее и когда все спят.

Летом вырезали из корки тыквы «череп» — глазницы, носовое и ротовое отверстия. Надевали «череп» на длинную палку с лампочкой от карманного фонарика, провода от лампочки протягивали в низ палки, к батарее и кнопке. Когда стемнеет, подбегали к какому-нибудь окну, поднимали «череп» и включали лампочку. Чаще всего никакой реакции, но если случалась суматоха, а еще лучше женский визг, то для нас это и был искомый результат.

Ближайшим от нас был многоэтажный дом треста «Запсибзолото». Двери в квартиры там открывались внутрь. Это и навело нас на мысль: связать веревкой ручки противоположных дверей на какой-нибудь площадке и позвонить в обе квартиры. После безответных вопросов «кто там?», хозяева пытались открыть двери, и чем безуспешнее у них получалось, тем с большим остервенением они дергали двери. Удовлетворившись этой сценой, развязки мы не дожидались.

Или вот еще. Уже в 7-м классе на уроках химии мы узнали, что реакция натрия с водой в закрытом сосуде производит взрыв. Самое трудное было стащить натрий из химического кабинета, а уж остальное — дело техники. Наливаем до половины пузырька воду, к пробке прикрепляем на проволоке кусочки натрия (так, чтобы он не касался воды), закрываем пузырек и ставим его на середину тротуара, а сами прячемся в кустах. Интересно, что женщины всегда обходили подозрительный предмет стороной, а почти любой мужчина, независимо от возраста, норовил поддеть его ногой. Пузырек на лету взрывался. Нас, конечно, больше всего интересовала реакция «футболиста». О возможных последствиях этой «шутки» мы, увы, не задумывались, но, к счастью, всё обошлось.

Хвастать здесь нечем, но — что было, то было. Поколение моих детей шалило уже по-другому, а поколение внуков уже и вовсе не шалит. Айфоны да смартфоны. Не до шалостей.

В 1950-е годы в зале Окружного Дома офицеров по воскресеньям днём устраивали камерные концерты. Приезжали знаменитые музыканты — скрипачи, пианисты, виолончелисты. Для учащихся музыкальных школ, к коим относился и я, концерты были почти бесплатными (по очень дешёвым абоне-ментам), но посещать их нужно было чуть ли не в обязательном порядке. На одном из концертов исполнялась такая немusикальная музыка (что-то из современных композиторов), что меня потянуло в сон. Зевать с открытым ртом было неприлично, пришлось зевать с закрытым. А при таком способе зевания, как известно, на глазах выступают слёзы. По соседству со мной сидел еще более юный музыкант со своей мамой, которому музыка нравилась еще меньше и которого мама громким шёпотом увещевала, указывая на мои слёзы: «Видишь, как мальчик умеет слушать, видишь, как он переживает. И ты должен так же научиться понимать музыку!»

В начале 8-го класса нас принимали в комсомол. Вызываю по алфавиту. Вхожу в кабинет директора. За огромным столом в центре царственно восседает сам директор, а к боковым стенкам на стульях робко жмутся комитетчики. Успешно отвечаю на все их вопросы, в том числе и на сакраментальный: «Для чего ты вступаешь в комсомол?», после чего вопрос обо мне ставится на голосование. И тут директор говорит своим могучим голосом (этого голоса в школе боялись даже учителя): «А я думаю, ему рано вступать в комсомол! Он не хочет рисовать в школьной газете». — «Но, Михаил Терентьевич, я ведь учусь в музыкальной школе и в школьных концертах всегда участвую!». — «Ничего, тебя хватит на то и другое». В общем, не приняли. Обидно было до слёз. Дело не в самом комсомоле, а в возрастном пороге, который отделял комсомол от пионерии и который я, единственный из класса, не преодолел, хотя по успеваемости был одним из лучших. Потом директор меня неоднократно спрашивал, почему не вступаю в комсомол, на что я неизменно отвечал, что рано мне, не дорос мол. Так и обошёл комсомол без меня.

В партию я тоже не вступил, хотя были настоятельные предложения с нажимом на мой служебный статус. Передо мной был пример моей мамы, коммуниста «сталинского призыва», для которой слова «Раньше думай о Родине, а потом о себе» были не пустыми звуками. Потому в 25 лет я считал, что не дорос до партии, а в 35, насмотревшись на «коммунистов» 1970-х, уже считал, что партия не доросла до меня.

Во время летних каникул после 8-го класса мы поехали в «Трудовой лагерь» в колхоз им. Сталина, в 35 километрах от Новосибирска. Выделили нам дом на краю деревни, на бере-

гу живописной Ини. По 4 часа в день мы работали на прополке овощей, а за это нас бесплатно кормили. Работа для неприличных горожан была тяжёлой, всё время внаклонку, хотя едва ли каждый из нас выполнял и десятую часть трудодня. Удивительным было то, что мы так и не прониклись уважением к крестьянскому труду. Вообще к крестьянству мы относились по-городскому спесиво и по-большевистски враждебно — как к мелкобуржуазному классу, как нас и учили в школе. Слово «крестьянин» в городе было синонимом прижимистого кулака, а «колхозник» синонимом дремучего невежды. Лишь спустя годы я осознал, кто был и что сделал русский крестьянин для России и как многим она ему обязана.

На выпускном школьном экзамене по истории мне попался вопрос «Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны». Отвечаю уверенно и обстоятельно. Просят назвать фамилии партизанских деятелей. Называю Зою Космодемьянскую, молодогвардейцев, Ковпака, Медведева и т.д. Просят еще. Вспоминаю менее известных. Учителя с сожалением качают головой и ставят четвёрку. Оказалось, не назвал самого главного партизана — Хрущёва.

Одной из непоправимых глупостей, совершенных мной в жизни, было курение, к которому я пристрастился в неполные 16 лет. Что курить вредно, знали, конечно, все. Но, несмотря на это, табак хорошо рекламировался. Кроме откровенной рекламы («На сигареты я не сетую, сам курю и вам советую»), была и скрытая, но более действенная. Все положительные герои фильмов были с душой нараспашку и с неизменной папироской в зубах, а отрицательные — наоборот, себе на уме и берегли, мерзавцы, свое здоровье. Например, в «Весне на Заречной улице» герой Н. Рыбникова приходит в гости к учительнице и, не спрашивая хозяйку, начинает дымить папиросой. Или в «Небесном тихоходе» трое героев-лётчиков приходят в гости к девушкам с папиросками, поют лихую песню, после чего бросают папиросы на пол. Эти примеры и множество других неотразимо действовали на подростковое сознание.

Трудно представить советскую эпоху без лозунгов. Чем дальше от Москвы, тем лозунгов больше и тем больше в них «идеологии».

Над воротами старого Новосибирского зоопарка когда-то висел лозунг со словами Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у неё — наша задача!» А ведь действительно, дождись, пока звери сами придут в город и добровольно заберутся в клетки.

У проходной спиртзавода (который давно снесли при расширении ул. Большевистской) висел такой лозунг: «Только труд приносит радость человеку!» Тут ни убавить, ни прибавить.

При выезде из-под железнодорожного моста на шоссе в аэропорт Толмачёво стоял огромный щит с лаконичными, как удар дубины, словами: «Коммунизм неизбежен!» Оставалось ощущение, что спрятаться от коммунизма просто некуда.

Тогда мы и предположить не могли, что когда-нибудь вместо лозунгов появится наглая, во стократ более назойливая реклама и заполонит она всё обозримое пространство.

Трудно также представить советскую эпоху без очередей. В 50—60-е годы в основном это были очереди за продуктами. В те годы в центре города был одноэтажный магазин «Мясо», где можно было после долгого стояния купить говядину или жирную свинину. Однажды и стояние не помогло — мясо быстро закончилось. Народ не поверил, поскольку на его глазах шла разгрузка, и мяса было завезено много. Начался шум с обвинениями по адресу дирекции в умышленном сокрытии товара (отпустить дефицитный товар по блату с чёрного хода было общепринято). Громче и обстоятельнее всех возмущался один крепкий пенсионер — его и выбрали «народным депутатом» для переговоров с дирекцией. Ждем мы, ждем результатов, а депутат всё не возвращается. Наконец, выяснилось: депутата нашего вежливо приняли, нагрузили ему полную сумку мяса и тихонечко проводили через чёрный ход. Прошло 60 лет, многое изменилось в нашей жизни, только повадки «народных избранников» остались прежними.

В 1957 году я второй раз побывал в Крыму, теперь уже «украинском». Всё было, как прежде, та же русская речь, только надписи на двух языках вызвали смесь любопытства с отторжением. Потешили же надписи у мраморных львов, охраняющих вход в Воронцовский дворец. Внизу, по-русски: «Спящий лев» и по-украински: Лев, що спить», выше по лестнице: «Пробуждающийся лев» и «Лев, що трохи не спить», вверху: «Бодрствующий лев» и «Лев, що не спить». Подумалось: а что, в украинском языке причастий нет вообще?

По окончании школы я решил стать архитектором, но, увы — не хватило одного балла. Поскольку во всех вузах экзамены уже прошли, взяли на вечернее отделение Железнодорожного института (НИИЖТа). Пришлось устраиваться работать на стройку (заочники и вечерники были обязаны работать по специальности). Вместе со мной решил работать мой уличный приятель Серёжка П-ов. Кадровичка предложила написать заявления о приёме. Серёжка написал так: «Заявляю о своём желании работать в вашей организации разнорабочим на стройке». Кадровичка сказала, что нужно писать не «заявляю», а «прошу принять на работу». Серёжка

спорить не стал и написал, как она требовала, но сверху вместо слова «Заявление» написал «Прощение». Его железная логика (если «заявление», то «заявляю», если «прошу», то «прощение») на тётку не подействовала, и дело кончилось тем, что Серёжку на работу не приняли.

Проработав на стройке год, я решил вновь поступать в тот же НИИЖТ, но уже на дневное. Поступление совпало с очередной хрущёвской «реформой»: три четверти мест выделялось абитуриентам с производственным стажем не менее двух лет либо демобилизованным солдатам. На оставшуюся четверть был страшно большой конкурс. Но и этого мало. Когда сдали экзамены, оказалось, что в нашу группу вне конкурса с целью «подготовки национальных кадров» были зачислены шесть казахов, сдавших на «отлично» вступительные экзамены у себя дома, а шестеро русских, считавших себя уже студентами, были отправлены за борт. Из «наших» казахов диплом получил только один, остальные дошли только до второго курса.

В 1959-м, кажется, году по известным причинам был сформирован Тбилисский железнодорожный институт, и некоторая часть его студентов приехала доучиваться к нам. Среди них был один белобрысенький по фамилии Голубев, который подчёркнуто говорил только с грузинским акцентом и, как принято у южан, разговаривал с аборигенами через нижнюю губу. К сожалению, и с настоящими грузинами «дружба народов» не успела сложиться — через год-два их отчислили за неуспеваемость. С грехом пополам до диплома дотянул только один, да и тот по фамилии Шустер.

У поколения моих родителей самым ярким праздником был, конечно, День Победы 9 мая 1945 года, а у нашего поколения — 12 апреля 1961 года, день запуска в космос Юрия Гагарина. Это было действительно всенародное ликование, и это было последнее ликование, не только нашего поколения.

Курс технологии строительного производства читал В.И. Воротников, бывший фронтовик. Предмет он свой очень любил, лекции читал — как стихи декламировал, а первую лекцию начинал с особым пафосом: «Товарищи, залп «Авроры» возвестил новую эпоху в развитии строительного производства». Был он большим знатоком литературы и автором многочисленных пародий и эпиграмм. На одном из литературных вечеров, кои тогда регулярно проводились в институте, он под дружный смех аудитории прочёл свой «Семиугольный огурец» — язвительную пародию на «Треугольную грушу» А.Вознесенского.

Идём мы однажды с сотрудником кафедры (я тогда уже работал в институте), встречаем Воротникова. Сотрудник говорит: «Поздравьте, Владимир Иннокентьевич, его (указывая на меня), у него сегодня родилась дочь». В ответ: «У бракодел!» Сотрудник, большой сноб: «Позвольте! А вот Хемингуэй считает, что только у настоящих мужчин рождаются девочки». На это Воротников чеканно продекламировал: *«К литературе страсть имея, // купил себе Хемингуэя. // Скажу по совести, друзья, // не понял ни хемингуэя».*

Работал в НИИЖТе доцент Х-пов, невысокого роста, плотненького сложения, этакий хомячок. Защитил он кандидатскую диссертацию, а в ВАКе (Высшей аттестационной комиссии, которая принимает окончательное решение) диссертация чем-то не понравилась, и его вызвали в Москву. Идет он по институтскому коридору с телеграммой, хватается за сердце и падает в обморок. Естественно, в Москву шлют телеграмму, что Х-пов из-за сердечного приступа приехать не может. Проходит время, поступает второй вызов, и история в точности повторяется. В конце концов, в ВАКе решили, что Х-пов, как видно, не жилец, и защиту его диссертации утвердили. Тот прожил еще лет 40, без единого сердечного приступа.

Долгие годы существовала вражда между студентами НИИЖТа и Мединститута, общежитие которого находилось неподалёку от нас. Корни вражды уходили в те времена, когда НИИЖТ еще был НИВИТом (институтом военных инженеров транспорта) и в нем учились преимущественно парни. Объектом их повышенного внимания, вполне естественно, служили соседние студентки-медики, что так же естественно не нравилось студентам-медикам. И, хотя в НИИЖТе в наше время уже училось много девчонок, вражда осталась. Проявлялась она в походах на танцы в общежитие медиков, заканчивавшихся зачастую кулачными потасовками. А пиком вражды стал один инцидент, инициаторами которого были мостовики (на их факультете невесты всегда были в дефиците).

На военных сборах они умудрились стащить 200-граммовую толовую шашку вместе с огнепроводным шнуром и капсулом-детонатором, которой по приезде в Новосибирск и пытались взорвать мужскую часть общежития медиков. Взрыв, хотя и произвел большой общественный резонанс, оказался, однако, жидким — у здания было слегка повреждено лишь несколько кирпичей. Исполнителей, естественно, не нашли. Больше всего был возмущен интеллигентнейший Николай Павлович Зиновьев, подполковник-фронтовик, читавший на военной кафедре курс по заграждению (т.е.

минированию) железных дорог. На первой же после этого события лекции он укорял студентов своим глуховатым басом: «Мне стыдно за вас! Все, чему я вас учил, — псу под хвост. Ведь толовой шашкой при правильной установке можно разрушить пролётное строение моста, а вы не смогли разрушить даже трёх кирпичей!»

На параллельном курсе учился армянин Роберт Е-рян, который, в отличие от студентов-славян, всегда располагал свободными деньгами и часто позволял себе «праздники жизни». В общении это был приятный и доброжелательный человек. Во время военных сборов у нас с ним на досуге случайно завязался разговор на национальные темы. Начал разговор он сам словами о том, что русские — хорошие и добрые люди, но очень недружные, а вот армяне друг друга всегда поддерживают. Например, ему деньги на учёбу присылает дядя. Я спросил: «А откуда у дяди такие деньги? Он что, известный писатель, знаменитый артист или большой начальник?» — «Да нет. Но дяде помогает брат». — «А кто помогает брату?» Ходили мы с ним, ходили по кругу, и, в конце концов, пришлось признать: сколько ни перекладывай денег из одного кармана в другой, больше их не станет. Значит, есть другой карман, из которого деньги пополняются. Чей это карман, мы выяснять не стали, чтобы не осложнять межнациональных отношений.

В 1963 году мне довелось впервые встретиться с проявлением русофобии, когда был на Иссык-Куле в доме отдыха Сибирского отделения Академии наук (правда, к тому времени киргизские власти, поскольку дом отдыха стоял на киргизской земле, бесплатно забрали себе половину мест, не отягощая себя при этом затратами на эксплуатацию). Поехали однажды на экскурсию в Семёновское ущелье, получили на каждую группу из 6 человек сухой паёк. В нашей группе оказалась казашка, преподаватель вуза из Алма-Аты. За чаем у костра она нахваливала свой город, а потом неожиданно сказала: «Идёшь по улицам и не понимаешь, чей это город — русский или казахский?» Я опешил, но достойного ответа дать не сумел — отечественную историю я тогда знал слабо. Пришлось более серьезно ее изучать и многое для себя открывать, даже по учебникам кастрированной «Истории СССР». Позднее, когда по производственным или научным делам я объездил почти все республики Советского Союза, мне это пригодилось.

Дома отдыха, санатории, турбазы и пр. подобные заведения традиционно являлись местами завязывания скоротечных романов. В Бердском санатории, где мы в каникулы пос-

ле 3-го курса работали музыкантами на танцплощадке, был такой случай. В одной комнате соседками оказались две молодые женщины и дама почтенного возраста. Собрались моллодухи вечером идти на запланированные свидания, а старшая поинтересовалась, куда это они направились. Те со смехом ответили: «На кустотерапию». — «А что это такое?» — «Это такая лечебная процедура». Наутро неугомонная бабка пришла в дирекцию с требованием, чтобы и ей тоже назначили эту процедуру.

В 1960-е годы в таежной глуши при забивке свай под опору ЛЭП в речку свалился копёр вместе с бабой — огромной чугунной гирей, которой вручную забивали в те годы сваи. Строители отбили из ближайшего села в трест телеграмму: «В воду упала баба. Работы приостановлены». Телеграфистка посчитала текст грубым и заменила «бабу» на «женщину». В тресте телеграмма наделала переполох, там посчитали, что произошел несчастный случай со смертельным исходом, и командировали из Новосибирска на место события ответственных представителей для расследования обстоятельств трагедии.

В конце 1950-х годов минеральная вата на новосибирских стройках была еще в диковинку, и далеко не все строители знали о её коварном действии (микроскопические кусочки стекла, впиваясь в кожу, вызывают страшный зуд и воспаление). В стройуправлении, где я работал до института, один неосведомленный рабочий использовал минвату в качестве туалетной бумаги. Потом начальство долго ломало голову: как квалифицировать травму — как бытовую или как производственную?

Зимой 66—67 гг. я с сотрудником был в длительной командировке в Новокузнецке. Однажды он предложил съездить на выходные в соседний город в гости к своему дяде Семёну. Старик, перенесший много невзгод в жизни и по-русски стоически, даже с внешним безразличием смотревший на прожитую жизнь, оказался интересным человеком.

В 1937 г., 1 Мая, будучи крепко навеселе, он полез на крышу сельсовета снимать красный флаг — из самых патриотических побуждений. Флаг показался ему грязным, и он решил его постирать. Разумеется, дядю Семёна сгребли и дали 10 лет по 58-й статье — за контрреволюционную деятельность. Просидел он «от звонка до звонка» и, вспоминая эти годы, рассказывал: «Зато с какими людьми сидел! Помню, рядом со мной на нарах был один инженер. Смотрит он на потолок барака и говорит мне: «Семен, выбей-ка ногой этот брус». Я спрашиваю: «А крыша не рухнет?» — «Не рухнет».

Выбил я, а он мне велит: «А теперь с другой стороны!» Выбил я с другой, а он говорит: «Вот теперь всё нормально, а то дураки столько лишнего натолкали». Как я понял, речь шла о деревянных фермах, статический расчет которых инженеры сделал в уме и обнаружил ошибки. В наше время, когда людей с дипломами пруд пруди, такие специалисты уже почти не встречаются.

Наутро мы собрались уезжать, а дядя Семён слегка занедужил и решил подлечиться. Достает поллитровую банку, полную самых разнокалиберных и разноцветных таблеток. Выяснилось, что все таблетки, которые ему в последние годы выписывали врачи, он ссыпал в одну тару и брал оттуда без разбору. Выпил он при нас две какие-то таблетки, а через полчаса сказал: «Ну вот, теперь полегчало».

Среди моих студентов-вечерников оказался секретарь комитета комсомола НИИЖТа Павел Б-ров. Визиту его ко мне с курсовым проектом предшествовал звонок из парткома института с просьбой отнестись к Б-рову «внимательно», что я и выполнил: внимательнейшим образом просмотрел проект, нашел в нем кучу огрехов и ошибок. Самое же главное — проект был попросту не закончен. Разумеется, я отправил секретаря доделывать проект, исправлять ошибки и приходиться, когда будет готов к защите. Через день приходит вновь — как и прежде, важный и немногословный. Проект доделан, но многие ошибки не исправлены и — ни одного членораздельного ответа на мои вопросы, т.е. человек совершенно не понимал, что он делал (да и сам ли делал-то?). О положительной оценке и речи не могло идти. На следующий день меня пригласил сам секретарь парткома С.И. Ч-сов. Он очень вежливо пытался убедить меня, что Б-ров выполняет ответственную работу, очень занят и потому требует к себе особого отношения. Слушал я, слушал, а потом сказал: «Уважаемый Сидор Иванович, если я комсомольскому лидеру должен ставить четверки вместо двоек, то что же я должен ставить рядовым комсомольцам? И еще: ведь главная задача комитета комсомола в вузе — мобилизовать комсомольцев на добросовестную учебу, не так ли? А тут явное несоответствие получается. Помоему, Б-ров просто сидит не на своем месте». Так ни до чего мы и не договорились. А проект Б-ров все-таки сдал, другому преподавателю. Тот был членом КПСС и звонок из парткома воспринял как партийное поручение.

Мой студент-дипломник Боря Максимов (талантливый парнишка из сельского района, к сожалению, рано умерший) вскоре после окончания института вырос до высокой должности начальника мехколонны. Строили они в Барабинске швей-

ную фабрику. Из-за несвоевременной поставки железобетонных конструкций стройку часто лихорадило. Для «разбора полётов» приехал из Новосибирска заместитель по кадрам управляющего трестом, он же — секретарь парткома. Спрашивает Борю: «Почему стоите?» — «Потому что нет колонн». — «А это что?» — «Это ригели». — «Так монтируйте пока их!» Он, бедняга, и не догадывался, что ригели устанавливают на колонны.

Главным инженером крупнейшего в Новокузнецке завода сборного железобетона был Николай Павлинович Пуляевский — умница, человек прямой, бесхитростный, но страшный матерщинник. Когда его приглашали на партсобрание, он отвечал: «Во-первых, я беспартийный, а во-вторых, мне работать надо, а не время на пустую болтовню терять» (с добавлением непечатных выражений). На него махнули рукой, приглашать перестали и терпели только потому, что по глубине знаний, производственному опыту, умению быстро находить грамотные выходы из технически сложных положений ему не было равных, пожалуй, во всей стройиндустрии Кузбасса.

Как-то приезжаю к нему с нашей новой конструкцией балок, которая на четверть легче типовых и на 15% экономичнее по расходу арматуры. Он посмотрел чертежи, задал мне кучу вопросов и сказал, что балки ему очень понравились, но внедрять их у себя не будет. Далее передаю его слова, облачив их в цензурную форму: «Смотри сам: экономия бетона 25%, а экономия арматуры 15%. Это значит, на каждый кубометр бетона расходуется больше арматуры. А нам фонды на арматуру дают из расчета на куб бетона. Скажешь, что я не думаю об интересах государства? А зачем я о них буду думать, если оно само о них думать не хочет».

В 1967 г. на заводе на ст. Баженово, под Екатеринбургом (Свердловском) я проводил испытания балок нашей конструкции. Для испытаний понадобились металлические шары, которых на заводе, естественно, не было. Ближайшее место, где их можно было достать, — Сухоложский цементный завод, в 50 км от Баженово. Дали мне автомашину и официальное письмо. Приезжаю, хожу по кабинетам заводоуправления, начиная с главного инженера и кончая последним клерком, а вопрос никто не решает. Расстроенный, выхожу на крыльцо и рассказываю о своих хождениях шофёру. Он спрашивает: «А тебе какие шары-то нужны? Такие, что ли?» — и показывает десятка три шаров, лежащих в багажнике. Оказалось, пока я ходил по кабинетам, шофёр свободно набрал шаров из кучи, лежащей во дворе неподалеку от заводоуправления. Недаром в советское время родилась поговорка: «Легче украсть, чем купить».

На одной из лекций, с коими тогда часто выступали в НИИЖТе пропагандисты из горкома или обкома партии, зашла речь о садовых участках. Кто-то из аудитории задал вопрос: «Ну, ладно, дачные домики не больше, чем размерами 3 на 4 метра. Но почему запрещено строить бани? Почему на Кавказе они разрешены, а у нас запрещены?» Лектор ничего умнее не придумал, как ответить: «Мы должны учитывать национальные особенности других народов нашей страны». Это вызвало уже откровенную бурю возмущения: «Что, национальная особенность русских — ходить грязными?» Лектор промямлил что-то нечленораздельное и на этом свою лекцию закончил.

Заместителем начальника Главстройконструкции Министерства строительства, в ведении которого находилось наше СКТБ (я там работал в 70—80-е годы) был некто Жил-ов, человек профессионально невежественный, но с большим начальственным чванством, попавший в Москву из Саратова в «команде» нового заместителя министра.

Участвовал я как-то вместо нашего заболевшего директора в совещании партхозактива объединения СКТБ в Калинин (Твери), которое вел Жил-ов. Зашла речь о преднапряжённом железобетоне, на разработке которого специализировалось наше КБ. Жил-ов произнёс речь: «Нужно, чтобы новосибирцы перевели на предварительное напряжение все железобетонные конструкции!» Я не мог снести такой глупости и спросил с ехидным подтекстом: «И фундаментные блоки?» — «Да!» — «Но в них же вообще нет арматуры!» От возникшей неловкости наступила мёртвая тишина, и я попытался бросить спасательный круг: «Может, вы имеете в виду фундаментные подушки?» Жил-ов: «И фундаментные подушки тоже!»

Начальником отдела оснастки у нас в СКТБ работал Б.П.Жарский, среднего роста и субтильного телосложения. Во всех праздничных застольях он быстро пьянел и становился очень сентиментальным. В таком состоянии он однажды зашёл в мой отдел, подсел ко мне и предложил: «Давай, Валерий Васильевич, выпьем на... Ну, как это...» Он долго вспоминал нужное слово («брудершафт») и, наконец, вспомнил: «Давай выпьем на эшафот!»

По части импортных слов он еще раз отличился. Тогда на телеэкранах с утра до вечера мельтешил опостылевший Горбачев со своим «консенсусом». На одной из планерок в СКТБ разгорелся горячий спор между начальниками отделов. Б.П. решил всех примирить: «Что мы ругаемся! Давайте находить этот... косинус». Всеобщий хохот действительно всех примирил.

Работал в моем отделе заведующий сектором Лёня Гр-нов. Он хотя и много читал, но косноязычным был ужасно. Спрашивают его: «Где такой-то отчёт», а он: «Где его судьба, я не знаю». На отдележских планёрках своё выступление начинал обычно словами: «Я хочу сказать вот какого содержания». Эти и другие его фразы стали у нас ходячими.

В 1970-е я был свидетелем одного сюжета. Стою в аэропорту «Внуково» в очереди на посадку. Передо мной полковник с небольшим чемоданом и генерал-майор налегке, оживленно беседуют между собой, оба одного возраста. Я подумал: вот прощаются старые сослуживцы-товарищи или однокашники по академии, полковник улетает домой, а генерал его провожает. Но перед самым выходом на посадку выяснилось обратное: улетал генерал, а полковник просто нёс его чемодан — как обычный денщик. Пресловутая «дедовщина» началась, вероятно, не в солдатских казармах, а в генеральских кабинетах.

Бывая в Москве, я, как и все провинциалы, под завязку «отоваривался». Однажды при предварительном взвешивании обнаружил, что мой чемодан тянет на 36 кг (в начале 1970-х еще разрешался бесплатный багаж весом до 30 кг). Пришлось срочно 6 кг апельсинов «расфасовывать» по всем карманам. При посадке женщина-контролер спросила: «А что у вас в карманах?» — «А... Это? Это в дорогу, перекусить». Она сочувственно улыбнулась.

Сегодня невозможно представить, что в 60—70-е годы никаких досмотров не было: зарегистрировался — и на посадку. Однажды в самое пиковое время — в конце августа мне потребовалось срочно лететь во Владивосток. Билетов в городской кассе Аэрофлота, разумеется, уже не было, поехал «на ура» в аэропорт и в последний момент купил билет (кто-то не явился на регистрацию). Пассажиры уже увезли автобусом, а я бежал с портфелем по полю искать свой самолёт. Успел к самолёту, когда трап уже собирались откатывать.

Осенью 1970-го года мы с женой побывали в Ср. Азии. Прилетели в Бухару, устроились в гостинице, а наутро пошли осматривать город. Рядом с гостиницей был базар, на котором ничего интересного мы не увидели, кроме одного дряхлого аксакала, который, сидя по-турецки на коврике, торговал четырьмя дверными ручками. Ручки были деревянными и на редкость грубо изготовленными — такие у нас когда-то использовали только для дворовых уборных. Возвращаясь под вечер в гостиницу, мы опять заглянули на базар и увидели того же аксакала, в той же позе и с теми же ручками. Вероятно, главным для старика была не прибыль, а

сам процесс торговли — традиционно уважаемое узбеками «настоящее» мужское дело.

В центре Бухары был искусственный водоем под названием «Ляби-хауз», сохранившийся еще от Средних веков. Вокруг него небольшая площадь, а на ней несколько чайхан. Заказали мы в одной из них зеленый чай и пресные лепешки. Чайханщик, прежде чем подать нам пиалы, ополоснул их в тазу с черной, с жирными разводами водой. Я возмутился такой антисанитарией и попросил вымыть их как следует. Вымыл он пиалы под краном, а после этого вытер изнутри грязными пальцами и подал их мне левой рукой, прижав правую руку к сердцу. Я был полностью сражён, протестовать язык не повернулся.

В 1970-е годы в одной из своих командировок в Ленинград мне пришлось задержаться на выходные дни. Гуляя по городу, случайно набрел на Никольский морской собор, вошел внутрь и был настолько потрясен хоровым пением, что задался вопросом: «Почему на концертах и по радио никогда не звучит эта божественная музыка? Потому что она церковная? Тогда почему звучат хоралы и мессы Баха и Генделя, «Аве Марии» Баха и Шуберта, «Реквиемы» Моцарта и Верди?» Ответ пришел не сразу: «Да ведь потому, что это *русская* церковная музыка».

О кофе со взбитыми сливками я читал у русских классиков, а впервые отведал это изумительно вкусное блюдо только будучи в командировке в Харькове, и не в «элитном» ресторане, а в обычной забегаловке. В Киеве и Одессе с этой «барской» едой тоже проблем не было. Боже мой, какими же на этом фоне голодными были закопченные и неухоженные российские города, ковавшие щит родины — Красноярск и Иркутск, Нижний Тагил и Горький (Н.Новгород), Киров и Куйбышев (Самара) и несть им числа. А «настоящие» («ширые») украинцы убежденно считали, что это они кормят Россию. Впрочем, так же считали латыши и литовцы, грузины и армяне, узбеки и казахи.

Как-то моим соседом в самолёте оказался очень крупный чин из Западно-Сибирского управления гражданской авиации. Перед самой Москвой наш самолет развернули и посадили в Куйбышеве (Самаре), где мы и просидели часа четыре. Мой сосед был страшно расстроен: «Я ведь должен быть в министерстве на совещании в 11 часов! — Но вы же не виноваты. Скажете, что самолет опоздал. — А-а-а, это детская отговорка. Мне ответят: ты же, старый дурак, 20 лет в Аэрофлоте работаешь и свою фирму знать должен!»

Однажды, в конце 1970-х, мы с моим другом Володей Строковым (переехавшим незадолго до того в Новгород и рабо-

тавшим управляющим трестом) одновременно оказались в командировке в Москве, в Министерстве строительства. Позвонили еще одному бывшему НИИЖТовцу, новоиспеченному москвичу, и все вместе решили встретиться в ресторане «Славянский базар» (как туда сумели проникнуть — особая тема). Выпили, закусили, говорим о том о сём. Приносят на горячее лангеты. Володя попробовал и говорит: «Ребята, а гарнир с душком». Несмотря на наши отговоры, подзывает официанта. Он, бестия, профессионал — сразу учуял в нас провинциалов, говорит снисходительно. Володя требует шеф-повара. Является, высокомерно разъясняет, что это специфический запах какого-то овоща (врет, конечно!). Тут Володю понесло: «Сударь мой, такого запаха не бывает даже у спаржи, после недельного маринада. Специфический запах издают только артишоки, но запах у них пикантный. Вы же принесли нам элементарную тухлятину, потрудитесь ее заменить и в дальнейшем будьте осмотрительнее, прежде чем обнаруживать недостаток своих кулинарных познаний». Блюда нам заменили, причем принесли (на всякий случай!) куда более увесистые лангеты. Когда мы спросили Володьку, что такое спаржа и артишоки, он ответил, что и понятия не имеет.

В 1983 году я побывал в командировке в Венгрии по линии Минстроя СССР в составе делегации из шести человек. Главой был некто Р-чѐв, зам. начальника Главтехуправления министерства, маленький, плотненький и очень осанистый. Остальные — из Ярославля, Твери (Калинина), Н.Новгорода (Горького) и Вильнюса — тоже крупные начальники, и, разумеется, все члены КПСС. Как я туда попал при моей скромной должности начальника отдела СКТБ и беспартийности, было, вероятно, для них загадкой.

Отношения мои с Р-чѐвым не сложились со второго же дня в связи вот с чем. По дороге из Будапешта в Дьѐр нам неоднократно встречались памятники павшим советским воинам (везли нас на микроавтобусе). Я предложил купить цветы и возложить их к одному из следующих памятников. Главе делегации такая «инициатива снизу» не понравилась, и он её барственно осадил. Мне эта барственность тоже не понравилось. Дальше — больше, и через день наши отношения были почти что вражескими. Однако за два последних дня Рычев вдруг горячо меня возлюбил.

Из западного Дьѐра мы переезжали через всю Венгрию в восточный Дебрецен (на том же микроавтобусе). Дорога долгая, а хозяева снабдили нас огромным количеством вина. Р-чѐв по дороге крепко надрался, вечером в гостинице добавил

еще, потом, возвращаясь из туалета, перепутал комнату и полез спать на мою кровать. На возражения мои и увещевания других разразился многоэтажным матом, поэтому пришлось нам его тело переносить на законную кровать. Наутро многоопытный его сосед по комнате, начальник Калининского управления строительства, доходчиво описал порядок его вчерашних действий, после чего Р-чёва обуял страх. Он, видимо, решил, что неспроста в делегацию включили какую-то мелкую сошку из дремучей Сибири, которая (сошка) не слишком почтительно себя ведёт. И никакая это не сошка, и не беспартийная она, а скорее всего это просто стукач из КГБ. После чего Р-чёва было не узнать — заискивание его передо мной было настолько мерзким, что всем было неудобно.

Надо отдать справедливость: барственная спесь Р-чёва проявлялась не только по отношению к членам нашей делегации, но и к венграм. Впрочем, некоторые основания для этого были. Ездили мы туда в порядке «обмена опытом», хотя учиться нам у них в техническом отношении было совершенно нечему. Мы, каждый по своему направлению, находили у них немало несовершенного и отсталого. Это они, бывая с ответными визитами, увозили от нас кучу конструкторской и технологической документации — совершенно бесплатно, конечно. А для советских делегаций командировки в Венгрию были лишь приятными турпоездками за государственный счёт.

Учиться у венгров нужно было не нам, инженерам, а политикам. Там уже несколько лет успешно действовала новая экономическая модель. Предприятия оставались в собственности государства, но государственные планы им постепенно снижались, а остальные заказы они должны были искать сами. Появилась конкуренция, стремление к снижению себестоимости продукции и повышению ее качества. Госзаказы давались на основе конкурсного отбора. Чтобы не побуждать инфляцию, государство установило жесткий контроль за ростом зарплаты, в том числе и директоров (не более 4% в год). Была разрешена частная торговля и частный сектор в сельском хозяйстве. Полки магазинов ломились от товаров. Свои трудности у венгерского правительства, конечно, были, но была цель, и страна к этой цели двигалась. Как это назвать — государственным капитализмом или рыночным социализмом, не знаю. Думаю, всё же социализмом, ибо соблюдался его главный принцип: «От каждого — по способностям, каждому — по труду». Всё это было хорошо известно в Кремле, но там было также известно, что в Венгрии партия не вмешивается в экономическую деятельность предприя-

тий, а это для аппарата КПСС было смерти подобно. Увы, смерть всё же наступила, но совсем по другим причинам.

В Будапеште я зашёл с двумя нашими товарищами в небольшой универсам. Они не скрывали восхищения обилием сортов колбас, сыров и прочей гастрономии. Я им посоветовал: «Вы смотрите на колбасы не как на товары, а как на музейные экспонаты, которые ни потрогать, ни попробовать нельзя. И сразу на душе станет спокойнее».

В Дебрецене наша переводчица однажды с очень большим почтением отозвалась о Яноше Кадаре, добавив: «Он не то, что ваш [т.е. Брежнев], который нацепил на себя все ордена». Все наши понуро промолчали, а меня зацепило: «Знаете, у нас принято, как в Древнем Риме: о мертвых или хорошо, или ничего». Переводчица была вынуждена извиниться.

До меня в аналогичной командировке поздней осенью в Венгрии побывал наш главный инженер А. Е. Требесов, личность очень яркая. Делегацию, в которой он был, привезли на озеро Балатон, и кто-то из мадьяр подначил в том смысле, что сибиряки народ закалённый и такой воды, наверно, не боятся. А. Е. (было ему уже за 50) откликнулся на подначку: разделся, зашел в озеро с обжигающе холодной водой и несколько минут поплавал. Потом демонстративно не торопясь обтёрся и оделся, не торопясь дошёл до гостиницы, а дальше, как он рассказывал, помчался во всю прыть в буфет, купил бутылку бренди, всю ее выпил, завалился спать и утром встал без признаков простуды. На следующий день в венгерском министерстве об этом уже знали, и когда туда привезли с Балатона советскую делегацию, Требесова встречали как героя. На восторги он «застенчиво» отвечал: «А что тут особенного. Мы в Оби купаемся, как только лёд сойдёт. Иногда даже плаваешь и льдины руками отталкиваешь». Об этом вспоминали в министерстве, узнав, что я тоже из Сибири. К счастью, поездка на Балатон (дело было в октябре) у нас не была предусмотрена.

В 1986 г. в Кутаиси произошло обрушение покрытия строящегося мясокомбината с человеческими жертвами. Оно так бы и осталось «внутренним» делом Грузии, но комбинат был единственным пусковым объектом союзного Минмясомолпрома, и катастрофа приобрела всесоюзный статус, потому Министерство строительства направило туда комиссию для расследования причин в составе трех человек: меня по части железобетонных конструкций, ярославца по части технологии строительства и москвича из министерства неизвестно по какой части. Причины обрушения выяснили быстро: прочность бетона 18-метровых балок была вдвое ниже проектной,

а арматуры в них — в полтора раза меньше требуемой. Приехали в Тбилиси на завод-изготовитель. Главный инженер (кандидат наук почему-то в области керамики), уже 6-й по счету за последние 5 лет, уверяет, что разрешение на изменение конструкции им дал местный НИИ. Мы просим показать чертежи с изменениями и научно-технический отчет о результатах испытаний столь «экономичных» балок. Через полчаса нам приносят счета на оплату работы этого НИИ. Мы говорим, что нас интересует не счет, а отчет. Ждем еще час, но ни чертежей, ни отчета так и «не нашли». Вернулись в Москву, доложили результаты, а на вопрос зам. министра ответили, что дальнейшие действия — это прерогатива не министерства, а прокуратуры. Зам. министра с сомнением покачал головой: у грузин в Москве столь могучая рука (имея в виду члена Политбюро Шеварднадзе), что связываться — себе дороже.

В 1988 году произошло землетрясение в Армении, однако ещё вопрос, кто больше виноват в страшном количестве жертв — стихия или армянские строители. В Ленинакане рухнул огромный производственный корпус, запроектированный по всем антисейсмическим правилам одним новосибирским проектным институтом. Была задета честь институтского мундира, и директор обратился к кафедре железобетонных конструкций НИСИ (я там работал тогда по совместительству) с просьбой выяснить причины обрушения. Отправилась в Ленинакан группа опытных специалистов и через две недели привезла ошеломляющие результаты, проиллюстрированные фотографиями. Кроме массовых чисто технических безобразий (низкая прочность бетона, отсутствие сварки деталей, недостаток арматуры, вопиющие отклонения от размеров и т.д.), было и такое: в теле железобетонных конструкций встречался обыкновенный мусор и даже попадались галоши, на чем, конечно же, можно было сэкономить немало цемента.

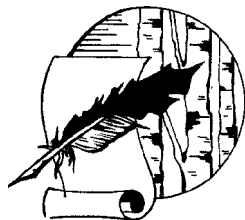
За год до землетрясения я побывал в Ереване с докладом на всесоюзной конференции. Поразили меня там две вещи. Во-первых, гигантские памятники. Конный памятник Давиду Сасунскому был столь велик, что яйца коня достигали размеров хороших арбузов, а памятник жертвам геноцида и памятник «Мать-Армения» не только поражали своими масштабами, но и находились на высоких холмах с бесконечными лестницами — подобно вавилонским зиккуратам. Чем вызвана такая гигантомания — особенностями армянской культуры или стремлением выглядеть великой нацией, судить не берусь. Во-вторых, пустующее метро. Зачем оно нуж-

но было просторному городу с широкими улицами, хорошим наземным транспортом и с населением, едва достигшим миллиона, было непонятно. Единственное объяснение — «ленинская национальная политика».

В 90-е годы цены на услуги росли фантастическими темпами, особенно в парикмахерских. По этой причине среднестатистический новосибирский мужчина стригся не чаще 3—4 раз в год. Будучи однажды в шутовском настроении, захожу в парикмахерскую: «Сколько у вас стоит обычная стрижка? — Десять тысяч. — А полголовы? Пять? — Я вас не понимаю. — Ну, полголовы? — То есть, как полголовы?» Тогда снимаю со своей наполовину лысой головы шапку: «Вот так, полголовы!» Парикмахерша растерялась, но не надолго: «Хорошо, за шесть тысяч я вас постригу». Вскоре мне эти «торги» надоели, я купил себе машинку и с тех пор стригусь дома.

1990-е годы характеризовались не только фантастическим грабежом страны, не только беснованием либерал-русофобов, но и необыкновенным русским национальным подъемом. Увы, не нашлось ни лидера, ни организации, которая бы этот подъем сплотила, — Ельцина ещё вполне можно было убрать конституционным путём. В то время в Новосибирске работал очень смелый патриотический радиоканал «Слово» (он и сейчас работает, только без смелости и патриотизма). На одной из политических тусовок, где я участвовал, главный редактор пригласил выступить у себя в программе «Свободный микрофон». Первая моя передача имела успех, и стал я там выступать довольно часто (на общественных началах, конечно) с титулами то «публицист», то «наш политический обозреватель». В 1996 году после 1-го тура выборов президента я выступил с небольшой передачей «10 ельцинских ударов по России» (название — антоним «10 сталинских ударов» по Германии). Нашлись радиослушатели, которые передачу записали, распечатали и принесли в обком КПРФ секретарю Кузнецову с предложением размножить и распространить текст как листовку. Кузнецов им ответил: «Вам надо, вы и делайте». И действительно, перед вторым туром КПРФ всякую агитацию прекратила. Подозрения в отношении этой партии у меня закрались еще весной 1996 года после выступления Зюганова на экономическом форуме в Давосе...

г. Новосибирск

Светлана СУПРУНОВА

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПАРОДИИ

По секрету

Здесь днём сегодняшним живём,
Семь бед — один ответ,
А там, куда мы все идём,
Зарплат и пенсий нет.
Там, с остальными наравне,
К расчёту, наг и бос,
И то, что ты служил стране,
Зачтётся ль? Вот вопрос.
А не зачтётся, что пеняшь?
Авось, у райских врат
Ты будешь на часах стоять,
Солдат — везде солдат.

Александр Кердан

Чтоб эрудицией блеснуть,
Я рассказал секрет,
Что там, куда мы держим путь,
Деньжат и блата нет.

Что там изжито хвастовство
И скромн всякий стих,
И что обиднее всего —
Там нету книг моих.

Я задержусь у врат чуток,
Армейских полон сил,
Но не возьмёт под козырёк
Архангел Гавриил.

Как страшен цепкий взгляд его!
Как сканер — этот взгляд,
И райсовет, скорей всего,
Пошлёт меня в наряд.

Реминисценции

Здесь колдуны беду пророчат
И память держат без огня,
Здесь всё равно меня растопчут
Копыта медного коня.
Здесь небеса белеют мутью,
Повсюду бродит ОРВИ...

Михаил Анищенко

До святок дотяну едва ли,
Весь побледнел, озноб уже.
«Ты будешь жить, — врачи сказали, —
Но только сделай БЦЖ».

Не сплю, ворочаюсь в кровати,
Белеют чем-то небеса,
Нева чернеет чем-то, кстати,
И всей-то ночи — полчаса.

Ветра, ветра, меня заносит.
Я в БДТ — а там «Ромэн»,
Цыганка мило ручку просит.
Уйди, лукавая Кармен!

Всё как-то сразу: эта речка,
И эта крепость, и т.п.
Бросаю гневное словечко,
Я возмущён как член СП.

О город, страшный и зловердный!
Покоя нет ни тут, ни там,
Ещё и всадник этот медный
За мной несётся по пятам.

Бегу и плачу безутешно,
Чем вызываю интерес,
Реминисцирую, конечно.
Ну что б я делал без А.С.?

Ну, Склифосовский!

Вопрос отнюдь не философский
И не досужий в том числе:
Любил ли женщин Склифосовский
На хирургическом столе?

Владимир Бояринов

Ответ совсем не философский
По грешной катится земле:
Любил всех женщин Склифосовский
На хирургическом столе.

Писаки там, писаки возле,
И мысль терзает, нету сил:
Он до наркоза или после
Больную женщину любил?

Сейчас одна, потом другая...
Всё представляю, сам не свой,
Как беззащитная, нагая
Она лежит под простынёй.

Перед великими тускнею,
Каков мужик — как дуб, могуч!
«Минутка есть ещё, успею!» —
И двери запирает на ключ.

До кабинета мне два шага,
Опять с тоской (чего скрывать?)
Смотрю на стол, а там бумага.
Кто б подсказал, о чём писать?

Приметы

Мне дожди ни к чему пока:
Паука раздавить — к дождю.
Вязь роскошного островка
Из угла сметать погоду.

Наталья Радостева

Я приметам убедю,
Всё сбывается тут и там,
Муж к соседке зашёл — к дождю,
Ну, а если домой — к ветрам.

К страшной ссоре — рассыпать соль,
Ты подальше её положи,
Это к ночи бессонной, коль
Огурцы молоком запьёшь.

К боли пяточной и зубной,
Если дёргать за хвост кота,
Ну, а птицы над головой —
Это к стирке мого пальта.

Нос зачесется — тут бегом
В тот, что рядом, универсам.
Это к встрече, увы, с врачом,
Если чешется где-то там.

Если метко летит плевков
И тебе не хватает слов,
Это как бы опять намёк,
Что не надо писать стихов.

Как-то рвано и дыряво

Тяжело душе в ночи бессветной,
Жутко на отшибе бытия.
Как рулон бумаги туалетной,
Рвано убывает жизнь моя.

Лев Котюков

Где-то там моя шальная слава,
И в кармане старом ни гроша.
На душе то мокро, то дыряво,
Вот такая странная душа.

Сравниваю с горестью заметной
Всякие предметы бытия.
Как рулон бумаги туалетной,
Рукопись бесценная моя.

А сосед вчера проснулся рано
И в трусах в уборную бегом.
Как-то рвано, скажем, очень рвано
Уходил в неизвестность первый том.

Без места

Во мне и Чацкий, и Онегин,
Все Карамазовы, Левша,
Обломов, Чичиков, Телегин...
Как общежитие — душа.

Николай Зиновьев

Сквозят века, и в древних ветрах
Душа истончена, как тень,
Ведь на её квадратных метрах
Толкутся все кому не лень.

Порою чей-то возглас горек,
И вынырнет из толчеи
Не д'Артаньян, не бедный Йорик —
В душе толкутся все свои.

Вон Смердяков в компашке этой,
И Швондер, ярый управдом,
И Штирлиц, вечно с сигаретой.
Душа пропахла табаком.

Ещё князя (о сколько чести!) —
И Рюрик тут, и Трубецкой,
И Данко в этом чудном месте,
И Берлиоз, но с головой.

Души забиты кулуары.
Хаджи-Мурат, Карач-Мурза...
Тараса Бульбы шаровары
Опять бросаются в глаза.

Вон Киса в непотребном виде,
Орёт Микула: «Гой еси!»
Пусть в тесноте, да не в обиде,
Как говорится на Руси.

Душа-то без конца и краю,
И други все, считай, семья.
Бывает, всех пересчитаю
И спохвачусь: а где же я?

Почти по Блоку

Я вам казалась фишкой и подставой.
Не знали вы, где я беру слова
О доблести. О подвигах. О славе...
Надежда Мирошниченко

Ещё в цвету, мила и худошава,
Люблю морозы, ветер и суфле,
Не фишка я и даже не подстава,
Живу себе на горестной земле.

Я от постели тёплой отвернулась,
Сняла халат и слёз не пролила,
И в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь я из дому ушла.

Не просто так бродила по державе,
Смотрела на народ и дерева —
О доблестях, о подвигах, о славе
Искала настоящие слова.

Ищу в траве и вдоль трамвайных линий,
Пишу, пишу про все свои дела,
Но не стихи, вам снится плащ мой синий,
В котором я в сырую ночь ушла.

Как говорится, то не от верблюда,
Который год (аж кругом голова)
Терзаюсь я, откуда же, откуда
Узнали все, где я беру слова?

Не растерялся

Вернусь — эти длинные строчки
Любимой жене подарю.
Она их смотает в клубок
И шарфик мне на зиму свяжет.
Владимир Шемшученко

Замучили злые морозы.
Пришёл на свиданье, и вот
Тебе не гвоздики, не розы —
Сую свой дорожный блокнот.

Его ты листаешь, листаешь,
Испытуя прочность строки,
Потом восклицаешь: «А знаешь,
Свяжу-ка тебе я носки!»
Ты памятных строк километры
Смотала в огромный клубок,
Из Гоголя связаны гетры,
Из разных Толстых — свитерок.
Есенин ушёл на салфетки,
На шапки и шарфики — Фет,
Обвязаны на зиму детки,
И тёща, и даже сосед.
В сердцах я сказал: «Ну и дура,
Ты слишком уж круто взяла,
Вся русская литература
На спицах твоих умерла!»
Признаться, я не растерялся,
Всё, глупостей не натворю.
Чтоб кто-то один да остался,
Своих я стихов не дарю.

Провидица

Лет через двести, максимум — через триста
Мир на Земле изменится несказанно:
Переведутся лётчики, машинисты,
Звёзды уйдут на небо с телеэкранов...

Вероника Сенькина

Я подсчитала: через триста лет
Не будет ни тарелок, ни стаканов,
Маразм рекламы, ну, и прочий бред
Исчезнут навсегда с телеэкранов.

Колдуньи, маги улетят во мрак,
Как будто ввысь, но главное не это —
От «Дома-2» и Ксении Собчак
Вот отдохнёт уставшая планета!

Сквозь дырку в шаре вытечет вода,
И росы испарятся, и туманы,
Поэтов бестолковая орда
Переведётся, словно тараканы.

О, времена великие грядут!
Земля по тишине истосковалась,
И если пародисты не уйдут,
То это значит — я пока осталась.

Как комсомолка

Мы познакомились в котельной,
Где я служил как истопник,
И труд мой был почти бесцельный —
К такому я давно привык.

Я кланялся своим лопатам,
Крепил выносливость углём
И сочинял отборным матом
Стихи о будущем своём.

А ты, без жалости и страха,
Вошла в мой мир углей и грёз,
Как комсомолка в штаб гестапо,
Как дочь кулацкая в колхоз.

Александр Хабаров

Пять вёрст до нашего посёлка,
И ты тихонько при луне,
Бесстрашная, как комсомолка,
Пришла в котельную ко мне.

На стуле сидя грязноватом,
Вдыхала сажу и тепло.
Мои стихи, с отборным матом,
Тебе услышать повезло.

Я сколько надо нарифмую
(Эх, жизнь котельная моя!),
Тебя на свет, полуживую,
Из кочегарки вынес я.

И утро свежестью дышало,
Я даже молчаливым стал,
И ты бессильно простонала:
«За что ты так меня пытал?».

Грёзы

Вдали кабак мерцает сладко,
Мороз ударил или свет.
«Ямщик, скажи мне для порядка,
Попойка будет или нет?»
Мы обустроились, согрелись
Среди свечей, лампад, острот.
Ах, боже мой, какая прелесть —
Красотка водку подаёт,
И глухаря, и пива кружки,
Как эту прелесть не любить!
И я подумал, что я — Пушкин,
Как славно Пушкиным побыть.
Владимир Скиф

Пригрелись кабак и тройка
И что летим туда стремглав.
«Ямщик, а будет ли попойка?» —
Тяну возницу за рукав.

«Всё будет, барин. Мне нальёте?»
Киваю головой. Вошли.
С поклоном: «Пушкин. Узнаёте?»
Девушка робко: «Натали».

Мы пили и шумели громко,
Летели пробки в потолок.
Ко мне подседа незнакомка,
И я представился ей: «Блок».

В виденьях снова перемены:
Сижу (вода со всех сторон)
На острове Святой Елены.
Наверно, я Наполеон.

г. Калининград

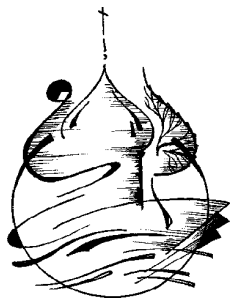
Ольга СОКУРОВА,
кандидат искусствоведения,
доцент исторического факультета СПбГУ

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИОАННЕ КРЕСТЬЯНКИНЕ

Время неумолимо ускоряет свой ход. Вот уже минуло тринадцать лет, как ушёл от нас в блаженную вечность всероссийский «старец из старцев», один из самых мощных духовных столпов современной Русской Православной Церкви, архимандрит Иоанн Крестьянкин. Среди нестроений и недоумений времени и судьбы не раз за эти годы вырывался вздох: как же батюшки не хватает! Но и не раз с глубочайшей благодарностью думалось о том, какие мы всё-таки счастливые — те, кому даровал Господь встречи с Божьими людьми, избранниками и угодниками Своими.

Встреча моя с о. Иоанном произошла в середине 1970-х гг. За несколько лет до этого я была тайно крещена в небольшом деревянном домике на окраине Питера известным в городе священником, о. Василием Лесняком, отличавшимся самоотверженным служением Богу и людям и редким бесстрашием.

В одной из своих проповедей о. Иоанн Крестьянкин назвал обращение нашего поколения к православной вере настоя-

СИМВОЛ ВЕРЫ

шим чудом: «...то, что современный человек, выросший и воспитанный без Бога, приходит в Церковь, где Господь встречает его словами: «Сегодня надобно Мне быть у тебя... ныне... спасение дому сему» (Лк. 19: 5), — вот это не мнимое, а действительно чудо».

Мы были свидетелями и участниками этого чуда. Промысел Божий вновь был явлен в исторических судьбах России. Моя жизнь неожиданно для меня самой оказалась вовлеченной в русло этой общей судьбы.

Управляемая Божиим Промыслом, я впервые приехала в Печоры. Мне очень хотелось увидеть и услышать о. Иоанна, о котором я много слышала в Питере от подруг. Одна из них, ныне схимонахиня Н., поразила меня рассказом о том, как «случайно» со знакомыми художниками она прибыла в Псково-Печерскую обитель будучи совсем неверующим человеком — более того, человеком, не видящим в жизни ни смысла, ни цели и задумавшим свести с нею счёты. Мама моей знакомой лежала в онкологической больнице с очень суровым диагнозом, и Н. думала проводить её в последний путь и потом последовать за ней... Но встреча с отцом Иоанном опрокинула её планы. Знакомая моя поведала, что после службы вдруг увидела, что через весь храм прямо на неё летит, по её выражению, «прекрасная чёрная бабочка»... Это был батюшка, который и вправду, как отмечают все его знавшие, всегда не ходил, а словно бы летал. Он остановился, внимательно посмотрел на неё, заботливо и заинтересованно задал несколько вопросов и предложил подробней побеседовать на следующий день. Н. сказала, что торопится к тяжело больной матери, но о. Иоанн заверил ее, что с мамой будет всё в порядке. Тогда Н. категорически заявила, что ни за что не придёт на встречу в косынке или платке. Батюшка засмеялся и сказал, что и не надо. ...После этой встречи она сразу же крестилась, совершенно изменила образ жизни, платок носила даже дома, к изумлению соседей по коммуналке. Кроме того, она тайно печатала на машинке и распространяла батюшкины проповеди. В то время, когда мы познакомились, Н. много и тяжело болела — словно «выбаливала» греховное прошлое, очищалась от него... Зато её мама, к изумлению врачей, выздоровела, прожила ещё многая, многая лета, постепенно пришла ко Господу и в возрасте более девяноста лет тихо отошла к Нему... Подобных историй, когда люди благодаря знакомству с о. Иоанном переживали полный духовный переворот, благие перемены в жизни и вступали на путь спасения, было много. Я попробую немного рассказать о своей встрече с батюшкой.

Итак, шёл, насколько помню, 1976 год. Было раннее летнее утро. Монастырь представился мне огромной чашей, наполненной благодатью. Пели птицы. Я спустилась в Успенский храм. Слышно было, как в соседнем приделе священник перед началом исповеди обратился к людям с призывом к покаянию. Меня поразили его голос: казалось, он устремлялся прямо к Престолу Божию. Поразили ясные, точные и прекрасные слова. Как филолог я не могла не отметить духовную красоту и силу краткой и ёмкой проповеди. И мне подумалось, что такой голос и такие слова могли принадлежать только о. Иоанну. Попробую передать свои первые зрительные впечатления. В движениях, жестах о. Иоанна, поворотах его высоко поднятой головы с седыми волнистыми волосами всё было торжественно, благообразно, гармонично. Если человек постоянно ходит перед Лицом Божиим, то только так, наверное, и должен он себя вести. Благородная красота поведения не раз отмечалась мною при последующих встречах с батюшкой.

А в ту первую встречу, уже после службы, я увидела, как он движется. Н. была права — не идет, а как будто радостно летит, и за ним бежит, поспевает народ. Вот он прижимает к себе чью-то счастливую голову, а по чьей-то, не менее счастливой, вразумляюще постукивает рукой. Вот он отвечает на вопросы, и люди старательно вытягивают шеи, чтобы не упустить ни одного драгоценного словечка. Вот батюшка пошутил — и все по-детски светло смеются, и словно горы скатываются с плеч. Да, именно так: несли к нему горы тяжких неразрешимых проблем, а глядь — вместо твоей горы осталась маленькая кочка, с которой управиться с Божьей помощью можно просто, бодро и легко.

...Утром следующего дня я исписала всю ученическую тетрадь — в ней я поведала батюшке свою жизнь от раннего детства, ничего не утаив, рассказав и о том, что было спрятано в самых тайниках памяти и совести. Это была так называемая генеральная исповедь.

Несколько дней после этого я ходила сама не своя в ожидании сурового приговора. И вот у монастырского колодца произошёл мой первый разговор с батюшкой. Совершенно неожиданно он встретил меня радостно и очень ласково. Потом-то я поняла, что если и можно было когда-нибудь получить его одобрение, то только в случае глубокого покаяния, трезвого и строгого рассуждения о себе. Дар рассуждения батюшка всегда называл самым драгоценным и необходимым. В ту первую нашу встречу у колодца батюшка подарил мне икону Божьей Матери «Державная» и сразу ответил на

некоторые вопросы, о которых можно было говорить не наедине. Так, он научил меня, как молиться за мою нянюшку, полного имени которой я не знала (дома мы звали её тетя Фаня). Она посеяла когда-то в моём детском сердце семена веры, взошедшие через многие годы. А молиться надо было очень просто: «Спаси, Господи, душу рабы Твояе, еяже имя Ты веси». Краткие молитвы, от всего сердца к Богу возносимые, по словам батюшки, очень важны, и в иных обстоятельствах жизни могут заменять большое молитвенное правило.

Посчастливилось мне в те давние благословенные времена часто бывать в батюшкиной келье. Чистота, белизна — вот первое от неё впечатление. И батюшка — чистый, белый. Глаза сквозь линзы очков кажутся огромными, всезнающими. Смотрят глубоко-глубоко и всё в тебе видят. И страшно, и совестно, и радостно. Вообще благоговейный страх — очень характерное состояние грешной души рядом со святым человеком. И тем более сильной, захватывающей дух была радость от той бесконечной, всепокрывающей, неизменной и несомненной любви, которая изливалась от батюшки и свидетельствовала о любви Божией к Своему творению.

«Сядем рядком, поговорим ладком», — скажет, бывало, батюшка и усадит на диванчик. И я вся обращаюсь в слух, боюсь что-то важное упустить, не уразуметь, не запомнить.

Над изголовьем батюшкиной кровати — изображение старца Амвросия Оптинского. Он лежит больной, а смотрит бодро и весело. Русское слово «весёлый» означает «быть в силах». Во всех старцах — и в тех, о ком я читала, и в тех, кого посчастливилось видеть, — есть какая-то особая весёлость. Наверное, это весёлость победителей. В их весёлости — несомненное напоминание о победе Христа над адом и смертью. Поэтому весёлость наших старцев, по сути своей, пасхальная. О. Иоанна братия монастыря называла пасхальным батюшкой. И в то же время иногда в храме, оказавшись недалеко от батюшки во время чтения Акафиста, я сквозь стёкла его очков видела огромную, бездонную печаль, подобную той, какая бывает запечатлена порой на иконописных ликах Богоматери. Какие тёмные бездны мира, неведомые нам, были открыты ему в такие минуты?

Батюшка в своих проповедях считал необходимым вновь и вновь призывать нас преодолевать духовную расслабленность, напоминая о том, что «времена близки»: «У всех живущих на земле возникает в наше время предощущение грядущей катастрофы, но человечество, томимое тяжёлым предчувствием, не хочет остановиться, задуматься, понять, что с

ним происходит. Дьявольские силы поработили ум и сердце живущих грехом, который согнул и исказил человека настолько, что он перестал видеть Бога, он уже не может выпрямиться, чтобы ум его осиял свет Божественной истины и тьма исчезла».

«Дорогие мои, нельзя в наше время жить бездумно. Мы все, даже те, кто уже давно в ограде Церкви, испытываемся сейчас силой всяких соблазнов, в том числе силой нового религиозного сознания, ложной христианской духовности. И во всём этом является апокалиптический образ великого отступления, который охватит весь род человеческий перед концом света, о котором ныне напоминает Господь нам ежедневно...»

Разбираясь в сложных обстоятельствах и проблемах наступившего времени, сколько раз думала я о том, что сейчас бы батюшка, с его даром рассуждения, прозорливостью и трезвой опытностью всё поставил бы на свои места... Но ведь он, как и другие ушедшие от нас наставники, дали нам такое твёрдое основание веры, такие ясные и чёткие ориентиры, при которых нельзя, непозволительно сбиваться с пути, позволять лукавым силам вводить себя в заблуждение. Наши духовные отцы сполна даровали нам всё необходимое, а теперь надо самим идти в указанном ими направлении, творчески используя тот опыт, который с такой щедростью был передан нам.

О. Иоанн, как и все наши старцы, любил мудрую и светлую шутку. Однажды, уже прощаясь, он вспомнил, что от Митрополита Вениамина Федченкова, долгое время жившего в монастыре на покое, ему доводилось слышать следующее настойчивое пожелание: «Пора нам наконец понять, что мы представляем собой существенную ненужность для всех, кроме Господа». «Существенная ненужность!» — несколько раз с удовольствием повторил батюшка и при этом весело смеялся. Честно говоря, мне не очень было понятно, чему тут радоваться: ненужность, да ещё существенная, да еще и для всех... И лишь через много лет в одинокую и грустную минуту жизни, опытно ясно осознав правоту этих слов в отношении себя самой, я оценила изумительный смысл оговорки: «...для всех, кроме Господа». В самом деле, нужно спокойно понять и принять, что и мир, и люди, даже самые близкие, вполне обойдутся без нас: «...пройдёт над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его» (Пс. 102: 16). Но такова участь человека. А первое самоопределение Бога, самое таинственное Его Имя — Яхве — «Аз есмь Сущий». Это Имя назвал Христос в Гефсиманском саду, и в страхе и трепете

пали те, кто пришёл за Ним, чтобы отнять жизнь у Источника жизни. Господь пожелал Своею Любовью, чтобы мир существовал и чтобы явился в этот мир каждый из нас. И каждый из нас представляет собой существенную потребность для Господа. Причём так нужны, так дороги мы Ему, что Он хочет, чтобы мы не просто погостили в Его мире, а чтобы пребывали с Ним вечно. Если всё это «дойдёт» до каждого из нас по-настоящему, то какой это восторг, какая радость! И какая ответственность...

Ещё о. Иоанн не раз в шутку называл себя «скорой помощью». За этой шуткой, однако, тоже скрывалось нечто серьёзное: ведь «скорую» вызывают в особенно трудных, не терпящих промедления случаях. И батюшка в самом деле незамедлительно реагировал на сигнал беды, быстро и точно ставил диагноз, показывал путь к исцелению, находил и объяснял причины возникшей духовной опасности. Например, в одной из проповедей он писал: «...Люди делают страшный рывок из объятий сатанинских, люди тянутся к Богу. И Бог открывает им Свои отеческие объятия. Как было бы хорошо, если бы они по-детски смогли припасть ко всему, что даёт Господь в Церкви Своим чадам, начали бы учиться в Церкви заново мыслить, заново чувствовать, заново жить. Но нет! Великий «ухажёр» — диавол — похищает у них сознание того, кто они и зачем сюда пришли. И человек не входит, а «вваливается» в Церковь со всем тем, что есть и было в нём от прожитой жизни, и в таком состоянии начинает судить и рядить, что в Церкви правильно, а что изменить пора... Ещё не начав быть православным христианином, он становится судьёй и учителем».

Могу подтвердить эти суровые и справедливые слова любящего пастыря опытом своего поколения. Далеко не все из тех, кто пришёл к вере, сумели её сохранить. Для кого-то обращение к христианству было, прежде всего, актом вызова существовавшей тогда политической системе. Но и в Церковь такие люди нередко приносили семена бунта. Некоторые из них впоследствии покинули Церковь, пребывая на поверхности самоуверенных представлений о том, «как всё должно быть». Другие, оставшись в Церкви, затеяли разрушительную «реформаторскую» деятельность. А иные стали проявлять «ревность не по разуму» в связи с вопросами действительно значимыми и непростыми. Страсти вокруг ИНН тому пример. Когда эти страсти достигли опасной грани раскола и назрела острая необходимость в скорой духовной помощи, раздался спокойный, отрезвляющий и твёрдый голос о. Иоанна...

Он посмотрел на проблему взглядом духовным, но, увы, именно духовный взгляд далеко не все сумели понять и принять. Проблема «идентификационных номеров» действительно весьма симптоматична для нынешнего времени, но отнюдь не ей, как считает о. Иоанн, следует отводить первостепенную роль в деле нашего спасения. Ведь это проблема внешняя. Неизмеримо важнее проблемы внутренних недугов, которые зачастую оказываются заброшенными, запущенными в горячке борьбы с внешним врагом. Напомню его мысль: «Поверьте мне... если бы все «борцы» за истину и чистоту Православия взяли на своё вооружение молитву и жизнь в Боге, то Православие воссияло бы на Руси. Но «борцов» много и становится всё больше, а Истина собирает вокруг себя малое стадо».

Позволю себе привести запись одной своей беседы с батюшкой, происходившей давно, но по сей день не утратившей, как мне кажется, своей значимости.

Речь шла о выбранной одним человеком жизненной позиции (довольно рискованной и своевольной). Батюшка сразу оценил серьёзность его положения и напомнил следующие изречения из разных источников:

Иоанн Кронштадтский: «Будь осторожен и береги ум»;

Игнатий Брянчанинов: «Не пытайся изменить то, что попущено Господом»;

Философ Б. Спиноза: «Дела земные нельзя ни осмеивать, ни оплакивать» (т.е. не нужно относиться к ним с пренебрежением, но нельзя и принимать их слишком близко к сердцу, полностью отдаваться им).

Сам о. Иоанн говорил: «Мир идёт к концу, разрушается. В нём действуют тайные силы — фермент этого разрушения, идущего от сатаны. Они существуют уже тысячи и тысячи лет. Но Господь попустил, и допрашивать Его о Его планах мы не можем. Сегодня во всех точках планеты полыхает огромный костёр зла. Хорошо, если мы не подбрасываем в этот костёр собственных вязанок. Единственное, что требуется от каждого из нас, — в мире тьмы нести лучик света. Важно утверждать положительные ценности — это и есть главный вклад в защиту нашей православной культуры».

Нельзя идти на напрасные жертвы, если Господь не призвал. Главная опасность: за своевольным мужеством может скрываться утончённая гордость. В таких случаях борьба всегда кончается поражением, несёт вред. Берегите величайший дар жизни. Не кладите голову в пасть Вельзевула. «Будьте мудры как змеи и целы (просты) как голуби» (а не как симпатичные морские свинки, которые сами устремляются к удаву в пасть). Всё надо делать с пользой и рассуждением,

во всём ясно видеть позитивную цель. Не надо шуметь. Не надо вести себя вызывающе, а то получится, как в басне: «Ай, моська, знать, она сильна, коль лает на слона». Не надо рассчитывать только на свои личные силы. Господь призовёт — тогда иди на подвиг исповедания.

Помните: рассуждение важнее всего. Терпение нужнее всего. Молчание хорошо. Многоречие хуже. Лучше быть обиженным, чем обидчиком. С нас спросят прежде всего не то, что мы писали или чему учили, но как мы жили, что делали, и будут засчитывать нам дела добрые, чистоту совести. Конечно, своею совестью нельзя торговать ни при каких обстоятельствах и внешних условиях.

Писатель А.Франс: «Мир гибнет потому, что Вельзевул внушил людям, что его нет». Это меткое замечание. Современные люди весьма беспечны и попадают в сети лукавого. Сейчас (беседа записывалась в середине 1980-х гг. — О.С.) мы находимся в плену — худшем, чем татарское иго. Видимые власти — только исполнители, а над ними — градусы и степени. Повсюду царит язычество — гораздо худшее, чем в древние времена. Ибо старое язычество было полно веры — только в ложных богов. Новое язычество — циничное неверие, нигилизм, идолопоклонство себе.

Нас унижают и в чём только не обвиняют. Что же, оправдываться, доказывать, что это не так? Сейчас главное — выдержка... «Терпением вашим спасайте души ваши».

Один прозорливый старец (Нил Мироточивый) предсказывал: «Настанет время, когда год будет как месяц, месяц — как неделя, неделя — как день, а день — как минута». Колесо жизни вращается всё быстрее. На каждой спице колеса — живой человек. Чуть ослабеет — сорвётся с колеса, а перенапряжёт силы — разорвётся его сердце. Учитесь не ослабевать и не перенапрягаться.

Страшно предстать пред Господом с немирной душой.

Выдержка, выдержка и ещё раз выдержка.

Итак, терпение и хранение уст. Буду усиленно молиться».

Вот такая у меня сохранилась запись, сделанная сразу после встречи с батюшкой. Я старалась воспроизвести то, что он говорил, как можно точнее. Надеюсь, эта запись кому-нибудь и теперь сослужит добрую службу, поможет среди нынешних бурь и потрясений сохранить дух мирен. Только с таким внутренним устройством можно успешно вести брань против духов злобы.

Мирный дух, внутренняя тишина не препятствовали, а способствовали тому, что батюшка был твёрдым, последова-

тельным и бескомпромиссным борцом за чистоту православной веры. Он был очень строг, требуя от своих духовных чад и всех, кто обращался к нему за советом, точного исполнения заповедей Божиих и установлений Матери-Церкви, не допуская никаких послаблений, скажем, в вопросе о причинах развода для мирян, о невозможности рукополагать в священники второбрачных и т.д. Благословил Господь чадородие в законном супружестве даже до последних дней мира? Значит, нечего рассуждать о трудностях и обстоятельствах жизни. И так во всём — полностью доверяться Господу и следовать Ему. Во всех словах и действиях о. Иоанна видно его полное послушание воле Божией. «Наше дело — жить по заповедям, — говорит батюшка в одном из писем, — а оценку даст Господь. Мы же всегда рабы неключимые суть».

В защите чистоты православного вероучения, чистоты жизни вверенных ему духовных чад, в молитвах о страждущей России старец Иоанн Крестьянкин — настоящий духовный боец, и боец очень сильный. Знаю это не по наслышке. Должна засвидетельствовать, что он считал абсолютно недопустимым переход нашей Церкви на новый календарный стиль или замену церковнославянского языка на русский в богослужебной практике. После смерти Патриарха Пимена о. Иоанн вышел на амвон, сказал слово о почившем и, возвысив голос, возгласил: «Запомните завет Святейшего: никакого нового стиля! Никакого отказа от славянского языка, переданного Церкви в его письменном виде святыми братьями Кириллом и Мефодием! Никакого обновленчества! Никакого отступления от Православия! Это и мой завет». Слышен ли нам теперь, среди нынешней разноголосицы и разномыслия этот чистый голос?..

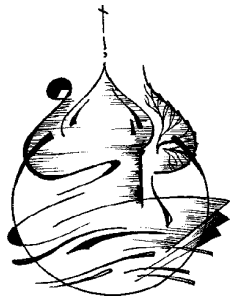
НАРОДНОСТЬ ИЛИ ДУХ И ВЕРА?

Труд Н.Я Данилевского «Россия и Европа» убирает всякую неопределенность или иллюзии по поводу отношения Западного мира к России. Россия для Запада — в наше время уже это не только Европа, но и США плюс Япония — всегда рассматривалась и будет рассматриваться как конкурент, как духовный неприятель, как враг. В этом смысле книга Данилевского всё расставила на свои места.

Пожалуй, можно сказать, что такое же впечатление по целостности изложения произвела на меня в своё время книга «Самодержавие Духа» митрополита Иоанна (Снычева). После ее прочтения в моём понимании истории России всё также встало на свои места.

Н.Я. Данилевский весьма точно «разложил по полкам» все составляющие элементы отношения Запада к России, научно обосновал своё мнение и снабдил свои доводы весьма яркими образами и наглядными примерами.

Наиболее прочно в памяти засела следующая, приведенная Н.Я. Данилевским, история: «Едва ли какое другое действие

СИМВОЛ ВЕРЫ

России возбуждало в Европе такое всеобщее негодование и сожаление, как война с кавказскими горцами и особливо недавно совершившееся покорение Кавказа. Сколько ни стараются наши публицисты выставить это дело как великую победу, одержанную общечеловеческою цивилизацией, — ничто не помогает. Не любит Европа, чтобы Россия бралась за это дело. Ну, на Сырдарье, в Коканде, в Самарканде, у дико-каменных киргизов еще куда ни шло, можно с грехом пополам допустить такое цивилизаторство, а то у нас под боком, на Кавказе; мы бы и сами тут поцивилизовали. Что кавказские горцы — и по своей фанатической религии, и по образу жизни, и привычкам и по самому свойству обитаемой ими страны — природные хищники и грабители, никогда не оставлявшие и не могущие оставлять своих соседей в покое, — все это не принимается в расчет. Рыцари без страха и упрека, паладины свободы, да и только! В Шотландских горах с небольшим лет сто тому назад жило несколько десятков, а может, и сотен тысяч таких же рыцарей свободы; хотя те были и христиане, и пообразованнее, и нравом помирнее, да и горы, в которых они жили, не Кавказским чета, но, однако же, Англия нашла, что нельзя терпеть их гайлендерских привычек, и при удобном случае разогнала на все четыре стороны. А Россия под страхом клейма гонительницы и угнетательницы свободы терпит с лишком миллион таких рыцарей, засевавших в неисследованных трущобах Кавказа, препятствующих на целые сотни верст кругом всякой мирной оседлости; и в ожидании, пока они не присоединятся к первым врагам, которым вздумается напасть на нее с этой стороны, — держит, не предвидя конца, двухсоттысячную армию под ружьем, чтобы сторожить все входы и выходы из этих разбойничьих вертепов. И по этому кавказскому (как и по польскому, как и по восточному, как и по всякому) вопросу можно судить о доброжелательстве Европы к России».

И действительно, особенно в последние десятилетия, пока Россия еще только собирает силы после развала СССР, Запад проводит особенно хищническую и коварную политику в отношении государств, которые попадают в зону его интересов. Тут тебе и Югославия, и Ирак, и Ливия, и Афганистан, и Сирия. И Украина с Венесуэлой. Когда Западу необходимо — он попирает все международные нормы права и законы. И его силам оказывается можно безнаказанно бомбить Югославию, вводить без приглашения свои войска в Сирию, устраивать и поддерживать кровавый государственный переворот на Украине, провоцировать и разжигать церковный раскол в православном мире, вводить санкции против государств, которые имеют другую точку зрения на происходящие события и т.п.

А когда Россия защищает русских людей на Донбассе или по просьбе правительства Сирии оказывает этому государству военную помощь, то на Западе сразу поднимается истеричный вопль о нарушении Россией «международных прав» и «демократических свобод».

В этом весь Запад. Духовная основа Запада — латинская ересь. Отсюда всё и произрастает — из латинского духа, который является ведущей силой Запада.

Три года назад папа римский полобызался с нашим Святейшим Патриархом в Гаване. «Мы братья», — заявил он тогда. А когда в прошлом году Фанар устроил раскол в Православном мире, то этот «брат» даже не икнул в защиту прав «своего брата» и канонической Церкви. Да и вряд ли такой раскол без санкции самого папы мог совершиться. Фанарские иерархи имеют давние и постоянные контакты с Ватиканом, причём в очевидном положении подчиненности.

В этом и проявляется латинское коварство. Сначала усыпить бдительность, а потом нанести неожиданный удар. Как было аккурат пять лет назад на Украине? Три западных министра иностранных дел выступили поручителями, а потом, когда все поверили в их поручительство и расслабились, Госдепом США была дана команда на штурм существующей легитимной власти.

О латинстве Н.Я. Данилевский также весьма точно отметил: *«Из краткого взгляда на православное, католическое и протестантское понимание значения церкви уже достаточно выказывается существенность различия между просветительными началами, исповедуемыми русским и большинством славянских народов, и теми, на которых основывается европейская цивилизация. Различие это не поглощается родовым понятием христианской цивилизации, потому что вследствие вольного и невольного искажения правильного понятия о церкви европейская цивилизация, произрастив немало действительно христианских плодов, — на основании неудержимого хода развития того зерна западной лжи, которое примешалось к вселенской истине, — дошла до непримиримого противоречия, теоретического и практического, с обеими западными формами христианства, которые, однако же, как протестантская, так и католическая Европа отождествляет с самим христианством и потому тщится заменить его рационализмом, более или менее радикальным, в области убеждения, а в области практической старается устранить противоречие разрывом между государством и церковью, т.е. между телом и духом; другими словами, хочет излечить болезнь смертью. Этот за́мен и этот разрыв еще не вполне совершились, но последний обхватывает все большее и большее число государств и при-*

ближается к своему кризису. Первый же проникает всё глубже в такие слои общества, в которых этот рационализм, проходящий всевозможные градации между деизмом и нигилизмом с огромным преобладанием последнего, по степени их развития и образованности не может уже составлять философского убеждения, а принимает характер веры — и веры по преимуществу атеистической, а следовательно, и с утилитарной точки зрения лишённой всякого этического значения».

Но если Данилевский 150 лет назад писал о том, что «этот замен и этот разрыв еще не вполне совершились», то на сегодня этот «разрыв» уже полностью завершен и оформлен. Западные правители и финансово-промышленные элиты полностью встали на сторону антихристианства, на сторону демонических сил, и ценностями для них являются те, что противны Богу.

Но в чем не прав Н.Я. Данилевский?

Как один из идеологов панславизма (всеобъемлющего объединения единокровных братьев-славян) он попытался представить национальный фактор — «фактор крови» — фундаментом русской жизни, русского бытия.

В противовес идеальной формуле отношений власти и общества в императорской России «Православие, самодержавие, народность», сформулированной современником Данилевского министром просвещения Сергеем Уваровым, он выдвинул свое понимание таких взаимоотношений, свою триаду — куда на первое место поставил «народность», затем «православие», а на третье место «власть». Причем совсем не монархическую самодержавную, а такую, какая «народности», т.е. народу, будет угодна.

По некоторым другим источникам власть («самодержавная»), ставилась панславистами на второе место, а Православие только на третье.

Н.Я. Данилевский писал: *«Народность составляет поэтому существенную основу государства, самую причину его существования, и главная цель его и есть именно охранение народности. Из самого определения государства следует, что государство, не имеющее народной основы, не имеет в себе жизненного начала и вообще не имеет никакой причины существовать».*

Но что такое народная основа? На чем она строится? По мнению Данилевского — на славянстве, на «крови народа».

А на мой взгляд, народная основа — это «дух народа». Дух русского народа формирует именно его православная вера. Эта вера и есть стержень народности. Поэтому и веру, т.е. Православие, в России нужно ставить на первое место. Ибо «в начале было Слово» (Ин. 1: 1), и Христос «тем, которые

приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились (Ин. 1: 12, 13). Без веры ничего не имеет смысла. Без веры Россия Богу не нужна.

Далее — власть. В России власть никакой демократией не удержишь. Как только вертикаль власти ослабеваает, сразу начинают расти сепаратистские настроения, подогреваемые и финансируемые теми же западными «партнерами», которые стремятся как можно скорее раскромсать русские территории для своих колониальных нужд. Поэтому власть в России может быть только самодержавной — будь она при Царе, при Генсеке КПСС или при действующем президенте. **И Россия будет существовать только при самодержавной власти. В другом варианте — России не будет.**

Затем — народность. У нас сегодня Православие есть, а народности нет. Народ разделен на группы по убеждениям. Например, на «красных» и «белых». Есть еще группа агентов западного влияния. Особенно в среде олигархических кругов и творческой интеллигенции. Есть группа антипатриотов, которые глубоко убеждены в правильности западных ценностей, и для их насаждения им не жаль ни самой России, ни русского народа. Хотя, может, они просто являются потомками немцев, англичан, французов и «разных прочих шведов», которые когда-то в изобилии привлекались к нам в качестве рабочей силы. Тогда все их действия по отношению к России вполне объяснимы. А может, у них другой врожденный менталитет, и отсюда эта тяга к Западу?

Как говорят, «это в крови». А «кровь есть душа» (Втор. 12: 23). Вот мы иногда говорим про предателей Родины — «продажная душа». Так и они кормятся от России и одновременно воюют против неё. Если веры нет, если Бога нет для человека, то тогда его ведут его «плоть и кровь». Вернее сказать, что «плоть и кровь», не защищенные духом, становятся открыты и доступны влиянию демонических сил. Которые и ведут эту «плоть» на баррикады.

В заключение приведу вывод, который сам же Н.Я Данилевский сделал в результате своих размышлений и утверждений: *«Из выставленной здесь черты русского народного характера, проявлявшейся при самых важных, торжественных мгновениях его жизни, выводится то заключение, что вообще не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу русского народа, а внутреннее нравственное сознание, медленно подготавливающееся в его духовном организме, но всецело обхватывающее его, когда настает время для его внешнего практического обнаружения и осуществления».*

«Внутреннее нравственное сознание» русского народа формировалось веками, и основой этого сознания всегда служила Православная вера. Именно вера помогла выстоять нам в годы испытаний. Сейчас на Западе сатана «правит бал». И в России пытается. И отчасти ему это удаётся. Противостоять сатане можно только со Христом. Даже во времена безбожия в нашей стране наш народ жил и исповедовал христианские нравственные принципы. Пользуясь аналогией с термином «несвятые святые», введенным теперь уже митрополитом Тихоном (Шевкуновым), можно назвать большую часть русского народа *неправославными православными*. У большинства нашего народа есть внутренний нравственный стержень. Но это духовный компонент, а не биологический.

Батюшка Серафим Саровский говорил, что «самый слабый из бесов может одним своим когтем весь земной шар перевернуть». И никакой народностью его не остановишь — «только молитвою и постом» (Мф. 17: 21). Только глубокой верой в то, что Христос посреди нас! И тогда победа духовная — преобразуется в победу материальную. Так всегда было — во всех сражениях и войнах. И на Чудском озере, и на поле Куликовом, и в дни смуты начала XVII века, и на Бородинском поле, и в Великой Отечественной войне.

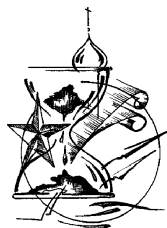
В своем труде «Самодержавие Духа» Владыка Иоанн писал: *«Всего несколько десятилетий прошло с той поры, как граф Сергей Семенович Уваров, министр народного просвещения в правительстве Николая I, гениально сформулировал основы русской жизни в знаменитом трехсоставном лозунге: «Православие, Самодержавие, Народность». Уходящая Русь оставила его России грядущей как духовное и политическое завещание — но как мало оказалось людей, способных правильно понять и верно оценить всю необходимость строгого и бережного соблюдения именно такой последовательности русских зиждительных начал. Государственная мощь должна стоять первой — решили патриоты-государственники, ревнители имперской идеологии. «Самодержавие, Православие, Народность» — получилось у них. Да нет же, возразили панслависты, именно народное, национальное начало является основным. Их лозунг выглядел как «Народность, Самодержавие, Православие». И что же? Сегодня, по прошествии стольких лет и по пролитии столь великой крови в хаосе русских смут, мы просто обязаны ясно понять, сколь гибельными оказались все эти внешне благонамеренные перестановки. Ибо без веры, без Церкви, без святынь — России нет и не может быть...»*

Нам остаётся только подписаться под этими словами.

г. Санкт-Петербург

ВЫЗОВ ВЕКА — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Посмотрим еще раз на демографическую карту Российской Федерации, где живут около двухсот народов. Большинство из них — коренные народы и народности, для которых Россия — основное или даже единственное место обитания. Я глубоко убежден, что такое национальное разнообразие России способствует сохранению ее жизнеспособности и самоутверждению. Но только заведомые враги России могут поддерживать это разнообразие путем ущемления прав ее этнического большинства — русского народа. Рано или поздно это неминуемо приведет к обострению национальной вражды, что мы уже, к сожалению, наблюдали после развала СССР. События в Кондапоге, взрыв ярого национализма на Манежной площади в декабре 2010 г., народный сход в Западном Бирюлеве в Москве в октябре 2013 г. раз за разом повергали власти РФ в полную растерянность. Там, увы, до сих пор не поняли, что семена этой вражды были намеренно посеяны большевиками-интернационалистами, открыто угнетавшими и уничтожавшими русский народ после октябрьского переворота 1917 г., и проросли теперь пышным цветом.

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Выкорчевывая коммунистическое наследие, Ельцин и его поделщики, как это ни парадоксально, оставили в неприкосновенности практически все унаследованное от СССР национально-административное деление РСФСР и практику большевистского «интернационализма». Как это выглядит сегодня? По данным Всероссийской переписи 2010 года, коренные народы России составляют 93% населения, из них свыше 80,9% — русские, 1,4% — украинцы и 0,38% — белорусы. Этнографы объединяют коренные народы России в несколько региональных групп, близких не только географически, но и, до известной степени, культурно-исторически. На долю народов Поволжья и Урала — башкир, калмыков, коми, марийцев, мордвы, татар, удмуртов и чувашей — приходится менее 8% населения страны (из них почти 3,87% татар — второй по численности народ России). Традиционная религия татар и башкир — ислам, калмыков — буддизм, остальных — православие.

Народы Северного Кавказа — абазины, адыгейцы, балкарцы, ингуши, кабардинцы, карачаевцы, осетины, черкесы, чеченцы, народы Дагестана (аварцы, агулы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, ногайцы, рутульцы, табасараны и цахуры) — составляют менее 3% населения России. Кроме большинства осетин (христиан), они традиционно исповедуют ислам.

Народы Сибири и Севера — алтайцы, буряты, тувинцы, хакасы, шорцы, якуты и почти три десятка так называемых малочисленных народов Севера — это 0,6% всего населения страны. Буряты и тувинцы — буддисты, остальные — православные, с сильными пережитками язычества и просто язычники.

Итак, повторю вновь: Россия после 1991 г. стала даже по стандартам ООН национально гомогенной страной. И по тем же стандартам — страной моноконфессиональной. Почему же это в государственном строительстве и в законодательстве РФ никак не учитывается? Почему русским в государстве, в котором они составляют абсолютное большинство, не принадлежит ничего и у них нет ни формально, ни реально своего национального очага, который есть у любого коренного меньшинства? Почему российская правящая элита так усердно поддерживает преемственность «ленинской национальной политики»? На мой взгляд, объясняется это прежде всего боязнью возникновения новой Чечни. Мол, не дай Бог, тронуть этих местных царьков — такое начнется! Вот поэтому и процветали и при Ельцине, и при Путине, и при Медведеве в полной неприкосновенности: бессменный

шахматолоб из Элисты, не без пользы для себя, воплощая свою мечту превратить родную Калмыкию в Нью-Васюки; башкирский султан, приватизировавший со своей семьей всё, что только можно на родине Салавата Юлаева; бывший первый партийный босс в Казани, семья которого владеет едва ли не большими богатствами, чем вся Золотая Орда, и другие.

Но по какому праву вообще именуется национальными республиками, нацобластями и округами те «субъекты Федерации», где «титульная нация» составляет меньшинство? Взглянем на этническую карту России (см. интернетресурс «Национальная и государственная безопасность Российской Федерации»). Что мы видим?

Адыгея: русские — 68%, адыгейцы — 22%, др. — 10%.

Горно-Алтайский край: русские — 60%, алтайцы — 31%, др. — 9%.

Башкортостан: русские — 39%, татары — 28%, башкиры — 22%, др. — 11%.

Бурятия: русские — 70%, буряты — 24%, др. — 6%.

Карелия: русские — 74%, карелы — 10%, др. — 16%.

Коми: русские — 58%, коми — 23%, др. — 19%.

Карачаево-Черкесия: русские — 42%, карачаевцы — 31%, черкесы — 10%, др. — 17%.

Мари-Эл: русские — 48%, мари — 43%, др. — 9%.

Мордовия: русские — 61%, мордва — 33%, др. — 6%.

Ненецкий А.О.: русские — 66,1%;, ненцы — 18,6%, коми — 9,0%.

Удмуртия: русские — 59%, удмурты — 31%, др. — 10%.

Хакасия: русские — 80%, хакасы — 11%, др. — 9%.

Ханты-Мансийский АО: русские — 68,1%, ханты — 1,3%, манси — 0,8%.

Чукотский АО: русские — 52,5%, чукчи — 26,7%.

Якутия: русские — 50%, якуты — 33%, др. — 17%.

Ямало-Ненецкий АО: русские — 61,7%, украинцы — 9,7%, ненцы — 5,9%, ханты — 1,9%.

В таких искусственных образованиях, как Еврейская автономная область, где все евреи вполне поместились бы в синагоге Биробиджана, русских также подавляющее большинство — 92,7%, но руководят областью этнические евреи — хотя их там всего 1%.

Спрашивается: а зачем вообще было городить весь этот огород национальных автономий, если они чаще всего никак не соответствуют этнической реальности России? После развала СССР и вытеснения русских они оказались в меньшинстве в Дагестане (9%), в Калмыкии (38%), в Северной Осетии (30%), в Кабардино-Балкарии (32%), в Туве (32%), в Татарстане

(39,7%), в Чечне и Ингушетии (совокупно — 24%). Там доминирование титульной нации оправданно пусть не с точки зрения демократии, но хотя бы в силу этнической реальности.

В тех же национальных вотчинах, где русских куда больше, чем представителей местной «титульной нации», на первые места в локальных правительствах и парламентах все равно продвигаются «национальные кадры», повсюду безнаказанно тусуются разного рода религиозные экстремисты и сепаратисты, а русские и другие славяне подвергаются безжалостной дискриминации. А ведь это не что иное, по всем западным меркам, как нарушение прав человека большинства населения, их узурпация заведомым меньшинством, в нашем случае — населения русского. Эти новые узурпаторы никакой интеграции не хотят. Они везде ведут дело к своей национальной диктатуре, что подтверждает политическая и экономическая практика местных царьков практически во всех автономиях. Автономии в РФ, где федеральные законы, если и соблюдаются, то только для вида, медленнее, но верно превращаются в пороховые бочки и не исключено, что они рванут рано или поздно, и тогда так запылывает, что мало не покажется. В 90-х годах, когда Борис Ельцин с очередного бодуна предложил нацреспубликам брать столько суверенитета, сколько они смогут «проглотить», это едва не произошло. Тогда Российскую Федерацию чуть не постигла судьба СССР. Потребовалось несколько лет, чтобы преодолеть последствия этой преступной ельцинской политики и восстановить вертикаль власти, — и здесь Путину надо отдать должное, но после, в наши дни, вертикаль эта еще слабовата. Рост национализма за последние годы в том же Татарстане — это, увы, реальность.

Центральная власть, однако, все еще полагает, что уступками и поблажками удастся и впредь удерживать национальные окраины в федеральной узде, но это иллюзия. 25 января 2012 г. «Газета» опубликовала статью своего обозревателя И. Сухова под недвусмысленным заголовком «Как федеральный центр пытается купить лояльность Северного Кавказа». Автор писал: «В 2010 году средний уровень дотационности в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) превысил 66%, а доходная часть бюджета СКФО — 271 млрд. руб. В грубом приближении это значит, что Россия тратит на Кавказе около 179 млрд. в год. Правительственная стратегия развития Кавказа до 2025 года, как минимум, не подразумевает сокращения бюджетных затрат. Частные деньги так и останутся гипотезой, пока на Кавказе проблемы с безопасностью».

Денис Соколов, директор Центра социальных и экономических исследований регионов РАМСОМ видит нынешнюю ситуацию так: «Логика распределения денег на Северном Кавказе строится не вокруг экономической эффективности, а вокруг уровня напряженности». Беда в том, что власти РФ по-прежнему цепляются за старые советские установки в решении национального вопроса. А они не просто устарели, но и доказали свою нежизнеспособность, так как были построены на восприятии желаемого за действительное. Российские парламентарии не раз предлагали использовать совершенно новую историческую и очевидную этническую реальность подавляющего превосходства русских в РФ, чтобы отменить все автономные округа и национальные республики, скроенные по советскому образцу, ввести вместо них административное деление на области с подчинением каждой своему федеральному округу. Это было бы логичным решением, как и закрепление законодательным путем государственного статуса русского народа со всеми отсюда вытекающими последствиями его пропорционального представительства в органах власти. И конечно, это способствовало бы искоренению традиций местного байства, ханства и прочих проявлений феодального трайбализма, успешной борьбе в национальных республиках и округах с коррупцией, которая процветает там сегодня пышным цветом и меша-ет нормальному развитию регионов.

Возможно, в таком случае следовало бы сделать исключение для Калмыкии, Татарстана, республик Северного Кавказа и Тувы, но гарантировать при этом, что их автономия в рамках Российской Федерации полностью исключает их суверенитет. Это необходимое условие, так как географическое положение приграничных автономий облегчает их выход из состава России, а суверенитет Татарстана вообще чреват для России геополитической катастрофой. Что касается остальных автономных образований, где титульный народ до большинства и такого титула явно не добирает, то здесь надо, наконец, всенародно признать, что они созданы искусственно «комиссарами в пыльных шлемах», которые злонамеренно перекроили карту России так, чтобы русский народ чувствовал себя национальным меньшинством. С учетом новой этнической реальности, сложившейся после развала СССР, эту большевистскую бомбу замедленного действия, подложенную под будущее нашей страны, надо по возможности скорее обезвредить, не лишая малые народы их культурной автономии, государственной поддержки и гарантий сохранения их языка, литературы, искусства и традиций. Русским

национальным государством должны управлять русские, что не исключает участия отдельных талантливых представителей малых народов в органах власти и даже в правительстве России.

Конечно, малые народы обязательно должны быть представлены в российском парламенте, как в свое время в Совете национальностей Верховного Совета СССР. Но тоже пропорционально их численности в составе народов России. Тут, конечно, сразу же возникают наши правозащитники с протестами и угрозами: «Вы знаете, что про вас тогда на Западе скажут?!»

Увы, в России привыкли то и дело оглядываться на Запад, сверяя российскую политическую практику с тамошней. Недаром подтрунивал над этим Достоевский, когда говорил, что мы любим Запад больше, чем он сам себя. Ну, давайте сверим, как это делается, например, во Франции. Там есть свои национальные меньшинства — корсиканцы, баски, бретонцы, провансальцы, если брать основные. Ни у кого из них национальной автономии нет. Есть культурная автономия. Их национальные традиции поощряются и соблюдаются. Они пользуются полным равенством с этническими французами, но любые попытки националистов добиться для них хотя бы автономии, не говоря уже о суверенитете, жестко пресекаются. И такую политику поддерживает большинство французов, что показали, например, президентские выборы 2007 г. Как только кандидат социалистической партии на пост президента Сеголен Руаяль заикнулась о том, что может подумать об автономии для Корсики, от нее отшатнулись даже социалисты. Это стоило ей поражения на выборах, а затем и лидерства в соцпартии. Такого французы не прощают.

Во Франции — значительный процент пришлого арабского и африканского населения в основном из бывших колоний. В пригороде Парижа Сен-Дени, например, их более 50%. Марсель — это вообще больше теперь арабский город, чем французский. И эти пришельцы не интегрируются, так как европейская цивилизация им чужда. В центре Парижа целые кварталы вблизи Монмартра напоминают теперь африканские трущобы, а не картины символистов Утрилло и Тулуз-Лотрека. Эта новая этническая реальность, сложившаяся во второй половине XX века, не нарушила, однако, гомогенности французского государства. Никакой автономии выходцы из Африки не имеют и не получают в обозримом будущем. В спорах о национальной идентичности, которые развернулись во Франции в конце 2009 г. с подачи министра иммиграции Ф.Бессона, все-таки возобладала позиция нацио-

нальных приоритетов, а не бездумного «интернационализма». Детей иммигрантов будут потихонечку приучать любить французский флаг и хотя бы раз в год заставят петь «Марсельезу». Строительство минаретов во Франции не запретили, как в Швейцарии, но носить чадру не позволят. И даже хиджаб — платок, закрывающий волосы, лоб и шею, запретили во французских школах. Франция остается национальным государством. И никто такой подход не считает отступлением от демократии.

Человечество вступает в весьма опасный турбулентный период — эру столкновения цивилизаций. России брошен вызов со стороны *либерального национализма*, которому в конечном итоге присягнули президент США Трамп и те крайне националистические экстремистские силы, которые за ним стоят. Это национализм «Великой Америки», американского мирового господства, антигуманизма, русофобии и антиправославия. Россия может адекватно ответить на этот вызов только при условии тотальной мобилизации ее государствообразующего русского народа и всех населяющих ее народов и народностей.

Американский политолог Сэмюэль Хантингтон, автор нашумевшей книги «Столкновение цивилизаций», многих своих коллег и читателей ошеломил выводом о том, что в будущей войне миров и цивилизаций главную роль сыграет даже не оружие, а культура. Здесь все преимущества у русской цивилизации, с ее высокой духовностью и человеколюбием. Приверженность русского народа православию с его добролюбием и соборностью дает русскому народу такие же силы, какие брал Антей у матушки-Земли. Властям предержащим следовало бы поддержать русского Антея, на котором, как небо на плечах античного героя, держится государство российское, вся земля русская, благополучие населяющих ее народов, а не винить его в «неправильном» национализме и русском патриотизме. Напротив, следует сделать всё возможное для утверждения его идентичности и национальной гордости, что только будет способствовать процветанию всех других народов России. Только так мы сможем победить в неминуемом столкновении цивилизаций, которое провоцирует *либеральный национализм*, провозглашенный Трампом и «мировой закулисой».

Павел ЗАДОРЖНЫЙ,
верховный атаман Союза казаков России

ИЗБАВИМСЯ ОТ ИМЁН ТЕРРОРИСТОВ!

100 лет назад, 24 января 1919 года, в обход центральных органов государственной власти и государственного управления РСФСР, минуя Пленум и Политбюро ЦК РКП(б), ВЦИК с его Казачьим отделом, Я.М. Свердлов — руководитель Оргбюро ЦК РКП(б) — подписал и организовал исполнение постановления «О расказачивании»:

«Последние события на различных фронтах в казачьих регионах — наши продвижения в глубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск заставляют нас дать указания партийным работникам о характере работы при воссоздании и укреплении Советской власти в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путём поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению вообще к казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты. Это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.

3. Применять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселение, где это возможно.

4. Уравнять пришлых, «иногородних», к казакам в земельном и во всех других отношениях.

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6. Выдавать оружие только надёжным элементам из иногородних.

7. Вооружённые отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.

8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твёрдость и неуклонно проводить настоящие указания.

ЦК постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли.

Я. Свердлов» (*журнал «Известия ЦК КПСС» (1989, № 6. С. 177—178).*

Данный документ поражает не только своей очевидной категоричностью и жестокостью, не укладывавшимися даже в экстремальную ситуацию Гражданской войны, но и явной расплывчатостью и неопределенностью многих ключевых формулировок. Последнее обстоятельство позволяло, а отчасти и прямо нацеливало, существенно расширить масштабы репрессий по отношению к казакам, включая и ни в чём не повинное мирное население. Например, если первая часть фразы первого пункта циркуляра «провести беспощадный массовый террор» более чем ясна и понятна, то вторая часть — «по отношению ко всем вообще казакам (!), принявшим какое-либо прямое или косвенное (!!) участие в борьбе с Советской властью» совершенно неопределённа. Что значит «косвенное участие»? Кто должен был определять степень причастности станичных жителей к борьбе с советской властью? Каковы критерии этого участия? Кроме того, данная фраза весьма красноречиво свидетельствует, что в большевистской политике по отношению к казачеству отсутствовал постоянно подчеркивавшийся советскими лидерами так называемый «классовый подход или принцип». Ведь в документе четко указано: «...ко всем вообще (!) казакам», в какой-либо степени причастным к шедшему вооружённому противоборству.

Сразу же после принятия данного циркулярного письма, в литературе зачастую именуемого директивой, Оргбюро ЦК рассылает его на места с указанием решительного осуществления всех указанных мер. Так было положено начало реализации преступной политики террористического расказачивания, вылившегося в геноцид казачества как этносоциальной общности (Оргбюро — орган созданный 16 января 1919 г. Центральным комитетом РКП(б) только для подготовки VII съезда РКП(б), в его функции не входило решать

судьбы людей. Всего в Оргбюро было три человека: Я. Свердлов, М. Владимирский и Н. Крестинский).

Ровно через 52 дня — 16 марта того же 1919 года это постановление было отменено Пленумом ЦК РКП(б) как ошибочное. Тем не менее этих пятидесяти двух дней исполнителям — Реввоенсовету республики (Л. Троцкий, Э. Скланский, И. Ходоровский, И. Смилга), РВС 8-й армии (И. Якир), Донбюро РКП(б) (С. Сырцов, А. Френкель), другим политическим организаторам, согласно постановлению, — хватило времени для кровавой расправы над казаками, что привело к втягиванию казачества в Гражданскую войну, более того, к расколу общества.

Каждый из них, являясь представителем политической власти в воинских формированиях, исполняя должности членов военных советов соединений и объединений, основываясь на постановлении, подписанном Я. Свердловым, в свою очередь, сам издавал документы применительно к местным условиям.

«Казачество должно быть уничтожено как народ, способный к самоорганизации», — подтвердил цель, указанную в постановлении Свердлова на одном из заседаний партийного актива Воронежской губернии, Л. Троцкий. 3 февраля 1919 г. он издал по Вооружённым Силам Республики приказ «О расказачивании». А 5 февраля был издан приказ № 171 «О расказачивании» РВС Южного фронта.

8 апреля Донбюро, как метастазу, выдало постановление: «Насущная задача — полное, быстрое и решительное уничтожение казачества как особой экономической группы, разрушение его хозяйственных устоев, физическое уничтожение казачьего чиновничества и офицерства, вообще всех верхов казачества, распыление и обезвреживание рядового казачества».

Все эти документы, основанные на подписанном Свердловым постановлении, прямо предписывали:

а) физическое истребление по крайней мере 100 тысяч казаков, способных носить оружие, т.е. от 18 до 50 лет;

б) физическое уничтожение «верхов» станиц, хотя бы и не принимающих участия в контрреволюционных действиях;

в) выселение значительной части казачьих семей за пределы Донской области;

г) переселение крестьян из малоземельных северных губерний на место ликвидированных станиц.

И это были не пустые угрозы: и Донбюро, и Реввоенсовет республики, и РВС 8-й армии, и другие формирования требовали неукоснительного исполнения на местах своих приказов и распоряжений.

«Ни от одного из комиссаров дивизий не было получено сведений о количестве расстрелянных... В тылу наших войск и впредь будет разгораться восстания, если не будут приняты меры, в корне пресекающие даже мысли о возможности такого. Эти меры: полное уничтожение всех, поднявших оружие, расстрел на месте всех, имеющих оружие, и даже процентное уничтожение мужского населения. Никаких переговоров с восставшими быть не должно» — как и все его подельники, требовал исполнения приказа от подчинённых ему наёмных отрядов член РВС 8-й армии Иона Якир (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 34).

Показательно в этом плане предписание Донбюро РКП(б):

«В целях скорейшей ликвидации казачьей контрреволюции и предупреждения возможных восстаний Донбюро предлагает провести через соответствующие советские учреждения следующее:

1) Во всех станицах, хуторах немедленно арестовать всех видных представителей данной станицы или хутора, пользующихся каким-либо авторитетом, хотя и не замешанных в контрреволюционных действиях, и отправить как заложников в районный революционный трибунал. (Уличенные, согласно директиве ЦК должны быть расстреляны.)

2) При опубликовании приказа о сдаче оружия объявить, что в случае обнаружения по истечении указанного срока у кого-либо оружия будет расстрелян не только владелец оружия, но и несколько заложников.

3) В состав ревкома ни в коем случае не могут входить лица казачьего звания, некоммунисты. Ответственность за нарушение указанного возлагается на райревкомы и организатора местного ревкома.

4) Составить по станицам под ответственность ревкомов списки всех бежавших казаков (то же относится и к кулакам) и без всякого исключения арестовывать и направлять в районные трибуналы, где должна быть применена высшая мера наказания» (*парта́рхив Ростовской области (ПАРО), ф. 12, оп. 23, д. 51, л. 11*).

Несмотря на команду о прекращении репрессивных мер, по сути, запрет подписанного Свердловым постановления, выполнение данных в нём указаний продолжалось.

Донбюро РКП(б), невзирая на запреты Пленума, продолжало работать в раз заданном императиве. Резолюция, принятая им 8 апреля, рекомендовала донским органам рассматривать донское казачество как базу контрреволюции. «*Все это, — говорилось в ней, — ставит насущной задачей вопрос о полном, быстром, решительном уничтожении казачества*

как особой экономической группы, разрушение его хозяйственных устоев, физическое уничтожение казачьего чиновничества и офицерства, вообще всех верхов казачества, активно контрреволюционных, распыление и обезвреживание рядового казачества и о формальной ликвидации казачества» (ЦПА ИМЛ, ф.17, оп. 65, д. 34, л. 163—165).

Все эти планы и действия по их выполнению были столь бесчеловечны, что привели в ужас даже большевистских представителей Центра, находившихся в воинских формированиях Южного и Восточного фронтов. «*Партийное бюро*, — докладывал посланный на Дон московский коммунист М.Нестеров, — *возглавлял человек... который действовал по какой-то инструкции из центра и понимал ее как полное уничтожение казачества. Расстреливались безграмотные старики и старухи, которые едва волочили ноги, урядники, не говоря уже об офицерах. В день расстреливали по 60—80 человек... Во главе продотдела стоял некто Голдин, его взгляд на казаков был такой: надо всех казаков вырезать! И заселить Донскую область пришлым элементом...*» (ЦА ФСБ РФ. С/д Н-217. Т.4. С.149—153).

Другой московский коммунист К.Краснушкин докладывал в ЦК большевистской партии: «*Комиссары станиц и хуторов грабили население, пьянствовали. Люди расстреливались совершенно невиновные — старики, старухи, дети, расстреливали на глазах у всей станицы сразу по 30—40 человек, с издевательствами, раздевали донага. Над женщинами, прикрывавшими руками свою наготу, издевались и запрещали это делать* (ГАРФ. Ф.1235. Оп.83. Д.8. Л.43—52).

Как сказано в энциклопедии «Казачество» (М., 2008 г.), «жестокость расказачивания по Я.М. Свердлову и его единомышленникам объясняется не только условиями Гражданской войны, но и тем, что значительную часть проводников этой политики на местах осуществляли лица нерусского происхождения (евреи, прибалты, мадьяры, чехи, словаки и другие), которым были чужды культура, история и боевые традиции российского казачества».

«В силу приказа о красном терроре, на Дону расстреляны десятки тысяч безоружных людей. Население стонало от насилий и надругательств. Нет хутора и станицы, которые не считали бы свои жертвы красного террора десятками и сотнями. Дон онемел от ужаса... Восстания в казачьих областях вызывались искусственно, чтобы под этим видом истребить казачество», — писал в своём воззвании к казакам и в письме Ленину в августе 1919 г. Ф.К. Миронов. Но глас его оказался гласом вопиющего в пустыне. Голос Филиппа Кузьми-

ча Миронова смолк в казематах Бутырской тюрьмы» (Лосев Е. «Миронов». М. 1991. С. 349).

Вспоминая события тех лет, М.А. Шолохов пишет (письмо А.М. Горькому от 6 июня 1931г.): *«Алексей Максимович! Некоторые «ортодоксальные» «вожди» РАППа обвиняли меня в том, что я будто бы оправдываю восстание, приводя факты ущемления казаков Верхнего Дона. Так ли это? Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествовавшую восстанию; причем сознательно упустил такие факты, служившие непосредственной причиной восстания, как бессудный расстрел в Мигулинской станице 62 казаков-стариков или расстрелы в станицах Казанской и Шумилинской, где количество расстрелянных казаков (бывшие выборные хуторские атаманы, георгиевские кавалеры, вахмистры, почетные станичные судьи, попечители школ и прочая буржуазия и контрреволюция хуторского масштаба) в течение 6 дней достигло солидной цифры — 400 с лишним человек. Наиболее мощная экономическая верхушка станицы и хутора: купцы, попы, мельники, отделялись денежной контрибуцией, а под пулю шли казаки зачастую из низов социальной прослойки. Естественно, что такая политика, проводимая некоторыми представителями советской власти, иногда даже заведомыми врагами, была истолкована как желание уничтожить не классы, а казачество»* (Шолохов М.А. Собр. соч. в 8 тт. Т. 8. М., 1980. С. 31).

А Реввоенсовет Восточного фронта (Иосиф Ходоровский) на основе постановления Оргбюро издал 28 февраля 1919 года инструкцию (для секретного и служебного пользования) войскам фронта, направленную на поголовное истребление оренбургского и уральского казачества:

«1. Все, оставшиеся в рядах казачьей армии после 1 марта, объявляются вне закона и подлежат беспощадному истреблению.

2. Все перебежчики, перешедшие на сторону Красной Армии после 1 марта, подлежат безусловному аресту. ЧК предписывается строжайшим образом расследовать обстоятельства их перехода.

3. Все семьи оставшихся в рядах казачьей армии после 1 марта объявляются арестованными и заложниками.

4. Объявленные заложниками поступают на учёт местного Совета: членам указанных семей и их имуществу производится учётная перепись.

5. Выезд семьям и их членам, объявленным заложниками, безусловно, воспрещается.

6. Все члены семей, объявленные заложниками, дают, во исполнение пункта 5, подписку.

7. В случае самовольного ухода одной из семей, объявленных заложниками, подлежат расстрелу все семьи, состоящие на учёте данного Совета.

8. Имущество расстрелянных конфискуется и распределяется среди беднейшего населения.

9. Все сражавшиеся против Красной Армии с оружием в руках и перебежчики, перешедшие после 1 марта, и освобождённые из-под ареста, лишаются права голоса, находясь на положении деревенской буржуазии.

10. Казаки в возрасте свыше 45 лет, не имеющие сыновей в Красной армии и не стоящие на стороне Советской власти, должны быть расстреляны.

11. Расстреливать на месте вместе с семьями казаков, не сдавшихся в плен по истечении недельного срока» (РЦХИДНИ. С. 60, 69, 70.)

Это был геноцид Казачества как части великого русского народа, народа государствообразующего на огромном евразийском пространстве. Возникает вопрос, почему именем Я.М. Свердлова нанёсшего непоправимый ущерб нашему народу, ущерб, который до сих пор кровоточит, будоражит современное российское общество, названы область (имя палача Свердлова 14 ноября 1924 года дано промышленному центру Урала — Екатеринбургской губернии), населённые пункты, проспекты, улицы, площади.

Мы, потомки Российского казачества, должны подумать о том, как сохранить память о сотнях тысячах репрессированных казаках, ушедших в историю забытыми, униженными, оторванными от родных мест.

Расстрелянных в хуторах и станицах казаков хоронили зачастую в ярах и балках без гробов, не отпевая по-христиански. Сосланных в ссылки и умерших от нечеловеческих условий жизни также хоронили неизвестно где и в каком месте.

Мы должны убрать имя Свердлова (величайшего террориста всех времен и народов) с карты нашей Родины, вернуть городам и иным населённым пунктам их исконные, данные нашими предками, имена. Сегодня Россия борется с терроризмом в Сирии, но как можно бороться с терроризмом, если имя подлинного террориста носит промышленный центр Урала?

В нашей стране и за рубежом широко известна демографическая катастрофа России. Особенно среди русского народа. Возникает вопрос: не является ли это результатом деятельности нынешних духовных наследников Якова Свердлова?

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГЕНОЦИД В РУССКИХ ОБЛАСТЯХ

Вот что вытворяли на нашей земле европейские цивилизаторы во время развязанной ими в 1941 году Войны.

Смоленская область: из 2 миллионов населения осталось 0,9 млн. Население сократилось на 55%, то есть на 1,1 млн. человек — этот миллион сто тыс. человек так и не восстановился.

Орловская область: из 2 миллионов осталось 0,9 млн. Население сократилось на 55%, т.е. на 1,1 млн. человек — он так и не восстановился.

Курская область: из 3 миллионов осталось 1,5 млн. Население сократилось на 50% — на 1,5 млн. человек, оно так и не восстановилось.

Воронежская область: население сократилось на 1 миллион человек — и оно не восстановилось.

Брянская область: население сократилось на 0,5 млн. человек — и не восстановилось..

Псковская область: население сократилось на 0,5 млн. человек — и не восстановилось.

Новгородская область: население сократилось на 0,4 млн. человек — и не восстановилось.

Тверская область: — население сократилось на 0,5 млн. человек, оно так и не восстановилось.

Ленинградская область: население сократилось на 1,3 млн. человек — в советское время численность населения восстанавлилась лишь частично.

Пострадали и другие области, республики и края России и Новороссии. Кроме того, русских в приоритетном порядке уничтожали во всех оккупированных республиках Союза.

Это абсолютно жуткие цифры: от 30 до 55% населения потеряли русские оккупированные области!

Где и кто из оккупированных стран или даже стран—окупантов понес такие потери? Никто!

Основная масса погибших — абсолютно мирные люди.

Всего русских мирных людей погибло более 8 млн. человек!

Как их убивали? Читаем:

«Сводный акт о зверствах фашистских оккупантов над мирными советскими гражданами и военнопленными на территории Смоленской области. 25 января 1945 г.:

— Повсюду были массовые и одиночные расстрелы мирного населения.

— Повсеместным было применение виселиц.

— Факты массового сожжения живых людей во всех районах области.

— Закапывали людей живыми (Андреевский, Касплянский, Сычевский, Темкинский, Усвятский и другие районы).

— Убивали граждан отравой (Дорогобужский, Понизовский, Тумановский районы).

— В душегубках (Смоленск, Рославль).

— Взрывали на минных полях (Велижский, Глинковский, Демидовский, Слободской, Сычевский, Темкинский и другие районы).

Массовым явлением была насильственная смерть мирных граждан от холода и голода (Сычевский, Темкинский, Усвятский и другие районы).

— Гнусные насилия над женщинами немцы совершали также во всех районах и городах области.

— Массовый угон населения в немецкий тыл и на германскую каторгу производился оккупантами из всех без исключения районов и городов области».

Добавлю, что нацистами было сожжено множество деревень, уцелевшие люди ушли в леса, где массово гибли от голода, холода и болезней — их никто и никогда не считал...

Читаем скупые и страшные строки из того же Акта:

«Составление актов о злодеяниях и списков жертв злодеяний по большему числу сельских Советов или групп сельских Советов не представляется возможным для районных комиссий вследствие полного опустошения этих сельских Советов и отсутствия в них населения».

Отсутствие населения! Чтобы был понятен весь ужас произошедшего, приведу еще пару цифр только по одному району: из Темкинского района было угнано 8054 человека, тысячи погибли на фронте, тысячи погибли при оккупации, сегодняшнее население района — менее 6 тыс. человек.

То есть, только угнано было в полтора раза больше, чем живет в районе сейчас!

Удар был нанесен страшный и невосполнимый. И так было везде в оккупированной России.

Так был осуществлен именно геноцид русского народа, последствия которого не будут преодолены, вероятно, никогда.

Но до сих пор геноцид геноцидом так никем и не назван.

Не было это сделано ни в 1945 году, ни позже, ни в наши дни.

Нам не нужны покаяния потомков немецких, итальянских венгерских, румынских, хорватских, словацких и прочих евроубийц, нам нужно, чтобы они помнили о том, ЧТО они сделали, а не поднимали опять головы, поучая Россию. Право поучать они давно потеряли!

А чтобы они помнили, в центре Москвы должен стоять мемориал всем сожженным, повешенным, расстрелянным, отравленным, взорванным, закопанным заживо, заморенным голодом и холодом, замученным пытками, пропавшим в неволе и в концлагерях русским детям, женщинам и старикам, подвергшимся самому страшному геноциду в истории человечества. И кроме венков к могиле Неизвестного солдата, должны возлагать венки и к этому памятнику. Чтобы все об этом помнили.

Андрей СОШЕНКО

НА ФОНЕ ЗОЛОТЫХ СЛИТКОВ

Как сообщали ещё в январе этого года центральные СМИ, жителям Чечни списали долги за газ в размере девяти миллиардов рублей. Взыскивать долги с населения оказалось «безнадежным» из-за завершения исковой давности, пришли к выводу в прокуратуре Чеченской Республики. Требования оплатить коммунальные долги могли бы вызвать протесты, посчитали в этом ведомстве. Суд удовлетворил иск прокуратуры, решив, что «Газпром межрегионгаз» г. Грозного не исполнил требования законодательства и не составил документы, необходимые для списания дебиторской задолженности населения, которая в силу истечения сроков исковой давности невозможно взыскать. Правда, тут же грозненский ООО «Газпром межрегионгаз», видимо, под воздействием Пятигорского отделения «Газпром межрегионгаза», в руководство которого в разных должностях входили арестованные в январе Рауль и Рауф Арашуковы, подало тогда апелляционную жалобу на решение райсуда Грозного.

При этом 18 января сообщалось, что в октябре прошлого года мэр Грозного уволил глав городских районов «за некачественную работу с населением по вопросам, связанным с погашением задолженности за газ и электричество». Поводом стало отключение из-за высокой задолженности газоснабжения в доме, в котором проживала многодетная семья, не имеющая материальной возможности погасить долги. Глава Чечни Рамзан Кадыров заявлял, что чиновники приняли неприемлемое решение, вместо того чтобы вникнуть в проблему с семьей и попытаться помочь.

Но возникает ряд тяжелых вопросов. А как обстоят дела в других регионах по оплате населением за газ, да и за другие коммунальные платежи, а также по плате за содержание жилищного фонда и т.д.? Малоимущие многодетные семьи имеются и в других регионах. Но им приходится платить. Чем малоимущие других регионов России хуже или лучше жителей Чечни? Тем, что русские в меньшей степени склонны к «выражению протеста», чем северокавказцы? Или по какой другой причине?

Почему в городе Грозном в свое время не предпринимались действенные меры по оплате населением за газ? На фоне, скажем, постройки фешенебельных небоскребов в Грозном. Долги Северо-Кавказского федерального округа за газ действительно велики. Собираемость платежей за газ в СКФО составляет всего 62%, при том что ни в одном из остальных федеральных округов она не опускается ниже 90%.

По сообщениям СМИ, ряд депутатов Государственной Думы предложили по образу и подобию со списанием газовых долгов в Чечне списать со всех граждан России невозвратные долги за коммунальные услуги. А областные и республиканские депутаты из Смоленской области, Чувашской республики и Башкирии предложили своим региональным прокуратурам взять пример с Грозного.

Конечно, так будет справедливее. Но и здесь возникает вопрос. Не ущемляются ли благонадежные плательщики, имеющие невысокий достаток? А благонадежные, дисциплинированные плательщики проживают в основном в местах с преобладающим русским населением, ведь они в ущерб питанию своих детей и расходов на медикаменты исправно платили и платят за газ и другие коммунальные услуги. Не логичнее ли и справедливее было бы вернуть часть оплаченных средств за услуги ЖКХ и содержание жилья всем собственникам и квартиросъемщикам по всей России, а не списывать долги только жителям отдельных регионов? И еще — снизить, наконец, непомерные тарифы на услуги ЖКХ и плату в фонды капитального ремонта.

А пока по всей стране нарастает вал судебных решений о штрафах тем гражданам, которые задолжали по оплате ЖКХ или в фонды капитального ремонта. Огромная масса законопослушных граждан, не находя никакой пощады у государственной машины, вытаскивает последнее из своих кошельков, оплачивая штрафы и начисленные пени за просрочку платежей. А в Чечне — списывают 9 миллиардов рублей. Население страны всё в большем объеме вынуждено тратить свои средства за ЖКХ и квартплату за счет повышения тарифов, появления новых видов оплат за ЖКХ и мероприятий по т.н. «энергоэффективности», заставляющих граждан за свой счет приобретать дорогостоящие приборы учета энергоресурсов. Если говорить о газе, то вследствие двух страшных аварий в городах Магнитогорске и Шахты сейчас в Государственной думе прорабатываются вопросы по повышению газовой безопасности и, конечно же, основная финансовая нагрузка по установке автоматизированных систем контроля по утечке газа в многоквартирных домах ляжет на граждан. Вновь платить населению!

На этом фоне показательны цифры, инкриминируемые арестованному советнику гендиректора ООО «Газпром межрегионгаз» Раулю Арашукову, отцу также задержанного сенатора Рауфа Арашукова. Речь идет о возможной причастности к хищениям природного газа ПАО «Газпром» на сумму свыше 30 миллиардов рублей. Сенатора Рауфа также подозревают в хищениях газа «Газпрома», при этом еще инкриминируются самые тяжкие уголовные статьи по организации убийств. При обысках у сенатора Арашукова и его родственников изъяты драгоценности, золотые слитки и наличные деньги в большом количестве.

Насколько связана ситуация с арестом сенатора от Карачаево-Черкесии Рауфа Арашукова и его отца Рауля Арашукова с недавней историей по списанию газовых долгов жителям Чечни на 9 миллиардов долларов — покажет история. Сейчас звучат предположения, что связь может быть самой прямой: возможно, его «сдали» в отместку за отказ от списания долгов. На Кавказе Рауля Арашукова считали «газовым королем», он занимал пост советника генерального директора «Газпром межрегионгаза» — той самой компании, которая отказалась списывать жителям Чечни долги за газ в размере 9 миллиардов рублей.

В любом случае суммы в 9 и 30 миллиардов рублей, золотые слитки, коллекции сабель и кинжалов — очень красноречивы на фоне положения миллионов граждан, социальное положение которых год от года становится всё беспросветнее.

г. Калуга

ОТ РУССКОЙ ВЕСНЫ К РУССКОЙ ОСЕНИ

Первого марта 2014 года родилось новое словосочетание — «Русская весна». Словосочетание, опаленное войной, омытое в крови, пережившее жуткую блокаду Луганска летом 2014-го и голодную зиму 2014—2015 годов. Это подвиг народа, пусть и затертый политиками и «Минсками».

5 лет назад русские вспомнили, что они русские. В Крыму назначили референдум о статусе полуострова, Донбасс вышел на улицы, а Совет Федерации удовлетворил просьбу президента России Владимира Путина об использовании Вооружённых Сил РФ на территории Украины до нормализации общественно-политической обстановки. С тех пор утекло много воды, и даже президент уже не вспоминает ни о «самом разделённом народе», ни о Новороссии, ни о Русской весне. На телеэкраны вернулись младореформаторы 90-х, которые вместе с олигархами, актерами и макаревичами заняли ленты новостных агентств. Россия снова погрузилась в либеральное безумие, а народ опять превратили в «электорат».

И западники, и почти все патриоты отказываются признавать прямую связь сегодняшнего положения дел со «сливом» Русской весны, с отступлением от надежд 2014 года. Тема эта старательно затирается, а на любую попытку анализа набегают толпы «комментаторов» и «экспертов», которые превращают обсуждение в цирк, вроде политических телешоу Первого канала.

Да, Русская весна была сознательно спущена на тормозах с подачи именно тех людей, кто сегодня у нас проводит реформы и пытается договориться с Западом о каких-то уступках. Попробуем вспомнить, ради чего власти слили Русскую весну.

Пожалуй, главным аргументом в 2014 году был страх перед третьей мировой. Сотни экспертов и тысячи «активистов» в один голос кричали: «Вы что, хотите ядерной войны?» Причём, кричали, несмотря на признания Обамы, что из-за какой-то Украины ставить под угрозу жизнь американцев

он не намерен. Но то были слова, дела показали это намного красноречивей — именно Россия, вступившись за Асада, похоронила любимое детище Обамы—Клинтон — «Арабскую весну» и не допустила строительства нефтегазопровода из Катара, который должен был стать американским аналогом «Северных потоков» и оторвать Россию от ЕС. Но третья мировая не началась.

Не случилась бы третья мировая и если бы Россия помогла восставшему Донбассу и во главе с абсолютно легитимным президентом Януковичем даже не вернула себе Киев, а, как минимум, отобрала у бандеровцев и американцев проросийские регионы, которые до сих пор путают в Госдепартаменте США. Это очевидно. Как очевидно и то, что начинать войну Турчинову и Порошенко против объединившихся Харькова, Днепропетровска, Одессы, Запорожья, Донбасса, Николаева и Херсона — значит переносить столицу во Львов. А ведь на момент начала войны на Донбассе армия Украины насчитывала 30 тысяч почти небоеспособных солдат, которые немалую часть техники оставили в Крыму, а остальная стреляла через раз и часто вообще не туда. Стоит признать — имей Украина армию уровня нынешних 200-тысячных ВСУ в 2014 году, ополчение вряд ли продержалось бы пару месяцев, даже несмотря на «северный ветер».

Вторым по популярности мифом того времени был миф о том, что отказ от Украины позволит России добиться отказа Запада от санкций. Этот миф превратился чуть ли не в главное верование российских элит, которые привыкли хранить украденные в России деньги на Западе. Мол, Запад увидит преступления киевского режима, и не будет дальше вводить санкции. При этом еще при свержении Януковича было ясно, что Запад не просто всё видел и всё понимал, а делал это целенаправленно и с самого первого дня Майдана готовился всю вину за это свалить на Россию. Далее мы услышали уже от нового американского президента Трампа, что Россия, с которой готовы дружить США, — это Россия Бориса Ельцина. И полным разочарованием тех, кто кричал, что «Запад увидит» и что «санкции — это временно», стали сфабрикованные дела о «русском вмешательстве в выборы» и об отравлении Скрипалей, когда уже прямо было заявлено, что США и подконтрольному им ЕС вообще без разницы, за что наказывать Россию, и если нет повода, то они его придумают.

Точно так же утерлись и все «эксперты», которые пугали детей словами о том, что поддержки Россия Русскую весну на Украине, ее признают агрессором. В итоге Россию все равно признали агрессором, в том числе и через резолюцию ООН, не го-

воря уже об антироссийских постановлениях ПАСЕ — за Крым и за «химические атаки» в Сирии со Скрипалями до кучи. Напомним: в середине декабря резолюция Генассамблеи ООН призвала Россию вывести войска с «территории оккупированного полуострова Крым». Также документ осуждал растущее российское присутствие в Черном и Азовском морях.

Не случилось и предрекаемого многими распада Украины. «Нэзалэжная» вообще оказалась самой дешевой игрушкой Запада на антироссийском направлении. Сравним расходы США на проигранную войну в Сирии и на Украину. В 2018 году руководством США на 2019 финансовый год для операций в Сирии было запрошено 1,4 млрд. долл., в том числе 300 млн. долл. для сирийских «партнеров» Америки. Один удар Томагавками по Асаду стоил США порядка 200 млн. долларов, а их было два. И это только то, что проходило официально. А вот Украине всего-то досталось 200 млн. При этом Украина постоянно вредит российским газовым проектам, откаталась вернуть долги, зато сама выбивает долги из Газпрома и разорила российские банки у себя в стране. Это, не считая таких милых мелочей, как бесконечные провокации в Крыму и телефонный терроризм. Про потери российской экономики от разрыва экономических связей с Юго-Востоком Украины и про церковный раскол даже и не говорим. Кто-кто, а Киев отработывает каждый цент в десятки раз эффективней, нежели любые сирийские наймиты.

Перейдем к еще одной излюбленной теме особенно среди российских либералов: «Донбасс нам слишком дорого обходится». Они даже посчитали, что якобы эта сумма составляет около 40 млрд. рублей в год. Если им поверить, то деньги не малые. Но вот что интересно: только лишь одного главу управления «Т» антикоррупционного главка МВД России полковника Дмитрия Захарченко поймали на взятке в особо крупном размере — 7 млн. руб., затем у него нашли валюту на сумму 9 млрд. руб. и еще порядка 22 млрд. руб. обнаружилось на оффшорных счетах, принадлежащих его отцу. Итого, Захарченко стоил россиянам 31 млрд. рублей. Плюсуем сюда 31 млрд. клана Арашуковых, добавляем 1 млрд. изъятый у бывшего губернатора Сахалинской области Александра Хорошавина и выходит, что коррумпированные чиновники стране обходятся в сотни раз дороже Донбасса, Крыма и Сирии. А еще добавим, что на валютных играх Центральный банк в 2017 году потерял 4,5 млрд. долларов. И посчитаем, ЧТО государству дороже выходит — поддержка русских в Донбассе или содержание медведевых-набиулиновых-кириенок и прочих грефов с кудриными и чубайсами?

Но всё это, на самом деле, уже история. Главное последствие «слива» Русской весны — это десакрализация власти. Поддержав Русскую весну в начале 2014 года, Путин затем не только позволил Суркову и кампании ее захлопнуть, но и не дал людям взамен никакого патриотического проекта. Тогда, когда он имел свыше 80% поддержки населения, а люди ехали добровольцами драться за своих, он сделал свою самую большую ошибку — поверил старой ельцинской «элите». Потеряв Русскую весну, сама Россия стала осажденной крепостью, и сегодня мы видим, что Запад ничего не может с этим поделаться — мы не Иран или КНДР, чтобы нас просто окружить. Но крепость может успешно обороняться и побеждать, только если ее командиры и гарнизон живут одной жизнью и доверяют друг другу. А Кремль сделал ставку на тех, кто в 90-е служил режиму, продававшему страну оптом и в розницу — соавтора кризиса 98-го Кириенко, бывшего директора фонда Сороса и автора либеральных законопроектов Макарова, бывшего гайдаровского сподвижника Силуанова, молящегося на Запад Грефа, бывшего ельцинского министра Крашенинникова и еще целый вагон бывших, про которых люди хотели бы забыть. Люди вышли на Бессмертный полк под «Вставай страна огромная», а им вместо подъема культуры снова впихнули Ахиджаковых, Серебренниковых да матерщинников Шнуровых.

Итогом такой политики стало сначала разочарование, а затем и злость народа, особенно после пенсионной реформы. Злость даже не на саму реформу, а на обман ожиданий — вместо возрождения России, про которое говорили с 2014-го, мы получили новый виток реформ от МВФ в исполнении соратников Гайдара. А главное, при пустых разговорах о противостоянии Западу получили вместо единения новый курс непонятно куда и непонятно зачем. Даже последнее «Послание» президента никак не отразилось на его падающем рейтинге. И не потому, что Путин говорил что-то неправильно, а потому, что при всей нужности объявленных им мер в их реализацию уже никто особо не верит, ведь ответственным за воплощение «рывков» назначены те же лица, что и прежде.

В результате сегодня, в пятую годовщину Русской весны мы наблюдаем облетающие листья надежд Русской осени вместе с потерянными надеждами, русофобской Украиной, беспределом США в любой точке мира, кучей внутренних проблем и раздраем в головах.

Сделав шаг вперед, Кремль отступил на два шага назад. И всё еще малодушно топчется на месте. В России сейчас — затянувшаяся осень.

РИА Катюша

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2019 год
(Февраль)

Клановый коммунизм.

Рауль Арашуков — советник гендиректора «Газпрома».

Рауф Арашуков — его сын, член Совета Федерации от Карачаево-Черкесии.

Руслан Агоев — зять Рауля Арашукова, исполнительный директор ставропольского «Газпрома».

Умар Калмыков — его второй зять, директор «Газпрома» в Невиномысске.

Руслан Арашуков — его племянник, гендиректор «Газпрома» Астраханской области.

Султан Шехмуразов — его друг, заместитель гендиректора ставропольского «Газпрома».

Аслан Шехмуразов — сын его друга, замглавы ставропольского Следственного комитета.

Али Седаков — еще один друг, исполнительный директор «Газпрома» в Элисте.

Мурат Хапсироков — сын третьего друга, член Совета Федерации от Адыгеи.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Один только клан Арашуковых украл у «Газпрома» 30 млрд. рублей. Может, по этой причине нам с 1 января этого года повысили тарифы на газ?..

Они каждый день убивают наших людей.

...31 января на трассе Иркутск — Усть-Уда пассажирская маршрутка на всём ходу врезалась в стоявший на обочине лесовоз. Четыре человека погибли и пятеро госпитализированы с тяжелыми травмами, в том числе один ребенок. Кем был водитель, который погиб, ни СМИ, ни следственные органы не сообщили.

Утром 3 февраля на 129 км. автодороги Калуга—Вязьма перевернулся автобус, перевозивший детей. Погибли семь человек, из которых четверо — дети. Всего в салоне находилось около 50 человек, в том числе 33 ребёнка, которые ехали в Калугу из Смоленской области на музыкальный конкурс. О водителе в СМИ опять же не было сказано ничего конкретного, кроме того, что он остался жив и был задержан.

Автобус с детьми, естественно, не имел сопровождения ГИБДД. И сколько уже автобусов с детьми за последние годы оказывалось в кюветах! Кто-нибудь это подсчитывал?

В 90% подобных катастроф водителями являются выходцы из Средней Азии.

Азиатская террористическая миграция в Россию убивает нас каждый день, каждый час и каждую минуту — от изготовления ядовитого «Боярышника» и палёной водки до ограблений в такси и терактов на дорогах. И никто в Кремле не собирается ее останавливать.

Ранним утром 8 февраля в г. Междуреченске Кемеровской области на разрезе «Распадский» вахтовый автомобиль, перевозивший шахтеров, съехал с трассы и рухнул в обрыв. Погибли шесть человек. 18 горняков получили тяжелые травмы.

Сотрудники ГИБДД подмосковной Балашихи незаконно выдавали водительские удостоверения мигрантам, которые фактически не сдавали экзамены, сообщает Lenta.ru со ссылкой на представителя областного управления Следственного комитета. На вопросы компьютерной программы заранее отвечали сами сотрудники ГИБДД. Фиктивный прием экзаменов шел с марта 2018 года. Следствием установлены 167 человек, которые незаконно купили права. И это только в Балашихе. А разве в других городах не процветает точно та-

кой же «бизнес»? И кто-то еще удивляется, откуда у нас каждый день столько ДТП с участием водителей-мигрантов...

* * *

Центральные СМИ в середине февраля начали восторженно мусолить новый опус Владислава Суркова, напечатанный в «Независимой газете» под названием «Долгое государство Путина» с подзаголовком «О том, что здесь вообще происходит». Некоторым русским публицистам и писателям даже показалась глубокой, дерзкой и показательной эта пустая словоблудная ахинея бывшего путинского советника.

Ни разу в своей статье Сурков не упомянул русский народ. Однако взялся всем морочить голову каким-то «глубинным народом». И сколько наивных русских заглохило этот крючок, решив, что речь идет о русском народе! Известно, что обманываться мы всегда рады! Даже и теперь: на фоне закрытия Международного славянского центра в Москве. Этот факт многих из нас вообще не волнует. Но как многих взволновал сурковский «глубинный народ»! Не зря ведь пустой болтун Сурков объявил: путинизм — это навечно!

В своем придуманном «глубинном народе», больше смахивающем на «малый народ», составляющий известную псевдодуховную «культурную элиту» страны, В.Сурков разглядел «непреодолимую силу культурной гравитации», «соединяющей нацию» и «притягивающей к земле». За 28 «демократических» лет мы вдосталь насмотрелись на эту «элиту», не просто «притягивающую» нас к земле, а буквально закапывающую нас в землю. Население русское как вымирало, так и продолжает вымирать. Его как вытесняла отовсюду, грабя и убивая, мигрантская оккупация, так и продолжает вытеснять. Скоро, глядишь, русские в России и впрямь станут неким глубоким подпольным народом, о котором В.Сурков (Асламбек Андарбекович Дудаев, по отцу чеченец) будет и дальше в центральной прессе рассказывать нам в статьях с подзаголовком: «О том, что здесь вообще происходит». Может, это и есть, по Суркову-Дудаеву, путинизм в чистом виде?..

* * *

15 февраля ФСБ России в очередной раз сообщила о задержании на этот раз в Астраханской области местной жительницы, являвшейся, по данным спецслужб, одним из организаторов законспирированной ячейки запрещенной в России международной террористической организации «Исламское государство» для сбора средств террористам.

И сколько подобных организаторов действуют в России с легкой руки кремлевских пособников среднеазиатской свободной миграции!

Почему ни Иудея, ни Римская Империя, ни турки, ни Западная Европа, ни коммунистическая власть не смогли победить христианство, несмотря на все преследования, гонения и всю кровь христиан? Почему дьявол не способен победить Христа? Ответ известен каждому разумному человеку.

Нередко можно услышать мнение о том, что нацизм и фашизм — это разные понятия. Теоретически да, разные, хотя и стоящие рядом в идеологическом смысле. Но в европейской истории XX века эти понятия практически слились в нечто единое, и во время Второй мировой войны германский нацизм и итальянский фашизм, объединившись, из партийных идеологов преобразовались в одно **общее дело**, которое стало таковым почти для всей (без Англии и СССР) захваченной Гитлером Европы. Объединенные социально-политические доктрины фашизма и нацизма очень быстро и без особого сопротивления европейских народов стали единой идеей объединенной на русофобии **фашистской Европы**. И не случись исторической Победы Советского Союза над этой **единой фашистской Европой**, она оставалась бы таковой до наших дней, и более того — подчинила бы себе и Англию, и Америку. И именно она (и только она) обладала бы ядерным оружием — немецкие ученые еще до войны осуществили расщепление ядра атома урана и были близки к созданию атомной бомбы в 1943—1944 годах. Фашизм стал бы мировой идеологией, мировым образом мыслей и мировой жизненной системой.

Но русский народ не позволил этому сбыться. Никакой другой народ не мог этого не позволить европейскому фашизму. В этом и состоит **неоценимая историческая миссия** русского народа в XX веке. Однако именно эта историческая миссия все прошедшие послевоенные годы была катализатором злобы и ненависти к нам во всей бывшей фашистской Европе — сначала подспудно, затем всё смелее и всё откровеннее. Поощрение Европой нынешней неприкрыто фашистской Прибалтики и нацистской Украины — доходчивый тому пример, являющийся лишь началом нового этапа полной фашизации Европы.

Да, фашизм всегда прикрывает свою звериную сущность фиговым листком антисемитизма. Так было и в 30—40-е годы прошлого века, так же будет и теперь. Почти во всех странах нынешней Европы среди маргиналов уже нагнетаются антисемитские, точнее говоря, юдофобские настроения, т.к. подогревают их во многом прибывающие в Европу арабские мигранты, которые сами являются семитами. Мигранты, которых вытолкнули в Европу Израиль и США, создавшие, вскормившие и вооружившие Игил.

И вот о чём важно, о чём надо наконец четко и прямо сказать: **единственным народом в Европе**, народом, не участвовавшим в уничтожении евреев во время Второй мировой войны, народом, никаким образом не причастным к еврейскому холокосту, **является русский народ**. И это при том, что русский народ более всего пострадал от развязанного еврейскими вождями Красного Террора первых лет большевистской власти. Более того, именно против русских чаще всего возбуждались уголовные дела за т.н. «экстремизм» и «разжигание национальной розни» по доносам активных «либеральных» общественников, как правило, еврейской национальности.

Да, нынешний европейско-американский фашизм долгое время прикрывался дымовой завесой т.н. «демократии». Точно так же, как фашизм XX века рядился в тогу соблазнительного для многих в Европе национал-социализма. И вот теперь циничная и откровенно лицемерная мировая «демократия» XXI века, окончательно сбросив все свои овечьи шкуры, предстала перед нами в виде оскалившегося, жаждущего русской крови фашистского зверя. Собственно, она, «демократия», таковой была всегда, просто до поры до времени — скрывала свою истинную сущность, выжидала, накапливала силы, чтобы наконец вновь оскалить свою пасть на русские земли и русские богатства. Выжидать ей больше невтерпёж. Да и Прибалтика вместе с Украиной истерично торопят из-за страха перед усиливающейся Россией.

Мировой фашизм топорщит шерсть и поднимает голову. Он уже уничтожил Югославию, Ирак и Ливию. Разбомбил Сирию. Нацелился на Венесуэлу. Мировой фашизм жаждет новой войны, устанавливая ракеты у границы с Россией — как на Западе, так и на Востоке. Мировой фашизм рвется в Черное море и в Арктику. Мировой фашизм уже выкормил такую же циничную, наглую и многочисленную «пятую колонну» внутри нашей страны. В телепередачах «60 минут», «Время покажет» и в других их омерзительные физиономии торчат и разглагольствуют практически каждый день. Нет,

вовсе не случайно Германия и Бельгия все послевоенные годы выплачивали и продолжают выплачивать военные пенсии ветеранам вермахта. Европейский фашизм никуда не ушел, не исчез, не растворился во времени. Он содержался, подпитывался физически и морально. Он воспитывал новые поколения в прежнем нацистском духе и в ненависти к русским и к России. Нет, не с коммунизмом боролся и воевал мировой фашизм. Цель его всегда одна и та же — покорение, а лучше уничтожение самого непокорного в мире народа.

В XIX веке Николай Данилевский написал книгу «Россия и Европа». Теперь пришла пора писать книгу «Россия и мировой фашизм».

* * *

По сообщению РИА «Новости» со ссылкой на МВД России, 1 марта в Ханты-Мансийском автономном округе были задержаны боевики, готовившие серию терактов, а также убийства полицейских. Как отмечается, боевики планировали нападение на объекты особой важности и готовили взрывы в местах массового скопления людей.

Жаль только, что МВД России не сообщило о том, сколько тысяч мигрантов в этот самый день беспрепятственно прибыло в Россию из Средней Азии и Закавказья. А уж сколько среди них было завербованных и подготовленных террористов, этого, можно не сомневаться, ни ФСБ, ни МВД в точности неизвестно. Но работёнки их сотрудникам явно прибавилось.

И всякий раз, когда Путину на его многочисленных пресс-конференциях задают этот давно назревший вопрос: не пора ли останавливать свободный поток азиатско-закавказских мигрантов в Россию, он с благородным возмущением машет руками, убежденно заявляя, что на это мы не пойдем, потому что мигранты очень нужны нашей экономике. Да, дорогие россияне, видимо, мы чего-то не понимаем, и нам с вами очень нужно, просто необходимо, чтобы в поликлиниках, ресторанах, банках и т.д. нас с вами обслуживали «специалисты» с азиатско-азербайджанскими чертами лица. Ну позарез нам с вами это нужно, т.к. экономика наша без этого просто рухнет! И как не поверить, если в этом прямо-таки убежден российский президент?

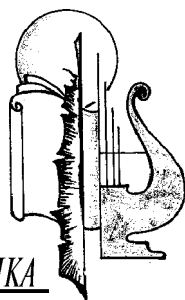
А отчеты МВД России по арестованным террористам — это так, обычная рутинная повседневная жизнь.

ПУШКИН И НЫНЕ — НАШЕ ВСЁ

К 220-летию со дня рождения А.С. Пушкина

Пушкин снял дачу в дорогом его сердцу месте, в Царском Селе, где отдыхала и царская семья... И вскоре чета Пушкиных на прогулке встретила с императорской четой, и Николай с удивлением отметил необыкновенную красоту Наталии Николаевны. Последовал обмен любезностями с обеих сторон, и скоро в жизни Пушкиных начался новый этап: унижительная для него придворная служба в низшем чине, которой он всячески избегал, и головокружительный успех жены на балах в Аничковом дворце.

Наталия Николаевна, войдя в цветущий возраст и оказавшись в свете, была признана не просто на редкость красивой женщиной, а первой красавицей Петербурга. Окружённая толпой поклонников, она осознала силу своей красоты и захотела получить свою долю женского счастья, которую ей мог дать только любимый мужчина, но не по годам износившийся муж, к тому же какой-то камер-юнкер. У женщин ведь своё, отличающееся от мужского, понимание значимости ума, красоты и счастья, так распорядилась мать-при-

Окончание. Начало в №4 за 2019 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

рода. И такой мужчина вскоре нашёлся: в свете появился молодой и располагающий к себе француз, офицер-кавалергард Жорж Дантес, странным образом усыновлённый нидерландским посланником и старым гомосексуалистом Геккереном. Дантес сразу же начал ухаживать за Пушкиной. Но ухаживал он слишком явно, слишком картинно, и это воспринималось как игра. Это была опасная для замужней женщины, но увлекательная игра, и Наталия Николаевна в неё втянулась. Сначала она выступала в роли «поджигательницы»: привлекая Дантеса, она не отвечала ему взаимностью. И так, играя, незаметно влюбилась в своего ухажёра.

Нашлась и сводня: одна светская львица пригласила Пушкину посетить её дом. А когда та приехала, застала там же и Дантеса. Хозяйке дома понадобилось срочно отлучиться на несколько часов...

Академик Николай Петраков в своей книге о Пушкине уверен, что свидание Наталии Николаевны в квартире светской львицы было не с Дантесом, а с царём. А под окнами квартиры прохаживался ротмистр Пётр Ланской, который должен был оградить жилище львицы от нежелательных и неожиданных посетителей, могущих помешать забавам Его Величества. Ланской был и годами, и чином старше Дантеса. Можете ли вы представить, чтобы начальник Ланской в служебное время охранял шашни своего подчинённого Дантеса? За такой проступок начальник мог бы с позором вылететь со службы. А Ланской, напротив, впоследствии стал генералом, командиром полка, шефом которого был сам Николай. Такой карьерный рост был обусловлен заслугами, очевидно, не перед Дантесом, которого, кстати сказать, к тому времени уже не было в России. Именно Ланской стал вторым мужем Наталии Николаевны. Известен эпизод, когда Николай, захав в гости к Ланским, у которых родился первый ребёнок, девочка, прошёл в комнату, где лежала малышка, и ласкал её, как если бы ощущал свою причастность к её появлению на свет Божий... (Данная версия основана на домыслах. — Ред.)

Что же касается Дантеса, то он был человеком практического склада, и когда ему намекнули, что у Пушкиной есть высокопоставленный поклонник и дальнейшие ухаживания за ней могут повредить его карьере, он женился на сестре Пушкиной Екатерине, давно в него влюблённой. На бедную Наталию Николаевну жалко было смотреть: она, играя, только что полюбила Дантеса, и чего же стоили его заверения в вечной любви?..

Пушкин знал о свиданиях своей жены с императором и потребовал от неё их прекратить. Он демонстративно отка-

зался от всех льгот, что означало выход из повиновения сюзеру. Его попытки защитить свою честь были расценены как бунт, как покушение на основы государственного устройства, и устранение ещё одного «бунтовщика хуже Пугачёва» стало неизбежным. Тут снова понадобился Дантес. Снова начались его наглые ухаживания за Пушкиной. И дело кончилось дуэлью, на которой Пушкин был смертельно ранен. За эту дуэль, на которой он был лишь орудием «верхов», Дантес был лишён чина и выслан из России. Геккерен также лишился места посланника Нидерландов в нашей стране. Поэт Фёдор Тютчев назвал Дантеса «цареубийцей» (убийцей царя русской поэзии), считая такой грех самым тяжким. Как человек благородный, Пушкин перед смертью заявил, что жена его ни в чём не виновата.

В одной из биографий Александра Бенкендорфа сказано, что с его смертью закончился «золотой век русской культуры». Это неверно, он закончился с гибелью Александра Пушкина, хотя его отголоски прослеживаются на протяжении нескольких десятилетий. Затем наступил её «позолоченный век», когда музу гармонии сменила «муза мести и печали», а ему на смену пришёл «серебряный век», где преобладали элементы разложения и упадка («декаданс»). Но свет пушкинского гения и в последующие эпохи не давал истинным художникам сбиться с пути, и русская культура порождала всё новых и новых гениев.

А насчёт Гоголя Белинский вообще промахнулся, поддавшись общему настрою русской интеллигенции, традиционно не знавшей и почти поголовно не знающей до сих пор (почему не знающей — это отдельный вопрос) подлинной истории как России, так и Украины. Эта интеллигенция после выхода в свет «Тараса Бульбы» провозгласила малоросса Гоголя великим русским писателем и патриотом, а после появления в продаже первого тома «Мёртвых душ» — пророком, которому открыто то, чего не видят другие.

Гоголь — грандиозная фигура в мировой литературе. Непонятно, откуда возник этот странный и волшебный талант. У Гоголя не было предшественников и не осталось последователей, хотя пытавшихся ему подражать несть числа.

Зато у Белинского, проделавшего путь «от Гегеля к Гоголю», последователи нашлись. Николай Чернышевский выделил целый «гоголевский период» в истории русской литературы (хотя от гибели Пушкина до смерти Гоголя прошло всего 15 лет, что маловато для «периода в истории»), он же написал роман «Что делать?», в котором вывел тип «новых людей», и эта книга стала библией для следующего поколе-

ния разночинцев, которому было не до пушкинской поэзии. А Дмитрий Писарев вообще противопоставил героям Пушкина не просто «новых людей», а «мыслящий пролетариат» в лице обрисованного Иваном Тургеневым в романе «Отцы и дети» Базарова, который считал чужаками дворян, читавших Пушкина. И Писарев полагал пройденными ступенями в истории русской литературы не только Пушкина и Лермонтова, но и Гоголя. Но в целом культ Гоголя у русской интеллигенции оставался незыблемым.

Главное, чего, на мой взгляд, не хватает многим россиянам для правильного понимания роли Пушкина в истории и в нашей сегодняшней жизни, — это осознания того, чем была для России безвременная потеря Пушкина, какая дыра возникла вследствие этого в русском национальном самосознании. А ведь, если есть это самосознание, то есть и полноценный народ, и чужеземная духовная оккупация ему не грозит. Нет самосознания — перед нами бесформенная человеческая масса, ждущая его, хотя часто и неосознанно. А пока этот народ может стать игрушкой и объектом эксплуатации со стороны чуждых ему сил. Ниже мы увидим примеры, когда русский народ оказывался в положении «побеждённого победителя». То есть, одержав победу в войне, он попадал под гнёт чужеземной культуры.

Прослойка образованных людей, называемых обычно интеллигенцией, для того и нужна, чтобы народ обрёл адекватное современности национальное самосознание. Конечно, его вырабатывает не интеллигенция, оно возникает таинственным образом в глубинах народной жизни, но оно остаётся смутным, разрозненным. Вот интеллигенция и нужна, чтобы, обобщая народный опыт и учитывая его традиции, выявить эти зёрна нового национального самосознания, оформить его и сделать его всеобщим достоянием нации. Но интеллигенция — это только среда. И когда появляется гениальный мыслитель или гениальный поэт, интеллигенция воспринимает это новое самосознание и несёт его обратно в массы. Но русская интеллигенция с самого своего возникновения была гнилой, потому что в ней задавали тон богатые дворяне, освободившие себя от службы, (точнее — служения) Богу, народу и государству. Интеллигенция поспешила отделить себя от народа, обрекая его на тьму невежества. Не смогла справиться с задачей формулирования современной русской идеологии и разночинная интеллигенция.

В этих условиях Пушкин выполнил тяжёлую работу по формулированию национального сознания и был его носителем. В его сочинениях сложилась целая энциклопедия рус-

ской жизни, созданы образы прекрасных русских людей, человеческих и нестигаемых, восстановлены на современном уровне понятия долга, верности, любви, служения. Жить, как положительные герои Пушкина, то есть жить в традициях долга и служения, а также во взаимной любви в семейных отношениях — это и значит быть настоящим русским человеком. И всё это подано не в виде голой схемы, а в живых образах и в прекрасной художественной форме.

Пушкин — создатель современного русского литературного языка. Мы часто произносим эту фразу, не задумываясь над тем, какая пропасть в отношении языка отделяет Пушкина от его предшественников. Мы можем читать и понимать (порой прибегая к словарям) «Слово о погибели русской земли», переписку Ивана Грозного с Андреем Курбским, указы Петра Великого, стихи Антиоха Кантемира, сочинение Ломоносова «О размножении и сохранении русского народа», его величавые оды, но таким языком сейчас говорить невозможно. У Ломоносова встречаются весьма глубокие и образные суждения: «Открылась бездна, звезд полна: Звездам числа нет, бездне дна».

Но оду Ломоносова на взятие русскими войсками крепости Хотин современный читатель вряд ли осилит. А ведь Ломоносов был новатор, автор теории «трёх стилей», и русские офицеры от руки переписывали эту длинную оду, заучивали наизусть и цитировали в светских разговорах.

Или возьмём стихи Василия Тредиаковского (современника и конкурента Ломоносова) «Начну на флейте стихи печальны». Оно положено на музыку и исполняется в наши дни как солистами, так и хоровыми коллективами. В эмоциональном отношении, по искренности чувства тоски по Родине и любви к ней она трогает до сих пор, но язык её архаичен, и если вы захотите заговорить этим языком, то вас скорее всего примут за иностранца, желающего побеседовать с вами на незнакомом вам языке. Даже непосредственный предшественник Пушкина Державин, который «в гроб сходя, благословил» юного поэта, писал: «Таков, Фелица, я развратен! Но на меня весь свет похож. Кто сколько мудростью ни знатен, Но всякий человек есть ложь». Спрашивается, на каком языке это написано? А любое послелицейское стихотворение Пушкина звучит так, будто написано сегодня.

Конечно, жаль, что многие важнейшие шедевры самого Пушкина либо долгое время не были доступны читателям, либо стали предметом примитивных или ложных толкований, насильно навязываемых обществу. Но, казалось бы, как мог повлиять на судьбы русской литературы Пушкин, ког-

да, как сказано мною выше, поэт остался к концу жизни без читателей, а читательская среда изменилась, в ней начали преобладать разночинцы, которым поэзия Пушкина была чужда?

Дело в том, что разночинцы с годами повышались в чинах, получали более солидные оклады, и если не разбогатели, то становились обеспеченными людьми. Они могли отдавать своих детей в гимназии и в университеты, а там уж обязательно узнавали о творчестве Пушкина. Подрастая, дети часто отвергали образ жизни и мышления своих родителей, их интересы, и их отношение к Пушкину было иным. Хотя этот пример не из русской жизни, даже убийца Пушкина Дантес столкнулся с тем, что его (и Екатерины Гончаровой) родная дочь, овладевшая русским языком и прочитавшая сочинения Пушкина, превратила свою комнату в маленький музей поэта. Она возненавидела своего отца, который не только посягнул на жизнь русского гения и не только не сожалел об этом, но и гордился своим подвигом, много раз со смехом рассказывая подробности роковой дуэли (умалчивая, конечно, о допущенных им многочисленных нарушениях правил дуэльного кодекса, в частности, то, что вышел на дуэль в кольчуге, то есть он ничем не рисковал, это было сознательное убийство). Дантес вынужден был поместить свою дочь в психиатрическую лечебницу, где она вскоре умерла.

Дантес был на родине достойно вознаграждён, сделав во Франции неплохую карьеру. Примечательно, что архив Дантесов—Гекернов до сих пор практически закрыт для исследователей...

Когда говорят о роли личности в истории, то обычно имеют в виду государственных деятелей, политиков или создателей социально-политических систем. Но, оказывается, не меньшую роль в жизни народа может сыграть и гениальный поэт, если он одновременно и гениальный мыслитель, постигший глубины природы человека, как Пушкин.

Не стану выпрямлять и упрощать путь духовного развития Пушкина. Путь этот был весьма извилист. В родительском доме он провёл лишь ранние детские годы, вероятно, его отец и мать, как это было принято в кругу столичного (московского) дворянства, вели светский, по большому счёту лишь формально религиозный образ жизни. Мать своего старшего сына не любила, отдавая всю свою материнскую нежность младшему сыну Льву, Лёвушке. (Благородство души Александра она оценила лишь на смертном одре, когда он так трогательно заботился о ней, больной.) Царскосельский лицей был весьма либеральным космополитически ориенти-

рованным учебным заведением, причём ему уделяли большое внимание и император Александр, склонный к равноправному сосуществованию разных христианских конфессий, и немка-императрица Екатерина II, начинавшая приобщаться к пониманию России и её культуры. Вероятно, по праздникам лицеисты организованно посещали храм. Но в программе их обучения знакомство с сонмом богов, богинь, нимф, героев Древней Греции и Древнего Рима занимало столь важное место, что эти персонажи становились как бы соучастниками жизни Пушкина и его лицейских товарищей, о чём можно судить по ранним стихотворениям поэта.

После окончания лицея Пушкин участвует в работе литературных кружков «Арзамас» и «Зелёная лампа», пишет вольнолюбивые стихи и эпиграммы на Аракчеева и других высокопоставленных лиц, достаётся от него даже и царю.

Выход в свет поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» стал событием в литературе. Но отношения между Пушкиным и императором никак не складывались. Пушкин считал, что политика Александра носит антирусский характер, ибо интересы России приносились в жертву химере Священного Союза (отмена ввозных таможенных пошлин губительно сказывается на русской промышленности и т.п.).

*Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
За ним и весь народ...
«Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский, и австрийский
Я сшил себе мундир, —*

иронизировал Пушкин. Он был убеждён, что выражает общественное мнение: «И неподкупный голос мой Был эхом русского народа».

Царь решил отправить Пушкина в ссылку в Сибирь или в Соловецкий монастырь, потому что вольнолюбивые и антиправительственные стихи поэта с выпадами против самого царя наводнили всю Россию.

Но благодаря ходатайствам влиятельных друзей Пушкина дело ограничилось ссылкой в Кишинёв. По дороге к месту ссылки Пушкин искупался в Днепре, простудился и заболел воспалением лёгких.

Пушкин воспринимал ссылку в Бессарабию (как впоследствии и в Михайловское) как отрыв от центров литера-

турной жизни, как катастрофу. Но судьба распорядилась так, что каждая ссылка оборачивалась для него благом.

В Молдавии Пушкин написал первую главу давно задуманного им романа в стихах «Евгений Онегин». Не имея возможности по цензурным соображениям написать, что находится в ссылке, он прибёг к некоей уловке. Рассказав, что Онегин «родился на берегах Невы», он продолжил: «Там некогда гулял и я, Но вреден север для меня».

И делает к этим строкам невинное подстрочное примечание: «Писано в Бессарабии».

Своё мнение о царе Пушкин не изменил и охарактеризовал его кратко: «В лице и в жизни Арлекин». А на смерть царя откликнулся двустихием: «Всю жизнь свою провёл в дороге, Простыл, и умер в Таганроге».

Но Пушкин был великодушен и, хотя по-прежнему относился к императору Александру отрицательно, всё же в послании друзьям-лицеистам написал: «Простим ему неправое гоненье: Он взял Париж, он основал лицей». Так сказать, не помня зла, за благо воздадим.

Большим счастьем для Пушкина была встреча с семьёй прославленного героя Бородинской битвы генерала Раевского, путешествовавшей по России. Раевский застал Пушкина больным, лежащим в бреду. По просьбе генерала начальство разрешило поэту для поправления здоровья присоединиться к путешественникам. Они посетили наиболее примечательные места Крыма и Кавказа. Не будь ссылки в Молдавию (и, конечно, счастливой встречи с семьёй генерала), когда бы Пушкину довелось побывать в этих экзотических местах? А именно там полученные впечатления послужили ему основой для создания ряда произведений, нашедших широкий круг читателей.

Затем Пушкина перевели в Одессу, под начало генерал-губернатора графа М.С. Воронцова. Отношения между Пушкиным и Воронцовым не сложились.

Михаил Веллер называет Пушкина неблагодарным, поскольку поэт не только писал злые эпиграммы на своего «благодетеля», но и вступил в преступную связь с его супругой, и у графини родился от него ребёнок (который, правда, скоро умер). М. Веллер словно присутствовал на их свиданиях. Но ведь Пушкин, надо думать, не был насильником и не пробирался в спальню графини тайно ото всех, в том числе и от самой Воронцовой. Если там и была преступная связь, то это связь двух — мужчины и женщины, и кто там был инициатором любовных отношений, знают только эти двое. Воронцова была замужняя женщина, а Пушкин был холостой моло-

дой человек. А то, что многие светские женщины, будучи замужем, имели любовников, не было секретом. Таковы были нравы, и не Пушкин в этом виноват.

Ссылку из Одессы в родовое имение Михайловское, в глухую псковскую деревню, оторванную от всех культурных центров, Пушкин вновь воспринял как жизненную катастрофу. Но именно этот период оказался для него весьма плодотворным. Здесь, в неспешных беседах с няней Ариной Родионовной, в поездках на ярмарки, посещениях Святогорского монастыря Пушкин по-настоящему погружался в глубины народной жизни, постигал русский дух именно там, где Русью пахнет. В Михайловском Пушкин написал драму «Борис Годунов» и много стихотворений. Вскоре Пушкин нашёл и место, где он мог общаться с культурными дворянами и образованными дамами, — имение Осиповой Тригорское. И там же он, на своё несчастье, встретился со своей знакомой — Анной Керн. Эта дама, обнаружив в принесённой им с собою книге знаменитое стихотворение «Я помню чудное мгновенье...», без всякого основания решила, что оно посвящено именно ей, и с её слов так же стали считать и в обществе. Пушкин не мог открыто назвать настоящего адресата, ибо им была единственная любимая им женщина, занимавшая высокое положение в свете.

По мере взросления Пушкин освобождался от своего «проклятого воспитания», от прозападных настроений и всё глубже постигал Россию, русский национальный характер.

Конец заточению Пушкина в Михайловском положил внезапный вызов в Москву. После беседы с новым императором Николаем Пушкин был реабилитирован, и его приглашали на все светские развлечения. Он был огорчён известием о смерти его любимой женщины, которая, возвращаясь из дальней поездки, скончалась, не доехав до столицы.

В Москве Пушкин познакомился с Натальей Гончаровой, которая через несколько лет стала его женой. Но свадьбе предшествовала знаменитая Болдинская осень, куда Пушкин, отрезанный от Москвы карантином в связи с эпидемией холеры, много и плодотворно работал. Здесь им был закончен «Евгений Онегин», написаны «Повести Белкина», «Маленькие трагедии» и ряд других произведений. По возвращении в Москву Пушкин женился, и молодые уехали в Петербург, где царь пожелал, чтобы Наталья Николаевна блистала на балах, для чего Пушкин был включён в штат придворных. Ему был открыт доступ в архивы, чем он воспользовался, написав «Историю Петра», «Историю Пугачёва» (царь исправил на «Историю Пугачёвского бунта»), поэму «Медный

всадник» и ряд других произведений, в том числе последний свой шедевр — повесть «Капитанская дочка».

И тут необходимо сказать, что именно Пушкин в «Евгении Онегине» наиболее глубоко рассмотрел проблему современного ему человека и выразил её суть афористически и в прекрасной художественной форме. В романе Онегин особенно ценил книги, в которых современный человек

*Изображён довольно верно:
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.*

Каждому из нас в той или иной мере присущи эти, отмеченные Пушкиным, недостатки: безнравственный чиновник-казнокрад, взяточник-таможенник, браконьер и т.д. Однако безнравственен и человек, не совершающий подобных преступлений, но проявляющий бессердечие в обращении с окружающими. Роман «Евгений Онегин» и был задуман (как впоследствии и «Герой нашего времени» Лермонтова) как анализ духовного мира современного поэту человека.

Пушкин выступил здесь в качестве беспристрастного наблюдателя человеческой природы и как пророк, но вовсе не как учитель, укоряющий других в присущих им страшных недостатках (безнравственности души, эгоизме, бессердечии, озлобленности ума, безмерной склонности к мечтательности и пр.). Нет, он жил там же, где и его современники, «В сём омуте, где с вами я купаюсь, милые друзья».

Но время от времени у него прорывалось истинное понимание сути своих «милых друзей»: «Кто жил и мыслил, тот не может В душе не презирать людей».

Пушкин мог спокойно писать о современном человеке с его безнравственной душой и озлобленным умом, сознавая, что такой человек добром не кончит. Поэт беспристрастно описывал такую человеческую личность, потому что у него был прочный идейный и моральный фундамент.

В детстве и юности он был, как и большинство дворян, лишь формально православным христианином. Более того, из Одессы Пушкин пишет друзьям, что берёт у иностранца «уроки чистого афеизма» (атеизмы). Прочитанное цензором, это письмо могло бы привести к большим неприятностям для поэта, особенно при вступлении на престол Николая, при котором атеизм, мягко говоря, не поощрялся. Кроме того, Пушкин был

обвинён в сочинении кощунственных стихов о Деве Марии, причём этим делом занимался сам император.

Но постепенно Пушкин начал проникать в суть христианства (хотя религиозность ещё долго сочеталась у него с суевериями). Вот тому свидетельство из относительно раннего его произведения: «Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир. История древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима. История новейшая есть история христианства».

Пушкин пережил несколько тяжёлых духовных кризисов, свидетельством которых служат его стихотворения «Бесы», «Предчувствие» и особенно «Дар напрасный, дар случайный, Жизнь, зачем ты мне дана...»; вот его последняя строфа:

*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

И тут он получил неожиданную духовную помощь от митрополита Московского Филарета (Дроздова), уже в наше время причисленного к лику святых. Пушкин очень уважал этого святителя, любил его проповеди, порой слушал их со слезами на глазах от переполнявших его чувств раскаяния и умиления. Митрополит даже вступил в некое поэтическое состязание с Пушкиным, ответив ему стихотворением, которое начиналось словами:

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана...*

Растроганный Пушкин ответил святителю новым стихотворением «В часы забав иль праздной скуки...», в последней строфе которого гениально выразил чувство, охватившее его по прочтении стихотворения митрополита:

*Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.*

Незадолго до своей гибели Пушкин написал рецензию на книгу Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека», начинающуюся восторженным гимном Евангелию, этой «посло-

вице народов». Пушкин переложил в стихотворной форме христианскую великопостную молитву «Отцы пустынники и девы непорочны...» Немало было у него и покаянных стихов, смысл которых можно выразить одной строкой: «И с отвращением читая жизнь мою...» Находясь уже на смертном одре, Пушкин, до того горевший желанием убить на дуэли Дантеса, послал к своему убийце сказать, что он прощает его (хотя и мог предполагать, что там над его словами только посмеются). Он полностью оправдал в глазах света свою жену, хотя многие обвиняли её в том, что она своим поведением подала повод для дуэли. Вообще, можно сказать, что именно в последние часы своей жизни Пушкин совершенно переродился. Как и подобает православному христианину, он перед смертью исповедался, искренне покаялся и причастился.

Творческий путь Пушкина, при всех человеческих слабостях, был сплошным (не единоразовым) подвигом. Пушкин, хотя временами и огорчался непониманием со стороны читателей, но продолжал свой путь, осуществляя своё призвание, которое рассматривал как Божественное («Веленью Божию, о муза, будь послушна...»).

Предчувствуя скорый конец, Пушкин 21 августа 1836 года написал своё знаменитое стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», которое превзошло по изяществу стиля, красоте и глубине смысла все подобные сочинения от Горация до наших дней. Пророческий дар Пушкина проявлялся во многих произведениях поэта, но нигде он не нашёл столь яркого воплощения, как в этом его «Памятнике». Короткое стихотворение, всего пять строф по четыре строки, а сколько вполне оправдавшихся предвидений будущего!

Да, нерукотворный памятник, созданный Пушкиным этим стихотворением, как и всем своим творчеством, вознёсся выше Александрийского столпа. К столпу идут праздные туристы, которым экскурсоводы рассказывают, откуда взялся такой громадный цельный кусок мрамора, как его доставили в Петербург и как он держится на фундаменте исключительно силой собственной тяжести. Конечно, это чудо архитектуры и скульптуры, точности математического расчёта. А к Пушкину идут любители поэзии и те, кто хотел бы больше узнать о поэте — национальной гордости России. И вознёсся пушкинский Памятник именно главою непокорной потому, что Пушкин не клонил гордой головы ни перед царями, ни «к ногам народного кумира».

И народная тропа к Пушкину не зарастёт, хотя бывают периоды, когда она сужается до едва заметной тропинки. Но затем люди прозревают, и тропинка превращается в торную

дорогу, по которой идут миллионы почитателей. И славен будет Пушкин, пока в России будет жив хотя один пиит. И слух о нём прошёл по всей Руси великой и перешагнул и её пределы, хотя до понимания глубины его мысли массами русских людей ещё далеко.

Пушкин действительно любезен народу тем, что чувства добрые он лирой пробуждал, что в его жестокий век восславил он Свободу и милость к падшим призывал. Он не думал, что может наступить век ещё более жестокий, с двумя мировыми войнами и глобальным загрязнением природы, но в этом он не виноват.

И закончил он свой Памятник изложением своего творческого кредо и одновременно заветом потомкам:

Муза должна быть послушна только велению Божию.

Поэт не должен страшиться обид и требовать венца.

Как любой мудрец он должен равнодушно принимать хвалу и клевету и «не оспаривать глупца».

Дар, который вручил ему Господь, поэт должен нести достойно.

Пушкин не просто высказал пожелание, каким должен быть поэт, но и своей жизнью доказал, что следовал своему призванию.

Он не сомневался в том, что жизнь продолжится:

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.*

В творениях А.С. Пушкина показаны и роль, и место России в современном ему мире, который российская элита в основном отождествляла с Европой. Пушкин же неизменно подчёркивал чуждость Европы России. Вот смысл некоторых его высказываний на этот счёт: мы никогда не имели ничего общего с Европой; феодализма по-европейски у нас не было; князья не строили неприступных рыцарских замков, а жили во дворцах вблизи городов; истекая кровью, Русь защитила Западную Европу от массивного вторжения монголов (а восток охраняла от агрессивных поползновений Запада); Россия въехала в Европу, как спущенный со стапелей корабль при стуке топора и громе пушек; Европа по отношению к России всегда была столь же невежественна, сколь и неблагодарна.

Пушкин успел оценить и молодую американскую демократию (которую многие считали идеалом государственного

устройства) «во всём её отвратительном цинизме» и показать ущербность американского образа жизни, направленного на достижение высокого уровня жизни (не для всех) и комфорта. Россия — не Европа и не Азия (и тем более не Америка). У России особая судьба и особое предназначение в мире. Пушкин привёл образцы и нормы достойной жизни русского человека. Его поведение перед лицом властей и народных кумиров было образцом достоинства. Он мог похвалить Николая I, который не побоялся приехать в Москву в разгар бушевавшей там холеры, или подвигнуть его к милосердию в отношении ссыльных декабристов. Но он никогда не опускался до лести властям, и часто не соглашался с царём — цензором его произведений.

Пушкин создал и современный русский литературный язык. Русский язык и в Средние века вызывал восхищение у таких высокообразованных европейцев, как император Священной Римской империи германской нации Карл V. Но за прошедшие столетия он слабо развивался, зато сильно засорялся неоправданными и чрезмерными заимствованиями из польского, немецкого, голландского, английского и французского языков, так что «сверхобразованный» русский дворянин мог написать «по-русски»: «Моя аманта сделала мне инфиделите». Пушкин, сохранив красоту и стройность русского языка, избавил его от архаизмов и излишних заимствований. При этом Пушкин не писал трактатов и учебников (если не считать критику оппонентов, безуспешно пытавшихся поймать его на недостаточном знании русского языка), а создал в художественной форме стихотворные и прозаические произведения, которые являются классическими и стали образцами для последующих великих русских писателей.

Путь к обретению полноценного русского национального самосознания, указанный Пушкиным, не был понят его современниками. Реакционные силы в российском правящем слое, украинцы и другие чужеземцы в системе российской власти сделали всё, чтобы воспрепятствовать проникновению идей Пушкина в прослойку образованных русских людей. Теперь эти силы использовали ошибку талантливого, но бесшабашного литературного критика Белинского, который заявил, что Пушкин «исписался», и что главенство в русской литературе якобы переходит к украинцу Гоголю, хотя и гению мировой литературы.

Чтобы прослыть русским патриотом, Гоголь в «Тарасе Бульбе» выдал бунт украинских крестьян против поляков, подержанный казаками, за страницу исторической борьбы рус-

ского народа, хотя во времена Бульбы русские не интересовались польской окраиной — Украиной, а казаки ничего не знали о России. В «Мёртвых душах» Гоголь представил Россию сборищем уродов, недоумков и казнокрадов, а финал первого тома с «птицей-тройкой» во главе с коллективным Чичиковым был пародией на Россию. Вместо учебника жизни, у Гоголя получился гениальный плутовской роман о походе авантюриста Чичикова, этого бессмертного Остапа Бендера, который заглянул в XIX век, ужаснулся нарисованной Гоголем картиной и сбежал обратно в XX. Ведущие наши литературоведы и критики этого как бы не заметили, а интеллигенция провозгласила Гоголя пророком.*

Но по мере просвещения широких народных масс, пик которого пришёлся на советский период нашей истории, понимание первостепенного значения Пушкина для России становилось всенародным. С победой контрреволюционных сил в 1991 году и распадом СССР, это понимание утрачивается по мере деградации русского народа. Но это явление временное, эпоха рыночного помешательства России подходит к концу. А восстановление ее позиций как независимой мировой державы немыслимо без возрождения русского национального самосознания в тех формах, которые предвидел Пушкин.

В позапрошлом веке была высказана очень верная и точная формула, определяющая роль Пушкина в русской жизни: «Пушкин — это наше всё». А в прошлом столетии Андрей Платонов сказал, что Пушкин был послан России в трудное для неё время для того, чтобы осветить светом своего гения все закоулки русской жизни и помочь нашему народу найти выход из темноты к достойному будущему. И сегодня можно с полным правом сказать: Пушкин и ныне наше всё, или: Пушкин и в наши дни живее всех живых.

И век понимания исключительной для нас роли Пушкина в жизни России еще впереди.

* Крайне спорный взгляд автора на творчество и значение для русской литературы Н.В. Гоголя. — Ред.

ГРУСТИТ КАТУНЬ...

К 90-летию со дня рождения В.М. Шукшина

Разлад на Руси, большой разлад.
Сердцем чую...

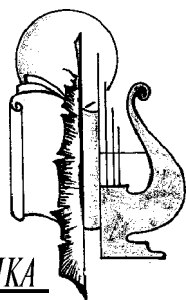
В.М. Шукшин, 1970 г.

Вот уже 45 лет нет с нами Василия Шукшина — ровно столько, сколько ему отвел Господь прожить на белом свете...

Преданный служитель России, Василий Макарович Шукшин (1929—1974) последовательно и настойчиво отстаивал в своем многогранном творчестве — будь то литература, публицистика, кинематограф — идею русского национального самосознания и высокой духовности, неустанно утверждал нескончаемость добра и безграничного великодушия соотечественников.

По Шукшину, душа каждого народа, в том числе русского, аккумулирует в себе таинственную сеть образов и понятий, как и язык, культура, религия, закладывает основу национального бытия, видения и осмысления мира, особенности национального мироощущения.

Это вовсе не означает, будто Шукшин видел в исторических деяниях соотечественни-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ков некий высший мессианский знак. Напротив, его творчество — это попытка оптимально приблизиться к пониманию гармонии мира и человека, осмыслить причины разрушения этой гармонии в самобытном национальном преломлении на примере драматической судьбы русского народа. Это скрупулезный анализ сложных, постоянно меняющихся душевных состояний, переливов, сотрясений и переживаний русских людей в самые критические, кризисные моменты истории, честное и объективное отображение рокового надлома русского характера под воздействием навязываемых ему извне негативных условий, обстоятельств и неудержимое стремление их преодолеть.

Познать душу русского человека в самых что ни на есть оптимальных катастрофических обстоятельствах — исконная традиция нашего национального искусства во всех его видах, жанрах и направлениях: вспомним шедевр древней русской литературы «Слово о полку Игореве», воплощение трагических обстоятельств и испытание ими русской души в гениальных творениях Л. Толстого, Достоевского, Блока, Есенина, Шолохова, Леонова, Бондарева... В контексте этих художественных трагико-драматических традиций развивалось творчество Василия Шукшина на материале современной для него жизни России.

Шукшин выступает как подлинно русский национальный художник гуманистического мирозерцания, ему глубоко чужда ксенофобия, а, следовательно, предельно отвратительна и русофобия.

«Без национального самосознания как основы невозможно создание общемирового сознания, — пишет публицист из Сан-Франциско, наш соотечественник Владимир Беляев. — Пропагандистам интернационализма это следует помнить: чересчур часто они противопоставляют интернационализм сознанию собственного национального достоинства, клеймя последнее ярлыком «шовинизма». На самом же деле «интернационализм» возможен только как производное от здорового, не ущербного чувства собственного национального «я». Если интернациональное чувство вступает в противоречие с национальным, то первое будет рано или поздно сокрушено вторым» (Беляев В. Душа народа // Лит. Россия, 1991, № 22, с. 20).

Осмысляя историко-трагедийный опыт России на протяжении её многовекового развития, Шукшин приходит к заключению: как психика отдельного человека, так и душа народа, нации, подвержена тектоническим деформациям, которые периодически прорываются наружу взрывами демонической разрушительной силы, губительными для челове-

ка и общества, для всех сколько-нибудь существенных цивилизационных обретений. Особую опасность представляют разрушительные атаки не только извне — в виде войн и колониального порабощения, но и внутри общества, направленные на нравственное и национальное разложение народа.

За свою многовековую историю русский народ, быть может, более других народов подвергся опустошительным антицивилизационным атакам с целью полного уничтожения его самосознания, национального достоинства, духовно-нравственной прочности, а народ, лишенный этих живительных качеств, как известно, уже не народ, но беспамятное и бездумное население, некие манкурты, готовые легко расстаться с духовными обретениями своих предтеч. Такова в общих чертах сущностная историософская основа понимания Шукшиным прошлого и настоящего своего народа, служившая ему надежным мировоззренческим фундаментом в осмыслении человека и родной национальной истории.

Наступил качественно новый этап в изучении творческого наследия В.М. Шукшина. То, о чем не так давно говорили с осторожностью, с оговорками, словно бы опасаясь перехвалить самобытный талант Шукшина, ныне обнаруживает свою бесспорную и убедительную очевидность, а именно: философское мышление Шукшина, нашедшее наиболее сильное выражение в его остро разящей сатире («До третьих петухов») и историческом романе «Я пришел дать вам волю». К слову, название романа заставляет вспомнить крылатую пушкинскую фразу: «На свете счастья нет, а есть покой и воля». Воля, в понимании писателя, — это неопоримое, вопреки всем препятствиям, обретение национальной и духовно-нравственной свободы личности в контексте сложных и противоречивых жизненных обстоятельств.

Величие Шукшина сегодня осознается как непреложный факт, не нуждающийся в специальных доказательствах. Стало быть, время споров о месте этого выдающегося художника в нашей литературе миновало.

Намечается множество новых, весьма плодотворных путей научного понимания шукшинской прозы, среди которых наиболее многообещающим является изучение его творчества в аспекте традиций и новаторства, тесного взаимодействия с шолоховской эстетикой и художественными традициями Достоевского, Чехова, других классиков, ставящих в центр своих творческих поисков «маленького» человека (у Шукшина — «чудиков»).

Окончательно развеялись и, надеюсь, ушли в небытие обывательские легенды, среди которых самым жгучим и пошлым

был миф о «полукультурности» «самородка» Шукшина. Шукшин — писатель-философ, мыслитель. Так надо ставить нынче вопрос и отталкиваться от него в толковании его художественно-эстетического и морально-этического идеала.

Лучшие критики и литературоведы правомерно выводят прозу Шукшина из классической традиции отечественной литературы. «Истоки шукшинского стиля восходят к пушкинской прозе, которая характерна занимательностью, стремительным развитием действия, крайней лаконичностью изложения, описательные картины занимают в ней мало места, детали и тропы используются чрезвычайно экономно», — отмечал профессор-филолог А. Огнев (Огнев А.В. Русский советский рассказ. М., 1978, с. 75).

В зарубежных исследованиях творчество Шукшина также, как правило, рассматривается сквозь призму классического опыта русской словесности, как образец необычайно яркого русского национального искусства.

«Феномен Шукшина — в способности повернуть живую, безыскусную картинку ее мудрой стороной, в активности нравственной позиции писателя, не знающей мелочей и компромиссов в главном, питается он одним корнем — русским национальным складом мышления», — пишет в своей книге «Василий Шукшин и русское духовное возрождение» Евгений Вертлиб, бывший ленинградский филолог и историк (Русский рубеж, 1991, № 4, с. 11).

Другая мощная стихия, которая изначально захватила и увлекла за собой Шукшина, — стихия устного народного творчества. Она служила для писателя не только средством поэтического постижения характеров и обстоятельств, но и одним из могучих источников исконно народного миропонимания, ибо «национальный характер — это не выдумка, а реальность, с которой надо считаться, но которой нелегко дать точное определение», — заметил польский писатель-фантаст и футуролог Станислав Лем (Лем Ст. Что будет через 10—20 лет? // Лит. газ., 1990, 14 ноября, с. 15).

...Когда наступил неистовый шукшинский бум, то порой звучали осторожные голоса: бум, мол, скоро пройдет, и Шукшина забудут так же, как забывали многих скоропалительно модных, нечаянно вознесенных к вершинам славы авторов. В этом были свои резоны: Шукшину действительно грозило скорое забытие, если бы критика оценила его как бытописателя своего времени и не смогла заглянуть в потаенные глубины его художественного нравственно-философского мира.

Разумеется, эстетически самодостаточный читатель и сам, без посредничества критики, мог бы по достоинству оценить

уже первые рассказы писателя, опубликованные в крупных периодических изданиях, но литературная критика 1960-х годов смогла распознать в нём весьма самобытного и перспективного художника слова и в своих высоких оценках не ошиблась.

В 1990-е годы писатель и в самом деле на некоторое время как бы ушел в тень, заслонённый огромными социальными катаклизмами в России — но не исчез. Сегодня же Шукшин обретает особый, ориентирующий нас смысл: на пределе безграничной откровенности писатель вновь и вновь заговорил об ответственности и муках нашего деформированного сознания. «Шукшин — художник, несущий в себе муку национального самосознания русского народа», — подчеркнул выдающийся литературовед XX века А.И. Хватов в своем памятном выступлении на Герценовских чтениях (г. Ленинград, Российский госуниверситет им. А.И. Герцена. 1991 г., 23 апреля).

Неистовый шукшинский вопрос — «Что же с нами происходит?» во всей своей трагической сущности предстал сегодня, быть может, еще более обнаженно и значимо, нежели в 1960—1970-е годы, когда гроза грядущих народных бед и потрясений еще только погромывивала вдали и, казалось, ничего опасного в социальном плане не сулила...

В одном из своих последних интервью писатель тревожно обронил: «Вопросы расплаты за содеянное меня живо волнуют...»

Вместе с тем и сегодня критики и литературоведы порой упрощают творения Шукшина, исходя из обманчиво-ложной простоты и безыскусности (между тем, это подлинно чеховская простота и безыскусность!) его знаменитых рассказов о «чудиках». Это обманчивое ощущение мгновенно пропадает, как только начинаешь постигать нравственно-философскую глубину его воззрений, особенно цельно воплощённую в романе «Я пришел дать вам волю». Думается, именно в этом произведении писатель сумел достигнуть пика в своих многотрудных и нередко противоречивых творческих исканиях, связанных с постижением самобытной и «загадочной» русской души во всех ее трагических исканиях, духовных изломах и духовно-нравственных испытаниях.

Ещё и сегодня в научных (!) работах о Шукшине можно прочесть хвалебные речи в его адрес с бездумным отнесением писателя к разряду «деревенщиков» (бытовал некогда такой вульгарно-социологизированный штамп, адресованный художникам слова, прекрасно писавшим об актуальных проблемах сельской жизни в России, — Белову, Распутину, Астафьеву, Абрамову, Ан. Иванову, Носову...).

«В части нашей литературы, да и в журналистике, утвердился, не знаю уж, с чьей лёгкой руки, термин «деревенщик», —

писал Шукшин. — Слово достаточно уродливое, впрочем, как и само понятие. Предполагается, что вышеупомянутый «деревенщик» разбирается досконально только в вопросах сельской жизни, о чём исключительно и пишет. ...Героями моих фильмов и книг часто становятся выходцы из села отнюдь не потому, что я считаю их лучшей частью человечества. Просто этих людей в силу собственных биографических обстоятельств знаю лучше прочих...» (Шукшин В.М. Собр. соч. в 8 т, Барнаул, 2009, т. 8, с. 120).

«В.М. Шукшин был художником переломной эпохи. ...Он отразил в своём творчестве проблемы, характерные для поворотного момента в развитии страны», — отмечают А.И. Куляпин и О.Г. Левашова в своём предисловии к Собранию сочинений В.М. Шукшина в восьми томах (Барнаул, 2009). — В начале XXI века стало в полной мере очевидно, что рассматривать Шукшина только как писателя-деревенщика невозможно. Автор «Калины красной» в той же мере является представителем интеллектуальной, философской, «игровой» прозы второй половины XX в. Его эстетические пристрастия определились деревенским послевоенным детством, близостью к величавой природе Алтая, сложным восхождением к высотам духовной культуры, полемической позицией по отношению к ведущим культурным и идеологическим направлениям 1960—1970-х гг.» (См.: «Горький, мучительный талант...» Шукшин В.М. Указ. собр. соч., т. 8, с. 5).

На философскую природу художественного мышления писателя указывает И. Спиридонова: «В центре творчества Шукшина стоит проблема личности с её вечной и всегда остросовременной драмой свободы и совести. ...В судьбе и характере вольнолюбивого атамана (Разина. — В.Ю.) Шукшин искал ответы на самые проклятые вопросы своего личного и общенационального бытия» (Спиридонова И.А. Степан Разин Василия Шукшина //Русская литература. 1990, № 4, с. 18).

Об актуальной философской сущности шукшинского романа пишет Евгений Черносвитов: «Прочтите внимательно «Я пришёл дать вам волю». Не только о конкретном историческом периоде России эта книга. Это настоящий духовный анализ, восхождение к истокам нашим: туда, за черту христианства, ко времени и месту наших предков... Шукшин чрезвычайно страшен для всяких лазутчиков и диверсантов, подрывающих основы нашей духовности. Уж больно они активизировались во время большой ломки, которая происходит в нашей стране. Вот один пример. Пущен в оборот термин: «космическое сознание» и создан кентавр: «русский космизм». И проглатываем, и не задумываемся. Власть

космоса или земли. Третьего не дано. Шукшин-то выбрал второе. Он советует быть ближе к земле, приглядеться к ней повнимательнее, в микроскоп — тоже своеобразный символ земной ориентированности... А кому молятся лучшие шукшинские герои? Земной Божьей Матери. Приснодева у него — с глазами земной женщины. Шукшин не только духовник. Он провидец, учёный-политик. Если бы нашим парламентариям да прочитать как следует роман Шукшина «Я пришёл дать вам волю»! Все пороки нашего государственного устройства там доступно изложены» (Черносвитов Е. «Прорваться в будущую Россию» // Учит. газета. 1990, № 43, с. 12).

«Я пришёл дать вам волю», по выражению автора, «история души» одарённой личности, брошенной волею обстоятельств в кипящий котёл событий. «Меня больше всего интересует «история души», — признавался писатель, — и ради её выявления я сознательно и много опускаю из внешней жизни того человека, чья душа меня волнует...» (Шукшин В.М. Т. 8, с. 57).

Но почему всё-таки «история души», то есть сложный, противоречивый и вместе с тем обаятельный внутренний мир Степана Разина столь больно волнует и тревожит Шукшина?

Думается, истоки пристального интереса писателя к характеру легендарного героя следует искать в мировосприятии и жизненной судьбе Шукшина, а также в многострадальной судьбе его вольнолюбивых предков — земляков, населивших Алтайский край, в горячей, пламенной любви к своей малой родине — селу Сростки, где он родился и вырос и впервые соприкоснулся с вековечным крестьянским трудом, где осознал себя частицей огромного крестьянского моря, некогда выплеснувшегося на Алтай с Дона и Волги.

Свободолюбивый, гордый, независимый дух предтеч вдохновил писателя на создание эпически величальной и лирически щемящей романной поэмы донскому казачеству и российскому крестьянству, хлынувшим в далёкие вольные земли Сибири с юга России за поиском воли и счастливой доли...

«В «Степане Разине» меня ведёт та же тема, которая началась давно и сразу, — российское крестьянство, его судьбы, — пояснял Шукшин. — На одном из исторических изломов нелёгкой судьбы русского крестьянства в центре был Степан Разин. Поэтому — Разин. ...Я по происхождению крестьянин. Как только захочешь всерьёз понять процессы, происходившие в русском крестьянстве, так сразу появляется непреодолимое желание посмотреть на них оттуда, издалека. И тогда-то возникает глубинная, нерасторжимая, кровная связь — Степан Разин и российское крестьянство. ...Не менее глубоко-

кой проблемой был для меня и сам Степан Разин. Кто он, что он, каков он — не внешне, а по сути своей, по глубине, на это надо отвечать. С высоты трёхсот лет фигура Разина гораздо сложнее, объёмнее, противоречивее. В своём неукротимом стремлении к свободе Разин абсолютно современен, созвучен нашим дням. При всём том он остаётся человеком своего века» (Шукшин В.М. Степан Разин — легенда и быль // Лит. газ., 1970, 4 ноября, с. 8).

Как видим, обращение писателя к исторической теме, к образу Разина — закономерный итог его сложной творческой эволюции, плод глубоких раздумий об исторических судьбах русского крестьянства, наконец, попытка соединить в целостную нить прошлое и настоящее, вывести из истории в наш день непреходящие нравственно-философские поиски и конфликты, стремление их развязать, актуализировать, ответить на актуальные вопросы современности в свете прошлого. Это начисто снимает дилетантское удивление, некогда царившее в профессиональной литературно-критической среде: «Как?! Шукшин — этот прирождённый новеллист, признанный мастер «деревенской прозы», и вдруг история, XVII век, Разин... Такой поворот!»

«Почему эта фигура казачьего атамана выросла в большую историческую фигуру? — задаётся вопросом писатель и отвечает: — Потому что он силой и своей неуёмностью, своей жалостью даже воткнулся в крестьянскую боль...»

В текущей литературе, публицистике широко декларируются пресловутые «общечеловеческие ценности», благородные христианско-православные заповеди, однако от чрезмерного и бездумного использования они имеют обыкновение стираться, как пятаки, абстрактно-беспредметные гуманистические призывы остаются призывами, опасно деформируя и без того искривлённое сознание современников. Нужно время, нужны большие усилия для усвоения нравственно возвышенных заповедей. Библейские истины нередко становятся достоянием обыденного сознания — вот что страшно.

А поможет нам найти прочные и надёжные опоры для оптимистических расчётов то, что предельно ясно раскрылось в философском мире Шукшина: сама реальность русской национальной сущности, представшая у писателя в бесконечном многообразии, в исключительно обнажённой правде жизненных гримас.

У Шукшина есть всё-таки великая духовная опора, которая способна поддержать в лихую годину. Уверенно стоя на позиции безусловного жизнеутверждения, неколебимой веры

в Россию, в русский народ, Шукшин внушает нам оптимистическую ясность и духовную прочность.

...Часы идут, дни бегут, а годы летят. Всё больше растёт интерес не только к самобытному и многогранному творчеству В.М. Шукшина, но и к его незаурядной личности, яркой и многотрудной судьбе.

Неожиданная, скоростипажная, горячо опалившая кончина Василия Макаровича 2 октября 1974 года, когда ему было всего-то 45 лет, в возрасте, который называют цветущим, потрясла Россию. Не случайно появилась экзотическая версия о насильственной гибели Шукшина: якобы он был застрелен «по-настоящему» при съёмке эпизода боевой атаки в кинофильме «Они сражались за Родину», в котором Василий Макарович блистательно сыграл роль сержанта Лопухина. Широко разнеслась версия «отравления» Шукшина на теплоходе, когда снимался этот фильм: якобы в каюту, в которой он спал, ночью был пущен газ, вызвавший у него инфаркт...

О «насильственной смерти» Василия Макаровича не раз сдержанно упоминала и его супруга, актриса Лидия Николаевна Федосеева-Шукшина, не вдаваясь в подробности. Выдающийся советский кинорежиссёр Сергей Бондарчук как-то горестно обронил: «Васю убили! И я знаю — кто...»

Избавиться от нахлынувших мистических представлений тут и в самом деле нелегко, особенно если вспомнить, что творческий путь писателя не был усыпан розами. Достаточно вспомнить, что свое последнее письмо к матери в село Сростки Шукшин отправил из донского посёлка Клетский, где снимался фильм «Они сражались за Родину», 28 сентября 1974 года. Мать получила его 2 октября — в день смерти сына. Написано письмо было **красными чернилами** и заканчивалось припиской: «Сюда уже больше не пиши»...

Твёрдые и последовательные национально-эстетические ориентиры писателя крайне раздражали кислотную либерально-космополитическую публику. Пристально наблюдая за стремительным творческим ростом Шукшина и его безусловным тяготением к истокам формирования русского национального самосознания, критики-«интернационалисты» пытались переломить мировоззрение писателя, перевести его творчество на культивируемую ими методологию пресловутых «общечеловеческих ценностей», упростить и примитивизировать его творчество, представить Шукшина как деревенского «самородка» и рассказчика-«бытовика», якобы «не способного» к художественному воплощению глобальных вопросов времени. Не случайно его произведения зрелого периода с немалым трудом пробивали себе путь в советские

журналы и книгоиздательства, а законченный киносценарий по роману «Я пришёл дать вам волю», в котором Шукшин намеревался сыграть роль Степана Разина, так и не был реализован. Это не могло негативно не отразиться на здоровье писателя.

Последовательная и принципиальная устремлённость Шукшина к своим корневым национальным истокам, его всё более зреющее и жёсткое неприятие русофобских вывихов в литературе и искусстве 1960—1970-х годов формировали устойчивую к нему ненависть со стороны агрессивно-либеральной публики, что не могло не ранить его чуткую, восприимчивую душу. Враждебные антирусские силы старательно подставляли ему ножку на всём пути его многогранного творчества. Достаточно напомнить, что фильм о Степане Разине не состоялся прежде всего потому, что в образе легендарного исторического персонажа Шукшин, вопреки расхожему в либеральной среде мнению, будто русский человек изначально глуп, малообразован, некультурен и наивен, как малое дитя, хотел воспеть сильную, волевою и вместе с тем добрую, чистую и открытую русскую душу, а ему всеми силами мешали: упрекали, что якобы сценарий слишком длинный, мол, личности Разина приданы несвойственные народному буйному бунтарю благородные черты, свойства и пр., и пр. Но эти придирки были лишь формальным поводом, чтобы помешать воплотить на экране широкую русскую душу во всех её необъятных нравственных колебаниях и глубоких душевных проявлениях, в контексте бурных исторических катаклизмов.

В представлении Шукшина, Степан Разин — «не традиционный великан с ломаной бровью, пугающий Стенька Разин», как повелось его изображать в искусстве. «Я хочу снять с него внешнюю богатёрскость и привлечь внимание зрителя к его уму. ...Другая грань его личности, которая выдвинула Разина в истории, в событиях, в памяти, — громадная, чисто русская любовь к простым людям, его заступничество. В сценарии (и в романе Степан экспансивен, трясти его начинает, когда он видит, что обижают простого человека. И, по-моему, это искренне. Это так и было. Таким он остался в преданиях, таким создал его ещё один — самый великий художник — народ. Таким Степан и живёт» (Шукшин В.М. Т. 8, с. 104—105).

Василий Шукшин не был мастером словесной вязи, но в его строчках столько неистойвой боли, страдания, искренней сыновней любви к своей великой и печальной, соловьиной Родине-матери, что после первых же страниц забываешь про всё на свете и дышишь одним воздухом с его незамыслова-

тыми, колоритными «чудиками», живёшь одной жизнью с русскими людьми, которыми густо заселён мир его необычайного творчества.

И ещё он умел верить. Верить так, как дано далеко не всякому. И вера эта в свой народ, в будущее тоже крепко держалась на любви к России. Об этом свидетельствуют все материалы, воскресившие образ Василия Макаровича на многих страницах статей и книг о нём.

Вспоминаю 2009 год. На Алтае он был объявлен годом В.М. Шукшина. Но не только Алтай — вся Россия отмечала 25 июля его 80-летний юбилей. На малой родине Шукшина, в Сростках, собрались многие почитатели его выдающегося, истинно народного таланта. Приехали писатели из Москвы во главе с В.Г. Распутиным, большая группа кинематографистов, вдова писателя Лидия Николаевна и его дочери. На конференцию прибыли учёные — филологи из Бельгии, Латвии, из разных городов и весей России.

Прежде в течение ряда лет в июле проводились широкие Шукшинские чтения, ставшие традиционными. В год 80-летия писателя был впервые проведён Всероссийский фестиваль «Шукшинские дни на Алтае», а предшествовала ему Международная научно-творческая конференция в Алтайском государственном университете в Барнауле «Творчество В.М. Шукшина в межнациональном культурном пространстве», которая продолжалась в Бийском госуниверситете им. В.М. Шукшина. И завершился этот большой всенародный праздник 25—26 июля открытием XI Шукшинского кинофестиваля в Сростках. А осенью, в Дни памяти, 2—3 октября во Всероссийском мемориальном музее-заповеднике в с. Сростки прошла традиционная плановая конференция «Шукшинские чтения», посвящённая 80-летию В.М. Шукшина и 100-летию со дня рождения его покойной матери, Марии Сергеевны.

Для любого человека, кому выпадает счастье побывать на Шукшинском фестивале, поездка к Шукшину — не просто незабываемая увлекательная поездка за впечатлениями. Это — экзамен. Ибо писать и говорить об этом надо без фальши, с чистым и светлым настроением души и сердца.

Не сомневаюсь, что и в нынешнем, юбилейном году 90-летия Василия Макаровича Алтайская земля вновь с радостью встретит много гостей. Научное шукшиноведение пополнится новыми изысканиями, посвящёнными его блистательным творческим обретениям.

В.М. Шукшин писал: «Нам бы о душе не позабыть!..» В этих словах заключено редчайшее провидение, предчувствие

огромных перемен и потрясений, в которые скоро будет ввергнута Россия...

Люди едут к Шукшину в Сростки. Поклониться его земле и попытаться понять самим и поведать другим: что за живительные воды питали его глубоко народный талант? И так хочется, чтобы каждый, кто прикасается сегодня к Шукшину, мог бы произнести вслед за ним: «Верую! Верую в Россию, в её будущее...»

В июне 1974 года, в последние дни своей жизни Шукшин и другие участники съёмок фильма «Они сражались за Родину» встретились с М.А. Шолоховым в Вёшенской. Усадили его рядом с хозяином дома. Когда пришла пора сказать ему своё слово, он с чувством произнёс: «Я сейчас хочу сказать не как артист, не как кинематографист, а как литератор. Мы с вами распустили нацию. Теперь предстоит тяжёлый труд — собрать её заново. Собрать нацию гораздо сложнее, чем распустить».

В ответ на эти слова поднялся Шолохов, понявший сразу серьёзность момента, и предложил: «Давайте выпьем за Васю Шукшина — собирателя земли Русской».

...Размышляя о Шукшине, видишь одно, ключевое — он был заложником Правды, дав свою, глубинную формулу её толкования — «Нравственность есть Правда» — и добавил отдельно: «Литература есть Правда. Откровение. И здесь абсолютно всё равно — кто смелый, кто сложный, кто «эпопейный»... Есть Правда — есть литература. Ремесло важно в той степени, в какой важно: начищенный самовар или тусклый. Был бы чай. Был бы самовар не худой».

При всём драматизме и трагизме поисков своего места «под солнцем» положительно прекрасные герои Шукшина лишены и намёка на лукавство, светятся удивительной добротой и щедростью своих душ, они простые, но не простоваты, они вечные странники-праведники, искатели большой жизненной Правды. Они — рупор трудных и порой противоречивых нравственных поисков и размышлений своего автора.

«Главные составляющие эстетики Шукшина — Труд, Красота, Нравственность и Правда. Все эти категории проверены веками существования народной культуры. Такие высказывания, как «Угнетай себя до гения», «Нравственность есть Правда», «Литература есть Правда. Откровение», «Хочешь быть мастером, макай своё перо в правду», «Сложное — просто» — определили эстетическое кредо писателя», — подчёркивают А.И. Куляпин и О.Г. Левашова.

Свой последний авторский фильм «Калина красная» Василий Шукшин снимал в вологодских краях, в Белозерье. По ходу съёмок он несколько раз встречался со зрителями,

настоятельно призывая задуматься о том, что с нами происходит ежедневно: *«А сами с собой мы остаёмся пореже. Но... надо, наверно, оставаться. Вот, например, прожит день, оглянулся — что-то сделано, такой сокровенный праздник души, не зная хоть иногда такого праздника — величайшая бедность... Нам бы про душу не забыть. Нам бы немножко добрее быть. Нам бы с нашими большими скоростями не забыть, что мы люди, что мы должны быть... Мы один раз, уж так случилось, живём на земле...»*

По прошествии лет невольно задаешь себе вопрос: ну а что мы, потомки, о которых так трепетно болела душа у Шукшина, сделали для него, для увековечивания его выдающегося народного таланта?..

Сделали, к счастью, не так уж мало, но предстоит гораздо больше. И не только в плане увековечивания его доброго имени в названиях улиц и площадей, школ и библиотек, написания о нём умных книг и статей и т.п. Речь идёт о более глубинном понимании творчества Шукшина как ярчайшего явления русского национального искусства, нашей самобытной культуры и литературы, в аспектах внимания писателя к устному народному творчеству, к эстетическим традициям и новаторству удивительного художественного слова Шукшина. Тут ещё непочатые пласты новых открытий и обобщений.

Между тем, как ни прискорбно говорить, произведения Шукшина крайне мало изучаются в школах и гуманитарных вузах. На филологических факультетах госуниверситетов, казалось, сам Бог велел обстоятельно изучать его многогранное творчество. Однако вместо этого студенты зачастую весьма легкомудро «выбирают» для чтения книги по вариативному списку произведений, рекомендованных «для чтения», т.е. хочешь — читай Шукшина, хочешь — не читай, руководствуясь своими субъективными «вкусовыми ощущениями»...

Что это — бессознательное и бездумное методическое упущение или преднамеренная невежественная акция, чей-то злой умысел?.. Не стану сгущать красок, но и довольствоваться таким печальным фактом недопустимо. Нельзя ограничиваться лишь праведными воспоминаниями о Шукшине только на юбилейных торжествах, посвященных его выдающемуся творчеству. Скудоумие начинается как раз с того, что мы вспоминаем иных гениальных художников слова «по случаю» их «круглых» юбилеев...

Имя В.М. Шукшина по праву вписано в классику русского национального искусства, в филологии образовалась наука — шукшиноведение. К 80-летию писателя выпущен вы-

шеупомянутый качественный восьмитомник собрания его сочинений, ставший, без преувеличения, золотым раритетом, правда, очень уж малым тиражом, всего 5 тысяч экземпляров.

Есть надежда, что грядущий юбилей В.М. Шукшина пополнится новыми исследованиями его замечательного творчества, а восьмитомник собрания его сочинений будет, как минимум, переиздан куда более солидным тиражом и в надлежащем полиграфическом исполнении.

«В восьмом томе Шукшин предстаёт как личность, во многом не знакомый нам человек, — поведал кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и исторического языкознания АлтГУ Дмитрий Марьин. — Сюда вошла его публицистика — интервью, литературные беседы, статьи. Набралось более 30 текстов, причём часть мы нашли в ведомственных и местных газетах. Впервые опубликованы многие из 134 писем Василия Макаровича... Особо интересны исследователям, как мне кажется, пять его автобиографий. Шукшин ведь в какой-то степени создал миф о самом себе, сознательно искажая некоторые моменты своей биографии — в частности, касающиеся репрессированного отца. Однажды он написал про него: «Погиб на войне». В другой автобиографии читаем: «Лишившись родного отца...» — и ничего о причинах. Только после смерти Сталина Шукшин сказал всё, как есть».

...До последнего времени было известно немногим, что Шукшин писал также стихи, которые он читал, как правило, в кругу друзей, иногда — на творческих встречах. Но никогда не публиковал их под своей фамилией. Они появлялись либо в виде стихотворных эпиграфов к рассказам, либо в виде стилизации под народные песни, как, например, в романе «Любавины» и «Я пришёл дать вам волю». В восьмитомнике собрания сочинений писателя насчитывается около двух десятков его стихотворений. Но, полагаю, в реальности их гораздо больше.

Любопытно, что творчество В.М. Шукшина серьёзно начали изучать первыми не в СССР, а на Западе. Иностранцев заинтересовали «странные» герои Шукшина — «чудики», т.е. сельские люди, попавшие под пресс урбанизации, уже не крестьяне, но ещё не горожане. Именно на Западе о них сказали как нельзя более точно: «Крестьяне с душой интеллигентов». По сути, сам Василий Макарович был таким, не случайно в каждом из его положительно-прекрасных персонажей можно без труда усмотреть особенности черт его характера и мышления.

К слову, интеллигентность, в понимании Шукшина, — это не галстук и не шляпа, не внешний лоск, а нечто существен-

но иное. Вот как он писал: «...Явление это — интеллигентный человек — редкое. Это — беспокойная совесть, ум, полное отсутствие голоса, когда требуется — для созвучия — «подпеть» могучему басу сильного мира сего, горький разлад с самим собой из-за проклятого вопроса «что есть правда?», гордость... И — сострадание к судьбе народа. Неизбежное, мучительное...» (Шукшин В.М. «Монолог на лестнице». Т. 8, с. 22).

Между тем никакого «расщепления души», «раздвоения сознания», пресловутой «достоевщины», никакой «ущербности» у шукшинских героев, как утверждали иные прозападные знатоки русской души, у писателя не было и в помине.

Как сильная, цельная личность народный художник крепко и уверенно стоял на позициях утверждения тех вековых духовных ценностей, которые утверждала отечественная классическая литература — Пушкин, Гоголь, Толстой, Тургенев, Достоевский, Чехов, Шолохов, Леонов... Труд, Правда, Совесть — вот те главные ценности, что издревле возводились на Руси в высший ранг уважения и почёта.

«Русский народ за свою историю отобрал, возёл в степень уважения такие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброта...», — не раз подчёркивал Шукшин. В центре его творчества неизменно находится традиционный для русской классики «маленький человек», которого недалёкие «профессионалы» от литературы, не поняв его глубинной философской сути, отождествляли с заурядным чудаком, а то и простоватым мужичком-дурачком.

На самом деле «чудик» — человек с высокой, одухотворённой и беспокойной душой, живущий по нравственному кодексу Чести и Совести. И никакой он, по сути, не странный. Таким в идеале должен быть человек от Бога, пропитанный лучшими морально-нравственными качествами. Станным он выглядит лишь в глазах обывателя и приспособленца, растерявшего человеческое достоинство и свои душевные качества.

Простой человек, «извечный труженик», на котором русская земля держится, — вот перед кем преклонялся, «снял шляпу» Василий Макарович. Вспомните его гимн вековому крестьянскому укладу: «...Я запомнил образ жизни русского крестьянства, нравственный уклад этой жизни, больше того, у меня с годами окрепло убеждение, что он, этот уклад, прекрасен в целом, начиная с языка, жилья... Нигде больше не видел такой ясной, простой, законченной целесообразности, как в жилище деда-крестьянина, таких естественных, правдивых, добрых, в сущности, отношений между людьми... Там

много, очень много работали... Вспоминаю дядю Ермолая. И его тоже поминаю — стою над могилой, думаю. И дума моя о нём — простая: вечный был труженик, добрый, честный человек. Как, впрочем, все тут, как мой дед, бабка... Люблю этих, под холмиками. Уважаю. И жалко мне их...»

Для Шукшина, взращённого глубинными народными соками, Родина — высшая Святыня и опора: «Родина... Я живу с чувством, что когда-нибудь я вернусь на родину навсегда. ...Какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови. Моё ли это — моя родина, где я родился и вырос? Моё. Говорю это с чувством глубокой правоты, ибо всю жизнь мою несу родину в душе, люблю её, жив ею, она придаёт мне силы, когда случается трудно и горько... Она и живёт постоянно в сердце, и образ её светлый погаснет со мной вместе. Благослови тебя, моя родина, труд и разум человеческий! Будь счастлива! Будь ты счастлива, и я буду счастлив» (Шукшин В.М. Т. 8, с. 54—55).

Шукшинское мировоззрение, его творческий идеал, его духовно-нравственная, осветлённая православным сознанием эстетика зиждется на признании и бескомпромиссном утверждении корневых основ русской национальной жизни. «Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши, невероятной тяжести победы, наши страдания — не отдавай всего этого за понюх табаку», — словно пристально вглядываясь издали в наше суровое драматическое время, умоляет нас Шукшин, удивляясь и восхищаясь невероятным русским многотерпением. В то же время резко ругая, осуждая нас за это рабское терпение и одновременно слёзно жалея русского человека той горькой жалостью, на которую способен художник, вышедший из глубинных недр простого народа.

...Приезжая в Сростки, я всюду вижу просветлённые, добрые лица. И думаю: жива Россия Шукшина!.. Вот он, секрет всенародной тяги народа к Шукшину и его родным Сросткам: Шукшин необходим людям как символ нашего несломленного духа, как глоток свежего воздуха, как живительный родник, к которому нужно припасть, чтобы, как он выражался, «обрести утраченный напор в крови»...

г. Тверь

Дорогие читатели «Молодой гвардии», у вас есть возможность получить в подарок Собрание сочинений в 6 томах главного редактора журнала Валерия Хатюшина. Для этого необходимо приехать в редакцию или оплатить почтовую доставку в сумме 600 руб. Деньги нужно перевести на банковскую карту Сбербанка № 2202 2005 6546 0175, указав в сопроводительном письме свой полный почтовый адрес.

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на вторую половину 2019 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге «Почта России» подписной Индекс «МГ»: П6410 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.